

Кармалъ Герцен

Наперекор судьбе

Жизнь двух сестер рушится, когда их разлучают. Отныне Гвендолин и Лили предстоит в одиночку бороться за свободу и счастье.

Лили не желает быть безвольной рабыней элькхе — варвара, чужеземца. Но даже беглянку может настичь судьба в лице мага с очаровательной улыбкой.

Гвендолин вынуждена стать Искрой — живым сосудом, магической подпиткой — для некромага. Вокруг плетутся интриги, она окружена врагами... Но даже среди них можно встретить свою любовь.

Гвендолин и Лили. Наперекор судьбе
Кармаль Герцен

Глава первая. Гвендолин

Этот страшный день разделил мою жизнь на «до» и «после». До — было непростое время, пора затяжной войны за Даневию, но время, когда мы с сестрой и отцом были вместе. После — зияла черная бездна, в которой бесследно растворились счастье и радость.

Мы слишком поздно узнали, что воины Ареса Светорожденного вторглись в наши земли. О жестокости мага-завоевателя ходили легенды. К своей цели — стать правителем Даневии — он шел буквально по головам. Арес появился буквально из ниоткуда — с какого-то богом забытого селения в Землях Лишенных, к югу от герцогства. Он умел манипулировать людьми — запугивал, подкупал, принуждал, он внушал страх или же желание идти за ним хоть на край света. Магия это или нет, но Арес очень быстро сколотил армию из элькхе и даневийцев, недовольных правлением Гримара. Очень скоро правитель Даневии герцог Садар Гримар и его ближайшее окружение были убиты.

С началом войны многие, не желая восхождения Ареса на даневийский трон, возлагали надежды на его противника Ингвара — лидера сопротивления, одного из немногих, кто решился выступить против Ареса. Увы, Ингвар потерпел сокрушительное поражение. Одни утверждали, что его убили, а труп повесили на дворцовых воротах — в назидание другим. Другие — что Ингвар, чья армия оказалась разбита, позорно сбежал в соседние земли, где никто и никогда не сможет его найти. И не успела эта весть разлететься по герцогству, как запылали наши дома — дома тех из нас, кто отказался подчиниться новому правителю Даневии Аресу Галлахару.

Я слышала крики женщин и детей, через оконное стекло видела страх на их лицах... и видела тех, кто внушал им этот страх. Впереди шли элькхе — коренные жители соседних Непримириемых Земель — высокие, смуглокожие и черноволосые. Мы, даневийцы, называли их варварами — за почти животную жестокость в бою и уничижительное отношение к женщинам. В Непримириемых Землях те могли рассчитывать только лишь на роль бесправной рабыни, тогда как в Даневии рабство было запрещено.

Но так было до тех пор, пока Садар Гримар не был убит Аресом. Что станет с герцогством теперь, я боялась даже представить.

Прятаться было слишком поздно, и тогда — впервые за долгие годы — отец взял в руки клинок. Просто он знал, что может ждать молодую девушку, попавшую в лапы Ареса Светорожденного. И он слишком любил нас, своих дочерей.

Я никогда не видела Ареса прежде, но узнала его, едва он перешагнул порог моего дома. Хмурое лицо, властный взгляд, уверенная походка и обагренный кровью кинжал роднили его с элькхе, что шел с ним рядом. Отличало его другое: несмотря на молодой вид — Арес был лишь на несколько лет старше меня, он был совершенно седым. Отчего это случилось, доподлинно никто не знал — тем более, что его брат по крови был обычным, темноволосым.

Я плохо помню, что случилось потом. Чьи-то грубые руки схватили меня, поволокли прочь. Знаю лишь, что отец пытался защитить меня и Лили до последнего своего вздоха. И даже когда в его грудь вонзился меч седовласого, я увидела в глазах отца не боль и страх, а... вину. За то, что подвел нас, что не сумел уберечь.

Словно в полусне, вдруг обернувшись настоящим кошмаром, я видела, как умирал отец. Как руки Лили — моей хрупкой белокурой сестры — тянулись к нему, будто надеясь тем самым вернуть его к жизни. Я кричала до хрипоты, казалось, мое сердце вот-вот

остановится, чтобы больше уже не забиться — таким сильным ударом стала для меня смерть отца.

Мне казалось, что моя жизнь разрушена, но... стерва-судьба поспешила растереть в пыль и ее останки, и камня на камне не оставив.

Из-за спины Ареса вышел облаченный в серый балахон старик. Его белые глаза, лишённые зрачков и радужки, вводили в заблуждение не знакомых с народом Лишённых жителей Эйоса, уверенных, что Слепые не видят абсолютно ничего. Верным было то, что они не могли видеть глазами, но им было доступно совсем иное зрение, мистического рода. Слепые чувствовали окружающий мир, подчас зная то, что недоступно зрячему.

— Искра, — прохрипел старик, тыча в мою сторону узловатым пальцем.

Я вздрогнула, но ненависть к Аресу пересилила страх. А ведь уже тогда я знала, что меня ожидает.

Такие, как я, лишь разменные монеты. Искры, Искрящие, Дарующие — как ни называй — мы не способны на собственные чары, лишь можем усиливать чары других, делясь своим магическим резервом. Живые сосуды магии... пользоваться которой мы не можем. Искры обладали магическим резервом, необходимым для чар, но не могли сами распорядиться им, напитывая свою кровь магией — словно этот канал был запечатан. Маги ищут нас по всей провинции, а после просто покупают, предлагая нашим семьям щедрую дань. Многие Искры идут на это, и становятся магическими куклами магов, лишь бы помочь родным. Но сейчас... Что-то подсказывало мне: мое желание никого интересовать не будет.

— Замечательно. — Арес ослабил. Его внешне привлекательный — даже несмотря на седые волосы — облик тут же померк, растерял всю свою красоту. И дело было даже не в ухмылке, а коктейле из эмоций, появившихся на лице — высокомерии, презрении, вседозволенности. Сейчас он напоминал не могущественного мага и завоевателя, а капризного ребенка. И дальнейшие слова Ареса лишь усилили это впечатление. — Великолепный трофей, не находите? Уверен, граф Рэйст обрадуется такому очаровательному подарку.

Люди Ареса — по стечению обстоятельств элькхе и даневиец, тут же схватили меня под руки. Меня не просто похищали из родного дома, лишив отца и свободы, но собирались... подарить. Меня, Гвендолин Меарк, собирались вручить как сувенир графу Рэйсту. Это имя было хорошо мне знакомо — людская молва утверждала, что граф был правой рукой Ареса и внес немалую лепту в противостояние Ареса и Ингвара.

Я подавила стихийное желание вырваться из хватки стражей. Сделать это невозможно, да и бессмысленно, когда Арес стоит всего в нескольких шагах от меня. Я только лишь унижу саму себя и дам ему повод над собой смеяться. Я вздернула подбородок. Он не увидит моих слез, и мольбы моей не услышит. Я не доставлю ему такого удовольствия.

Но то, что я не делала никаких попыток помешать Аресу, не означало, что я смирилась со своей судьбой. Я просто выжидала подходящий момент.

Как только я оказалась в твердой хватке рук Аресовских цепных псов, он тут же потерял ко мне всяческий интерес. Подошел к Лили, которая смотрела на происходящее полными слез глазами, повелительным жестом взял ее за подбородок. Все внутри меня перевернулось, легкие обожгло огнем — огнем, имя которому ярость. Желание подлететь к Аресу и с силой ударить его по руке — чтобы больше даже мысли не допускал коснуться моей Лили своими мерзкими пальцами, — было настолько сильным, физически ощутимым, что казалось — одной силой мысли я смогу привести задуманное в действие.

Но... увы. Я могла только бессильно наблюдать, пронзая Ареса ненавистным взглядом — уверена, к подобным взглядам он давно уже привык, — до боли стискивая пальцы в кулаки.

Лили вздрогнула, когда Арес дотронулся до нее. По фарфоровой щеке к длинной, лебединой шее сбежала слеза. Сестра взглянула на меня с затаенной надеждой. Я ответила взглядом: "Держись".

Лили была младше меня на четыре года — совсем недавно ей исполнилось девятнадцать. Она была мягче, добрее меня... светлее меня — и скорее из-за этого и моей способности к магии, нежели из-за разницы в возрасте, считала меня мудрее, опытнее и сильнее. В чем-то она была права, но у каждой из нас были свои сильные стороны. Вот только доброта и сострадание Лили могли обернуться против нее в эпоху войны... в эпоху, когда тронем завладел беспощадный завоеватель.

- А эта? — заинтересованно спросил Арес у Слепого.

Тому потребовалось лишь несколько мгновений, чтобы заглянуть в самую душу Лили, увидеть то, что пряталось в ее глубине, сокрытое для всех остальных... но только не для уроженца Земель Лишенных.

- Пуста. Абсолютно. В ней нет ни капли магии.

Для Лили эта фраза была как пощечина. Моя милая сестренка, она думала, что умеет прятать эмоции внутри, но правда в том, что все они отчетливо читались на ее хорошеньком личике. А потому ее сокровенные мысли никогда не были для меня тайной. Я знала, как тяжело переживает Лили свою "неполноценность" — ведь, родившись в семье магов, она не унаследовала способностей родителей к магии. Мама была Искрой, отец — целителем и неплохим ментальным магом. Жаль только, что от смертоносного удара клинком в самое сердце его это уберечь не могло.

Лили росла обычным человеком, без толики магического дара, и впервые я была искренне этому рада — ведь это значило, что сестре, как мне, не придется стать для какого-нибудь мага неким подобием магического артефакта, усиливающего его собственный дар.

После смерти отца и приготовленной для меня роли подпитки графа Рэйста сделать мне больнее, казалось, было уже невозможно. Но Арес сумел.

- Корас, я дарю ее тебе, — бесстрастно обронил он. Но показное равнодушие Ареса меня не обмануло. Я же видела, что он смакует страх Лили и мое потрясение.

- И зачем она мне? — Голос у стоящего рядом с ним элькхе был хриплым и низким. — У меня предостаточно рабынь.

Арес развернулся к варвару, впери в него неприязненный взгляд. От его голоса повеяло холодом:

- Ты отказываешься от подарка своего герцога?

«Ты не герцог, — мысленно взъярилась я. — Ты самозванец».

По каменному лицу элькхе трудно было угадать его истинные эмоции, да и тон совершенно не изменился, когда он ответил на недовольные слова Ареса:

- Конечно же нет. Если позволит Ваша Светлость, я продам ваш подарок на невольничьем рынке, а на вырученные деньги приобрету боевых магов для своего дома.

— Делай, что хочешь, — махнул рукой Арес.

Я задохнулась от гнева и страха, ледяными тисками сжавших мое сердце. Лили отдадут в рабство... Нет, только не это... Все, что угодно, но только не это!

- Заберите лучше меня, — надтреснутым голосом сказала я.

В глазах Ареса появилось уже знакомое мне выражение — его забавляло происходящее.

- Как благородно! — протянул седовласый, откровенно надо мной насмехаясь. — Но увы, ты нужна мне самой. Точнее, моему верному адгеренту.

А элькхе — солдаты Корас — уже направлялись к Лили. Все барьеры рухнули, самообладание, так тщательно удерживаемое мной, треснуло по швам. Я ринулась вперед, даже заранее зная, что проиграю. Хотела подобрать клинок отца, лежащий рядом с его бездыханным телом. Клинок, воспользоваться которым он так и не смог. Вонзить его в холеное тело Ареса... а потом — будь что будет.

Мне просто не дали шанса — хватка его солдат оказалась подобна стальным оковам. Я попыталась вырваться, но добилась лишь грубого толчка назад. Арес шагнул ко мне, но, внезапно передумав, лениво кивнул Корас. Элькхе протянул ко мне руку и...

Боль обрушилась на меня, разрывая тело на части. Вгрызлась голодным зверем, заставляя каждую клеточку гореть огнем. Я терпела сколько могла — чтобы еще больше пугать Лили, которая после всего пережитого и так была близка к обмороку, чтобы не видеть удовлетворения в глазах Ареса. Силы кончились, и я закричала.

Я и подумать не могла, что однажды мне доведется почувствовать на себе пресловутую магию боли. Впрочем, раньше я и подумать не могла, что застану войну... и увижу, как правитель родного герцогства убивает моего отца. Если бы не державшие меня стражи, я бы просто рухнула на пол — ноги просто меня не держали. Одуревшая от боли, я встретилась взглядом с полным сострадания взглядом сестры.

- Я найду тебя, слышишь? — хрипло сказала я, несмотря на клокочущую внутри ярость и страх, сделавший мои пальцы ледяными. — Лили!

На бескровном лице сестры ярко выделялись зеленые глаза, в которых плескался ужас.

- Я тебя найду, — повторила я. Лили неуверенно кивнула в ответ.

- Ты слишком самоуверенна, — неприязненно бросил Арес. — Отныне ты — моя собственность.

«Увидим», — стиснув зубы, подумала я.

Я — Гвендолин Меарк, и так просто сдаваться не намерена.

Глава вторая. Лили

Пропасть... На месте выжженного счастья осталась черная бездонная пропасть. В нее падали осколки разрушенного мира, который еще вчера казался, пусть и не безупречным, но все же знакомым и родным.

Теперь я в одночасье перестала узнавать окружающую меня реальность.

Люди варвара с Непримириемых Земель тащили меня за руку куда-то, а я все смотрела на распростертое на полу тело отца, силясь поверить в происходящее. Пыталась понять... но не могла. Подняла взгляд, в тщетной надежде, что все это окажется сном, иллюзией — и натолкнулась на белое, как маска, лицо Гвендолин. Мысль, промелькнувшая молнией: я никогда не думала, что у живых людей бывают такие мертвенно-бледные лица. И еще одна мысль, первую опередившая: все это правда. Это действительно произошло.

Холодная ярость в глазах сестры подействовала на меня как вылитый на голову ушат ледяной воды. Мир стал темнее, а боль в груди — невыносимее. Из глаз брызнули слезы.

Я сначала пыталась вырваться, даже куснула кого-то сгоряча, но моего запала надолго не хватило. Кто-то ударил меня по лицу, и... меня повели прочь. Прочь из родного дома, ставшего вдруг таким незнакомым и чужим. Дома, где сам воздух, казалось, пропитался болью, кровью и отчаянием.

Гвен что-то кричала мне вслед, но я уже не слышала — грохот тяжелых сапог солдат и магов заглушал звуки. Или мне лишь так казалось — голову словно набили ватой. Ватными стали и ноги — я едва шевелила ими, и солдатам варвара — кажется, Арес назвал его Корасом, — приходилось практически тащить меня на себе. Пару раз меня грубо толкнули в спину, чтобы шла быстрее, но я осталась безучастной ко всему происходящему.

«Папа умер. Папы больше нет», — это все, о чем я могла сейчас думать. И когда боль, острая как лезвие ножа, грозила разорвать мне надвое сердце, на меня обрушились два ментальных удара. Удар. Нас разлучили с Гвендолин. Удар. Меня везут на невольничий рынок. Мир вокруг меня рушился, хотя внешне и казался цельным.

Смириться с этим было невозможно. Спротивляться — бессмысленно. И я просто отдалась этому чувству, поглотившему меня, без остатка. Нырнула в пучину отчаяния и захлебнулась в его волнах. Благодарная за выпавший мне шанс хотя бы недолгого забвения, я потеряла сознание.

...Путешествие до Тскаваны — столицы Непримириемых Земель, заняло несколько часов. Меня осмотрели, несмотря на то, что на мне было платье из тонкой ткани. Затем Корас посадил меня на коня и сам сел спереди, связав мне руки бечевкой у себя на груди. Подумать только — я всегда так мечтала побывать за пределами родного дома. Но сейчас мой взгляд лишь отрешенно скользил по простирающимся вокруг необжитым землям — голые деревья, хилые кустарники и практически высохшая река.

Когда мы прибыли в Тскавану, меня ошеломил вид столицы. Огромные высокие дома со стеклянными витражами, разнообразные клумбы, разбитые по всему городу, тенистые аллеи. Через некоторое время мне пришлось опустить взгляд из опасений посмотреть в глаза кому-нибудь из проходящих мужчин. Увы, родной край остался позади. Жестокая судьба закинула меня в чужие земли, в которых действовали свои законы. Не стоило усугублять мое и без того печальное положение.

Я не могла не чувствовать обжигающих взглядов, направленных на меня. Сцепив зубы,

терпела липкость и приторность этих взглядов, пытаясь не терять присутствия духа. Наша процессия остановилась. Стало ясно — мы прибыли на центральную площадь. Корас развязал мне руки и даже помог спуститься с коня. Не из вежливости, конечно, а из соображений безопасности — вдруг я упаду с лошади и порву платье, или заработаю царапину. На невольничьем рынке такая мелочь могла сильно сказаться на стоимости рабыни, вот Корас и подстраховывался.

Меня провели на небольшой помост, на котором я увидела деревянные шесты. Рабынь ставили возле них и привязывали им за спиной руки, лишая возможности побега и давая покупателям оценить по достоинству живой товар. Та же участь постигла и меня. Когда мне завязали руки, я рискнула немного оглядеться по сторонам. Почти все шесты были заняты рабынями разных возрастов и назначений.

Из книг и рассказов отца, я в самых общих чертах знала, как устроены законы элькхе. Рабыни делились на гостевых, личных, детородных, поварих и служанок. Самые привлекательные, служили «гостевыми», то есть были призваны развлекать и выполнять прихоти гостей дома, а также «личными», предназначенными для всех мужчин дома или только для его главы. Для того, чтобы стать личной или гостевой, рабыня должна была обладать яркой внешностью, детородной — отменным здоровьем, поварихами брали только тех, кто хорошо готовил, а все остальные обычно становились простыми служанками. Я подходила под все категории, чему Корас определенно был рад — это увеличивало его шансы заработать на мне кучу золотых монет.

У торговли рабынями был свой заведенный порядок. Распорядитель торгов называл сначала самых ценных рабынь, тех, кто подходил на роль личных и детородных. Затем начинались торги и те, кто назначал самую высокую цену, забирали рабынь в свой дом. Главы самых бедных домов обычно ждали до последнего, забирая самых неказистых, старых или неумелых.

Несмотря на то, что Непримирымые Земли славились бесконечной враждой глав домов, а на площади находились многочисленные их представители, драк или тем более убийств во время их пребывания в Тскаване никогда не возникало. Объяснялось это несколько неоднозначным законом правителя Непримирымых Земель Парлута Гоцара, вполне лояльно относящегося к междоусобным войнам, но строго карающего тех, кто завязывал войны непосредственно в Тскаване или на несколько лиг вокруг нее.

Я осторожно посмотрела вдоль рядов стоящих на площади мужчин, ожидающих начала торгов. Мой взгляд не поднимался выше их шей, но этого и не требовалось — я чувствовала предвкушение и нетерпение, исходящее от них. Ощущала все те же мерзкие взгляды, от которых все внутри переворачивалось. Они ждали, когда можно будет приобрести живое существо, которое будет беспрекословно подчиняться любым их приказам.

И дождались — вышедший на помост распорядитель объявил начало торгов.

Меня объявили третьей. Двух рабынь передо мной продали в наверняка обеспеченные дома, если судить по деньгам, которые за них заплатили. Десять и пятнадцать золотых — довольно внушительная сумма.

Я пыталась думать обо всем угодно, только не о том, что в данный момент решалась моя судьба. Естественно, это у меня плохо получалось. Первым ко мне подошел мужчина в сером балахоне — очевидно, Слепой. Прикоснувшись ладонями к моему животу, он пробормотал себе под нос:

— Слишком слаба, еле выносит ребенка.

Видимо, ему, или тому, на кого он работал, была нужна именно детородная, поскольку Слепой быстро потерял ко мне интерес. Следующим подошел человек, облаченный в зеленый балахон с золотыми нитями, означающими принадлежность к довольно обеспеченному дому. Он, взяв меня за подбородок, стиснул пальцы так, что я поняла — синяков не избежать. Незнакомец вертел мое лицо, стараясь рассмотреть его со всех сторон, и мне приходилось каждый раз закрывать глаза, чтобы не встретиться с ним взглядом.

В конце концов, видимо, удовлетворенный осмотром, он озвучил свою цену:

— Даю за нее два золотых.

Я нервно сглотнула. Происходящее все еще тонуло в некоей дымке неверия. Осознать, что все это — явь, а не сон, я еще до конца не могла. Слишком быстро разрушился мой привычный мир, оставив после себя только жалкие руины. Слишком силен был шок от смерти отца и разлуки с Гвендолин. Но страх уже заползал ледяной змеей в мое сердце, сворачиваясь там в клубок, готовый в любое мгновение пролить на него свой жалящий яд.

Незнакомец сошел с помоста, уступая место другому. Когда я увидела его одеяние, то похолодела. Черный балахон с низко надвинутым капюшоном и — я не видела, но знала — черная повязка, закрывающее лицо до самых глаз. Немой. Его народ — один из самых жестоких людей в Эйосе.

И причина для этой жестокости была не одна. Немые считали унижительным объяснение с другими с помощью жестов, а не собственного языка. Они часто вымещали свою злобу на тех, кто этот язык не сумел выучить, ведь это ставило Немых в неловкое положение, делая невозможным нормальное общение. Второй причиной был дар, данный Немым Дорейном — богом, которому поклонялись жители Земель Лишенных. Телепатия. Она позволяла им читать мысли других жителей Эйоса, зачастую не самых лестных. Тогда за свои мысли они расплачивались сполна.

Боги, я боялась даже представить, что делают Немые с неудобными им рабынями. Только не плакать, умоляла я себя. Одна слезинка все-таки скатилась по щеке, скрытой от глаз мужчин. Никто ничего не заметил.

Немой долго стоял возле меня, то ли осматривая, то ли читая мысли. Я же изо всех сил старалась думать о чем угодно, только не допускать мыслей о том, как я ненавижу Немых. Возможно, у меня получилось. Мужчина в черном балахоне отошел от меня, и боковым зрением я увидела его взметнувшиеся вверх руки. Он рисовал пальцами в воздухе, объясняя что-то советнику императора.

Наконец тот провозгласил:

- За эту рабыню только что было предложено восемь золотых монет.

Повисла тишина. Желаящих выложить за меня такую внушительную сумму не было. Восемь монет в копилку Кораса, и я буду принадлежать Немому. Накатила сильная слабость, граничащая с дурнотой. Только не это, пожалуйста, только не это.

В тот момент, когда я услышала громкий крик со стороны площади, я подумала, что светлые силы услышали мои молитвы и ринулись на помощь мне.

Боги, как же я тогда ошибалась.

- Подождите, — громко заявил властный голос, — я хочу на нее посмотреть.

Позабыв о правилах, я вперила взгляд в образовавшийся проход, стремясь разглядеть говорившего. На губах смуглокожего элькхе застыла холодная усмешка, в глазах — сама

тьма. Незнакомец проводил по моему телу руками, заставляя меня сжимать челюсти от страха, ненависти и отвращения.

- Слишком худа, — недовольно заметил черноволосый.

Не успела я вздохнуть с облегчением, как он добавил с усмешкой:

- Но красива.

Его сильные пальцы развернули мое лицо на него. Я привычно опустила глаза вниз.

- Посмотри на меня, — внезапно приказал ледяной голос.

Я похолодела — не от тона элькхе, а от его слов. В Непримириемых Землях женщинам строго запрещено смотреть на мужчин, а любое неповиновение карается очень жестоко.

- Я сказал — посмотри на меня. Я хочу увидеть твои глаза.

Закусив губу, я попыталась собраться с силами. Я знала, что не могу послушаться приказа, как и знала то, что последует за его выполнением. Резко вскинув глаза, я встретила взглядом со взглядом элькхе, ужаснувшись тому, какими черными, словно сама бездна, были его глаза. И тут же правую щеку обожгло резкой болью — нет, элькхе стал применять ко мне магию боли, он просто ударил меня изо всех сил.

Почувствовав во рту металлический привкус крови, я поняла, что от удара прикусила язык. Не выдержав, сплюнула кровь прямо на площадь, ожидая нового удара. Странно, но его не последовало. Вдруг элькхе наклонился к моему уху и издевательски прошептал:

- Считаешь себя сильной? Я это исправлю.

Он ошибался. Сейчас я чувствовала себя слабой как никогда. Гвендолин... Старшая сестра, Искра, магесса — она всегда защищала меня от любых бед — или порывалась защищать, даже если в этом не было необходимости. Она считала меня слабой, неспособной постоять за себя... и была совершенно права.

Отец... Он защищал меня до последнего вдоха, до последнего биения сердца в груди. Сердца, которое потом безжалостно пронзил Арес Светорожденный.

Краем глаза я увидела, как элькхе, отодвигаясь от меня, поворачивается к распорядителю.

- Я даю за нее десять золотых.

- Забирайте, — немедленно отозвался советник, зная, что больше за меня никто не даст.

Я почувствовала, что от моего самообладания не осталось ни капли, силы тоже меня покинули. Скользя по шесту вниз, я упала на колени.

- Поднимись, — приказал голос, по холодности сравнимый лишь с ужасающими ветрами Северных Земель.

Я продолжала сидеть на деревянных досках помоста. Внезапно стало так все равно... Упоительное ощущение безразличия, пришедшее на смену страху.

— Я сказал, поднимайся!

С трудом, но я послушалась — ноги дрожали, отказываясь меня держать. Мне пришлось подчиниться — теперь я принадлежала ему. Элькхе. Варвару. Устремив взгляд в пространство, я ожидала заслуженного наказания за свое промедление.

И тут пришла боль.

Казалось, чьи-то темные руки, неся страдание, проникают в самую душу и переворачивают, кромсают ее. Мучительная боль распространялась по телу, но, что хуже всего — она была внутри. Собственное биение сердца, ток крови и прерывистое дыхание — все приносило страдание и было окрашено в черный цвет.

Я закричала, падая на пол. Мой крик все не затихал, пока моему новому хозяину не

надоело мучить меня. Магия боли и темноты ушла из меня, а элькхе презрительно произнес:

- Запомни — отныне ты моя рабыня, и вести себя ты должна соответствующе, иначе... — ухмылка исказила его и без того отталкивающее лицо, — думаю, не стоит продолжать.

Он был прав — не стоило. Боль была лучшим объяснением того, что будет со мной при неповиновении. Униженная прилюдно, не имеющая возможности даже взглянуть в глаза своему мучителю, чтобы не получить новое наказание, я стиснула зубы так, что они закрипели. Стояла, невидяще глядя перед собой. Обжигающие слезы, стекающие по лицу, будто забирали с собой частичку моих страданий, принося желанное облегчение.

Боли больше не было, внутри меня осталась лишь пустота.

Глава третья. Гвендолин

И вот, спустя сутки пути, я прибыла во дворец Ареса Светорожденного, где лорд Рэйст был желанным гостем.

Внутреннее убранство дворца меня поразило. Белый камень в идеально-роскошном сочетании с золотом, крученые мраморные лестницы с золотыми перилами, мраморные же колонны и золотые рамы зеркал и картин. Золотисто-белое великолепие ослепляло, но отзывалось в моей душе лишь глухой тоской. Мой маленький домик, в котором детьми мы бесновались с Лили, был мне куда милей и роднее.

Как только мы вошли перешагнули порог обители Ареса, он тут же исчез в глубине кажущегося бесконечным коридора. Его люди, которые под руки заводили меня во дворец, отступили назад. Казалось, они совершенно не боялись того, что я могу попытаться сбежать. Что это — уверенность, что они поймают меня в ту же секунду, как только я предприму попытку побега или понимание, что дворец мне не покинуть вовсе?

А затем я увидела его. Моего будущего хозяина, моего кукловода. Граф Рэйст оказался высоким темноволосым мужчиной с достаточно привлекательными чертами лица: чуть крупноватый нос с горбинкой, широкая челюсть и высокие скулы. Но было в нем нечто отталкивающее, нечто, от чего меня пробирала дрожь. То ли дело было в глазах цвета ночи, то ли в том, что скрывалось за ними.

Граф Рэйст был не просто магом, которому нужна была Искра. Он был правой рукой нынешнего правителя Даневии Ареса и... некромагом. Поговаривали, именно благодаря Рэйсту Арес смог победить Ингвара. А если точнее — благодаря его дару, которым Арес — пускай и сильный боевой маг — не обладал.

Солдаты Рэйста, поднятые им для войны Ареса и Ингвара, были почти непобедимы, они не ведали боли и усталости. Уже умершие однажды, смерти они не боялись. Просто шли в бой, шли напролом. И это помогло Аресу выиграть войну. Теперь же он наверняка боялся того, что Ингвар, накопив сил, ринется в новую битву — отвоевывать трон Даневии — если, конечно, слухи о том, что Ингвар был жив, были не просто слухами. Поэтому и держал при себе Рэйста. Поэтому и решил найти для него Искру. Ведь некромагия требует уйму сил, и, случись новая война, Рэйсту постоянно будет требоваться подпитка.

Я. Подпитка.

Но выигранная Аресом война оказалась еще не самым страшным. Чары Рэйста позволившие ему раз за разом воскрешать павших солдат на поле боя — и создавать новых, раскурочивая чужие могилы и тревожа духов предков, породили черную лихорадку — отголосок магии мертвых, сказавшийся на здоровье живых. Живых, у которых не доставало магии, чтобы защититься от агрессивного воздействия некромагии, у кого не доставало денег, чтобы приобрести защитные чары у колдуний провинции.

И эта была еще одна причина для моей ненависти к нему.

Граф Рэйст окинул меня изучающим взглядом — с ног до головы. От этого взгляда хотелось немедленно отмыться — облить себя кипятком и тереть жесткой щеткой до тех пор, пока не покраснеет кожа. Я физически ощущала на себе липкость взгляда будущего Хозяина — как называют обычные люди тех, к кому магическим сплетением привязаны Искры. Разумеется, самим Искрам это обращение кажется невероятно унижительным, но... они обречены быть теми, с чьим мнением считаются редко, и чей жизненный путь

предопределен с самого их рождения.

Рэйст подошел ближе, восхищенно поцокал языком, не сводя с меня взгляда. Я едва удержалась от того, чтобы не скривиться в ответ. Пользы от этого никакой — только повод для графа припомнить мне это в будущем, когда он получит надо мной абсолютную власть.

— Так ты и есть моя будущая Искра? — осведомился он, ухмыляясь.

«Нет. Скаковая лошадь», — мрачно подумала я, а вслух, не желая быть обезличенным подарком герцога своему адгеренту, сказала:

— Гвендолин Меарк.

Я умела говорить совершенно бесстрастно, пряча эмоции глубоко внутри, хоть и давалось это мне непросто. Это умение отличало нас с Лили: она была как открытая книга. Хотела плакать — плакала, хотела смеяться безудержно, в голос — смеялась. Иногда это раздражало меня, но чаще... восхищало. Лили — такая искренняя, такая чистая и непосредственная, как дитя... и такая далекая сейчас.

— Гвендолин, — протянул лорд Рэйст.

Тратить время понапрасну он, очевидно, не привык — стоило ему оказаться от меня на расстоянии ладони, как я почувствовала слабость и дурноту.

«Привязка» или сплетение — чары непростые и требующие непосредственной близости Хозяина и его Искры. Жизненные нити Искры, видимые лишь сильным магам, Хозяин переплетал со своими — точнее, вплетал их в свой собственный узор. Таким образом, Искра не могла повлиять на Хозяина, каким-то образом причинив ему вред. Зато сама она отныне находилась в его власти. Так, Искра больше не могла ослушаться приказа Хозяина — одного лишь его мысленного приказа было достаточно, чтобы магическая энергия «живого сосуда» передалась ему.

Пока «привязка» не произошла, во мне еще теплилась слабая надежда, что уготованное мне не случится. Думать так не было ни малейших оснований — я на чужой земле, меня окружает стража, а ослушаться приказа Ареса, нынешнего правителя Эйоса — все равно, что собственноручно подписать себе смертный приговор. И все-таки... надежда оказалась невероятно живучей.

Глупая, сказок не бывает.

Когда Рэйст колдовал надо мной, я чувствовала лишь слабое вмешательство — и в мой разум, и тело. Не самое приятное ощущение, должна сказать. Будто я вдруг стала податливой подобно глине, а чужие руки грубо проникали в мое нутро. Чем дольше лорд Рэйст плел свой узор из чар, тем хуже мне становилось.

В конце концов я уже едва держалась на ногах. Если бы в графе была бы хотя бы толика сочувствия, он бы отложил сплетение до утра, чтобы я могла немного отдохнуть с дороги. Но о каком сочувствии могла идти речь, когда дело всей его жизни — тревожить покой мертвых и использовать их как пушечное мясо, воскрешая и убивая их без конца?

Когда граф отошел от меня, в глазах его читалось удовлетворение. Пути назад нет, и дверь клетки захлопнулась за мной с оглушительным треском.

В коридор, в котором мы стояли, вошел незнакомец в сопровождении, по всей видимости, одной из служанок Рэйста. Пока граф вполголоса обсуждал что-то с незнакомцем, из одной из спален вышла высокая женщина с удлиненными глазами и пухлым ртом. Пепельные волосы собраны в сложную прическу на затылке, глаза трудноуловимого оттенка смотрят пристально, на лице — ни тени улыбки.

Стрельнув взглядом в сторону застывшего поодаль Рэйста, незнакомка по-кошачьи

мягкой походкой приблизилась ко мне. Длинное белое платье прошелестело подолом по мрамору, руки, облаченные в атласные перчатки, она сложила на животе.

- Ты и есть Искра моего мужа? — с ленцой спросила она, но глаза сверкали плохо скрываемым любопытством.

Ах вот оно что. Что ж, приходилось признать — у лорда Рэйста определенно был хороший вкус.

— Да, — неохотно ответила я. — Гвендолин...

Миг — и щеку обожгло резкой болью, из глаз сами собой брызнули слезы. Я ошеломленно коснулась рукой пылающей щеки.

- Запомни, безродная, здесь имени у тебя нет. Ты даже не человек, ты — Искра.

Знаю, подпитка. Энергетический сосуд, априори лишенный желаний и стремлений. И все же я нашла в себе силы хотя бы вздернуть подбородок, опустить руку и твердо взглянуть жене графа в глаза. Хочет ударить меня — пусть ударит, но сломить меня ей не под силу.

- Не пытайся в гляделки со мной играть, все равно проиграешь. — усмехнулась она. Подалась ко мне и зашипела, как змея в человеческом обличье: — Но вот что я тебе скажу — твой дар не такой уж и редкий. Если я замечу, что ты строишь глазки моему мужу, я выкину тебя в окно, а взамен найду ему новую Искру, более кроткую и понимающую свое место в этом мире.

Пепельноволосая тут же выпрямилась и приняла невозмутимый вид.

- Не помню, Айлин, чтобы разрешал тебе бить мою Искру, — раздался за моей спиной холодный голос.

- Милый, это никак не скажется на ее даре, а вот язычок заставит попридержаться. Эта нахалка мне дерзила!

- Вот как? — рассеянно отозвался Рэйст.

Леди Айлин вспыхнула, поняв, что ее клевета оставила супруга совершенно равнодушным. Подобрвав юбки, она прошла мимо меня и скрылась в лабиринте коридоров.

Граф Рэйст подошел ко мне и, не успела я и моргнуть, как на моем запястье защелкнулась браслет — тонкая полоска белого металла без камней и узоров. Я гадала, что это означает. Уж точно не милость Рэйста и его подарок за мои красивые глаза. Быть может, именно этот браслет — связующее звено между нами, лордом и его Искрой и именно он не позволит мне противиться воле Рэйста.

И только после сплетения меня отпустили. Солдаты Ареса исчезли, их место заняли слуги, которые показали мне мою комнату. Я читала в их взглядах сожаление и участие, но ни то, ни другое не могло мне помочь.

Вопреки невольным опасениям, держать меня в какой-нибудь камерке в подвале или чердаке не собирались. Напротив, моя комната — с роскошным трельяжем, креслом у окна и кровати под бархатным балдахином — была прекрасна и по размеру превосходила наши комнаты с Лили вместе взятые. Но что и говорить — великолепие моей обители совершенно не радовало меня.

Взять и повернуть время вспять, чтобы всего этого не случилось...

Глава четвертая. Гвендолин

Этой ночью мне не спалось — слишком ощутимой была ярившаяся в тесноте души тревога за Лили. И боль утраты, успокоить которую не могло даже время. И все же... эта боль и тоска по отцу странным образом придавали мне сил — сил для борьбы. Я знала — я не могу умереть, не отомстив за смерть отца.

Я ворочалась в бесплодных, несмотря на усталость от бесконечно долгого дня, попытках принять удобную позу и наконец уснуть. Сдавшись и поняв, что сон не спешит забрать меня в свои уютные объятия, встала. Накинула пеньюар и, осторожно приоткрыв дверь спальни, выскользнула в коридор.

Я не знала, куда иду, просто прислушивалась к своим тихим шагам и изучала погруженный в полумрак дворец. Длинный коридор привел меня к балкону. Отсюда открывался чудесный вид на лес и горы. Стало вдруг так тоскливо... Что видит Лили, глядя в окно своей обители — где бы она ни находилась? Как обращаются с ней?

Лили хрупкая, нежная, как прелестный цветок с тончайшим стеблем, которые так легко могут переломить чужие грубые руки. Если кто-нибудь ее хотя бы пальцем тронет... Когда я найду сестру, им не поздоровится.

Стоя на балконе в тонкой ночной рубашке и накинутом поверх шелковом пеньюаре, я дрожала от холода, продуваемая ветром, но покидать свой островок свободы не спешила. Луна... такая огромная, она, казалось, занимала полнеба. И в ее умиротворяющем свете я вдруг почувствовала, что справлюсь со всем. Что все это — не конец, а лишь начало моего пути. Пути, где мы с Лили обязательно будем вместе.

Я прикрыла глаза — так, чтобы оставалась тонкая щель, сквозь которую я не видела ничего, кроме лунного лика. Чувствуя ветер, холодящий кожу и играющий моими волосами, я представляла себя птицей, взмывающей ввысь, рассекающей своими крыльями серебристо-черничное небо.

— Простудитесь... — Вдруг раздался за моей спиной чуть хриловатый голос.

Сердце почему-то застучало быстрее — не от испуга, а от бархатных ноток в голосе незнакомца. Я порывисто обернулась. У говорившего были небрежно уложенные темные волосы и внимательный взгляд. Аристократичные черты лица, прямая осанка, и некая уверенность, спокойное достоинство, сквозившее в каждом его жесте — все это выдавало в нем принадлежность не к слугам, а к тому, кто привык ими повелевать. Когда он приблизился ко мне, я разглядела, что у него зеленые глаза и морщинка меж бровей. Казалось, он редко улыбался, но часто хмурился. А жаль... Улыбка сделала бы его лицо еще привлекательнее.

Я мысленно обругала себя. Да что вообще на меня нашло?

Незнакомец сделал шаг мне навстречу, подался вперед — казалось, что он хочет заключить меня в объятия... и поцеловать. Щекам стало жарко, а сердце забилося в груди раненой птицей. Горячие руки коснулись моих плеч и... накрыли их плащом, который снял с себя зеленоглазый. Задержал на мгновение руки на моих плечах, и казалось, что он действительно меня обнимает.

— Нельзя, чтобы увяла такая красота, — прошептал он.

Мне стоило большого труда выровнять дыхание и ответить спокойно, буднично:

— Но разве во дворце нет целителей?

Незнакомец усмехнулся одним уголком рта. Опустил руки, и вдруг стало холодно — несмотря на укрывающий меня плащ. Я поплотнее в него закуталась.

— Спасибо, — пробормотала я.

— Это самое малое, что я могу для вас сделать, леди.

И снова этот обольстительный бархатный тон, и чуть насмешливый взгляд, под которым вновь стало жарко. Я физически ощущала притяжение между нами — будто чьи-то чары тесно переплели наши жизненные нити и теперь я была неразрывно связана с ним. И судя по блеску в глазах цвета молодой листвы, он ощущал это тоже.

Проклятье.

Я нахожусь в стане врага, я похищена и лишена свободы. Мне не должно быть никакого дела до человека, чьего имени я даже не знаю. До чужака, как вихрь ворвавшегося в мою жизнь.

— Как ваше имя, леди? — шепнул незнакомец. Незнакомец, о котором я немедленно должна перестать думать!

Но как это сделать, когда он стоит всего лишь в полушаге от меня? Когда изучает меня взглядом подобном вате — мягком, обволакивающим? По тому, как взгляд темноволосого скользил по моему лицу, казалось, что он хочет запечатлеть мой образ в своей памяти. Или я все это придумала сама?

Наверное, луна так на меня повлияла, что я становилась сама не своя. Во всем виновата луна...

— Гвендолин Меарк, — ответила я. На губах появилась невольная усмешка — за один только день я называла свое имя уже в третий раз.

— Лоуренс.

И все — ни титула, ни фамилии. Я открыла было рот, чтобы спросить, но... мой знакомый незнакомец меня опередил:

— Какая прекрасная луна, не правда ли?

Стоя рядом, касаясь друг друга плечами, мы смотрели на небо. Я знала, что настанет час, когда придется вернуться в свою искромсанную жизнь, строить план мести и план побега из золоченой клетки. Но пока я наслаждалась свободой — пускай, лишь ее иллюзией — и луной. И радуясь — и злясь на себя за эту радость — что первую ночь своей новой и непростой жизни я встречаю не одна.

Своим молчаливым присутствием Лоуренс словно перенял часть моих тревог, будто мы разделили их поровну, и мне стало немного легче. И пусть я знала, что все это пройдет, когда утро сменит ночь, я была рада этой недолгой отсрочке.

Когда чернильную густоту неба разбавили яркие краски рассвета, настала пора прощаться.

— До новой встречи, Гвендолин.

Я сняла плащ, протянула ему, но Лоуренс лишь помотал головой.

— Отдадите его в нашу следующую встречу, — улыбаясь, сказал он.

И ушел, не оборачиваясь, чтобы несколькими мгновениями позже раствориться в лабиринте коридоров. А мне ничего не оставалось делать, как вернуться к себе — в огромную и роскошную спальню, ставшую мне тюрьмой.

Глава пятая. Лили

Нескоро мы прибыли в земли моего нового хозяина. Он посадил меня на лошадь позади себя, но руки привязывать не стал — понимал, что мне никуда от него не деться. Я смотрела по сторонам, но практически ничего не видела, пребывая в оцепенении. Страх, боль, ненависть, злость — все смешалось в безумную смесь, разрушительную для моего разума, но, к сожалению, безопасную для всех остальных.

Я не помнила, сколько времени заняла дорога — была настолько вымотана и подавлена, что умудрилась задремать. Меня мучил голод, но я бы предпочла, чтобы это путешествие длилось бесконечно, а мой новый дом — или, точнее, моя новая тюрьма, всегда оставался недостижимой целью. В пути, из разговоров сопровождающих меня мужчин, я и узнала имя того, кто выкупил меня. Гаен Воргат, глава одного из враждующих в Непримириных Землях домов.

И если первые часы я действительно была совершенно безучастна к происходящему, то потом лишь только делала вид, на деле же прислушиваясь к негромкой беседе Гаена Воргата и его сопровождающего — как я поняла, боевого мага дома Воргат. Я пока еще не знала, как мне выбраться из опутавших меня пут, но наказала себе запоминать все, что услышу.

Правда в том, что я понятия не имела, что мне делать, но... я твердо пообещала и папе, и самой себе, что не стану покорной рабой, не смирюсь со своей участью. Я буду бороться. До последнего. Не только ради себя и ради того, чтобы вновь стать одной семьей с Гвендолин, но и в память об отце. Он погиб от руки Ареса оттого, что бросился меня защищать. Я никогда этого не забуду и никогда себе этого не прощу. Если я и могу что-то сделать для папы, это... не умереть и не сдаться. Сделать все, чтобы его жертва не была напрасной.

Поэтому, помня о словах отца, я наострила ушки и впитывала услышанное — все, что могло мне помочь узнать моего тюремщика.

Из беседы Воргата с боевым магом удалось подчерпнуть немного. Междоусобные войны в Непримириных Землях и непосредственно в Рейарке, куда мы, судя по всему, и направлялись — привычное дело. Из разговоров стало ясно, что дом Тинар давно присматривался к дому Воргат, строя планы по его завоеванию, но прежде не осмеливались приступить к их исполнению. Совсем же недавно дом Тинар наслал на дом Воргат четырех магов. Как я поняла, тесное сотрудничество со Слепым — тем же самым, что распознал в Гвендолин дар Искры — помогло Воргату подготовиться к нападению. В итоге магам Тинара пришлось отступить, перед этим смертельно ранив мага дома Воргат. У Гаена в распоряжении осталось только два мага, довольно молодых и не слишком опытных. А нанимать новых было непозволительной роскошью — боевые маги в служении стоили в разы больше практически бесполезных рабынь. По всему выходило, что дом моего нового хозяина сейчас был уязвим, как никогда.

Не скажу, что это был повод для радости — если на дом Воргат нападут и убьют его главу, то меня просто заберут как трофей. Законы элькхе весьма жестоки — не зря даневийцы прозвали их варварами.

Когда мы прибыли, Воргат приказал мне слезть с лошади, что я и сделала довольно неловко. Боевой маг открыл перед ним входную дверь. Немолодая служанка, старательно глядя в пол или в грудь хозяину, но не в его глаза, выслушав приказ, отвела меня в комнату

под лестницей, а затем исчезла, предоставив меня самой себе. Я с полным равнодушием бродила по комнате, периодически замирая у окна, за которым притаилась украденная у меня свобода. Повсюду на страже стояли маги, а вокруг дворца простирались опасные для меня земли. Бежать мне было некуда.

Опустившись на пол возле комода, я закрыла лицо руками, чувствуя в душе полнейшее опустошение. Сидела так до тех пор, пока не услышала приближающиеся шаги. Поднявшись, я села на кровать — не могла позволить Воргату видеть мою слабость. По крайней мере, не сейчас.

Но в комнату вошла все та же рабыня с подносом в руках. Через открытый проем я видела маячившего у моей комнаты мага в синем балахоне. Неужели его приставили присматривать за мной? Смешно, честно говоря — неужели они думают, что, пообедав, я решу сбежать?

В присутствии верного стража Воргата служанка не посмела бросить на меня хотя бы мимолетный взгляд. Рабыня ставила передо мной тарелку — два худых ломтя мяса, яблоки и горбушка чуть зачерствевшего хлеба. Что и говорить, вскоре ничего из этого на столе не осталось. Улучив момент, я беззвучно сказала ей: «Спасибо». Ее это сильно удивило, но ответить рабыня побоялась, лишь мимолетно улыбнувшись в ответ.

Когда я наконец осталась в одиночестве, то тут же растянулась на неудобной кровати, поджав ноги и положив сложенные ладони под голову. Я запрещала себе плакать, как бы ни был велик соблазн выплеснуть свое отчаяние вместе с солеными слезами. В памяти мгновенно всплыло лицо Гвендолин — словно она все это время призрачной фигурой стояла за моим плечом, чтобы оказаться рядом именно тогда, когда я отчаянно этого желаю. Увы, если бы все фантазии сбывались... Папа называл меня фантазеркой, которая предпочитает жить в собственных грезах, нежели в продиктованной кем-то свыше реальностью. Он никогда не ошибался...

Я ведь даже не знаю, где сестра сейчас и что с ней. Неужели ей действительно пришлось стать Искрой Рэйста — мерзкого некромага, одному из людей, которым Арес обязан своим новым титулом? Я не знаю, что хуже, но... Если я могла заставить себя играть роль послушной куклы, то Гвендолин... она дерзкая, своевольная, упрямая. Я боюсь, как бы она не зашла далеко в своих попытках противиться навязанной ей игре.

И да, я слабее, чем Гвендолин. Я не способна сказать обидчику резкое слово, не способна ударить — ни магией, ни собственной рукой. Я всегда считала, что мира можно добиться только миром, а добра и счастья — только добром. Но что, если я ошибалась?

Я нахожусь на чужой земле, вынуждена жить по чужим законам, вынуждена отдать свободу в руки человека, которого впервые вижу. Что, если война — единственный способ вернуть все, что у меня отняли? Прежнюю жизнь, Гвендолин, свободу...

Если так, то я найду в себе силы подняться с колен и бороться. Забыть о мире и встать на тропу войны, до последнего защищая свое право на счастье.

Глава шестая. Гвендолин

Целый день я бродила по дворцу, провожаемая цепкими взглядами стражей, и не знала, чем себя занять. Болтала со слугами, почувывшими во мне родственную душу. Горькая насмешка судьбы: по происхождению я была ближе к той же леди Айлин Рэйст, нежели к дворцовым слугам, но наш дом, некогда влиятельный, после затяжной войны Ареса и Ингвара обнищал.

Не только наш род, род Меарк, это коснулось.

Война двух магов за Даневию подкосила герцогство. Оставила на земле уродливые шрамы — нищету и болезни, вызванные магическими чарами. Помню, как я мечтала о том дне, когда война наконец прекратится... но стало еще хуже. Гораздо хуже. Арес оказался жестоким правителем, которому были чужды беды обычных, лишенных дара, богатства и власти, людей.

Сплетение и вовсе сделало меня бесправной и полностью зависимой от воли графа Рэйста. Но смириться с подобным положением дел я была совершенно не готова.

Признаюсь — бродя по дворцу, где-то глубоко в душе я надеялась, что в одном из коридоров увижу Лоуренса. В памяти всплывал его образ — отчетливый и яркий, будто виденный мной воочию мгновение назад. Темные волосы и открытый взгляд зеленых глаз, военная выправка и властная уверенность, скользящая в каждом жесте.

Но... увы. Дворец был слишком велик, чтобы случайное столкновение с ним стало возможным.

Как и в прошлую ночь, я не могла уснуть. Убеждала себя, что это никак не связано с тем, что я хочу увидеться с Лоуренсом снова. Это ведь так глупо — думать о малознакомом мужчине тогда, когда моя жизнь разлетелась на мельчайшие кусочки. И я старательно не думала о нем, пока не почувствовала, насколько удушающим стал воздух в моей спальне. Я больше не могла находиться здесь, раздираемая на части кошмарами прошлого. Стоило мне закрыть глаза, и перед моим внутренним взором вставало ошеломленное лицо отца, понявшего, что за порогом его ждет сама Смерть. А затем его сменяло лицо Лили, узнавшей, что ее отправят на невольничий рынок. Ужас в огромных глазах, прозрачная дорожка на алебастровой щеке...

Не выдержав, я откинула одеяло. Облачилась в пеньюар, поколебавшись, взяла в руки плащ и уже знакомой дорогой добралась до балкона.

Лоуренс ждал меня там — облокотившись на резные каменные перила, вглядывался в темноту за пределами дворца. Мои шаги были очень тихими, но он все равно их услышал. Обернулся и улыбнулся мне, как старой знакомой.

Подойдя ближе, я протянула Лоуренсу плащ. Он взял его в руки, встряхнул, расправляя складки и... вновь накинул на мои плечи.

— Сегодня тепло, — запротестовала я и задохнулась от изумления, когда Лоуренс на мгновение коснулся пальцем моих губ, молча повелевая мне молчать.

Кажется, этот порыв смутил и его самого. Уголки губ дернулись, складка между бровями стала еще глубже, отчетливей — он хмурился. Спрашивал ли он себя, как я недавно: что на него нашло? Клял ли себя за то, что симпатия между нами — двумя незнакомцами — была заметна невооруженным взглядом, что не слишком соответствовало нормам приличия? Кто он вообще такой и что делает во дворце Ареса Светорожденного?

Все эти мысли пронесли в моей голове за одно мгновение. Неловкое молчание затягивалось, напряжение между нами становилось все более осязаемым. Желая смягчить его и узнать ответ на мучавший меня вопрос, я спросила:

— Лоуренс... что вы делаете здесь?

— Наслаждаюсь свежим воздухом и чудесной теплой ночью. — Его улыбка показалась мне немного нервной, неуверенной.

— Нет, что вы делаете во дворце?

— Давайте не будем сегодня нами, — глухо произнес Лоуренс. — Будем просто двумя людьми, которые встретились на балконе под светом луны.

Я молчала, обескураженная его ответом. Почему? Какую правду открыть он боялся? Что хотел от меня скрыть? Я скользнула взглядом по фигуре Лоуренса — крепкой, наверняка закаленной в боях. Руки сцеплены в замок и лежат на перилах балкона, решительный, жесткий взгляд, как и в прошлую нашу встречу, устремлен куда-то вдаль. Словно, как и я, Лоуренс мечтал раздвинуть границы, взорвать барьеры и очутиться за пределами этого крохотного и тесного мирка, где счастье казалось невозможным.

Но, как и у Лоуренса, у меня были свои секреты, которые я не спешила открывать. Поэтому поддержала эту бесхитростную игру в маски.

— И о чем же эти двое под луной будут говорить? — вполголоса спросила я, облокочиваясь на перила.

Лоуренс повернулся ко мне, казалось, удивленный тем, что спорить и допытываться я не стала. Но и он нашел, чем меня удивить.

— Расскажите мне самое счастливое свое воспоминание.

Я вскинула брови. Задумалась, глядя на поляну внизу, где резвились нарисованные иллюзией звери.

— Мое детство, когда была жива мама. Тогда все было совершенно иначе. Вечер, когда мы вернулись с ярмарки... наверное, это и есть самое чистое, самое светлое мое воспоминание. Родители подарили нам с сестрой роскошную книгу сказок в золотом переплете — мы всегда до безумия любили читать. И в тот вечер мы сидели у разожженного камина, а мама читала нам. У нее очень красивый, мелодичный голос. Папа курил трубку, и жизнь казалась такой... такой полноценной, правильной. Тогда, ребенком, я воспринимала это иначе и была просто счастлива от того, что мои близкие рядом. Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что хотела бы навеки остаться в том дне.

Я чувствовала, что балансирую на тонкой грани между тщательно удерживаемым спокойствием и отчаянием. Закрыла глаза и задышала ровно и размеренно. Вдох-выдох.

— Мое воспоминание детства тоже связано с семьей. Точнее, со старшим братом, с которым мы были неразлучны.

— Как и мы с Лили, — едва слышно выдохнула я.

Лоуренс моих слов не услышал.

— Вместе мы изучали магию — были просто одержимы ею. Самые простейшие чары мы отрабатывали на себе, служа друг другу живыми тренировочными куклами. — Он усмехнулся. — Стоит ли говорить, к каким печальным последствиям порой это приводило? Нам постоянно доставалось от родителей. И мы с братом действительно были близки. Чудесное было время.

- Они живы? — тихо спросила я. Не догадка — скорее, некая горечь в голосе Лоуренса, натолкнувшая на мысль, что и он, как и я, потерял кого-то.

- Брат — да, отец и мама — нет. Давно уже нет — мы очень рано оказались предоставлены самим себе. В тех далеких землях, откуда я родом, тогда бушевала война. Она и расколола нашу семью на две половины. Мы с братом остались в мире живых, а обителью наших родителей навеки стало Царство Теней.

Невероятно — как сильно похожи узоры наших судеб, как будто зеркальные отражения одного полотна. Два брата и две сестры, оставшиеся, пусть и в разное время, без самых главных людей в своей жизни — родителей.

Такой короткий разговор, но кажется, он нас сблизил. Ведь нет ничего более интимного и доверительного, чем делиться сокровенным, запрятанным в самые глубины сердца и памяти.

Казалось, со дня нашей первой встречи Лоуренс еще больше открылся мне, обнажив свою душу, вот только вопросов от этого меньше не стало. Кто он такой и что привело Лоуренса в эти земли, если, по его же словам, его родина находится далеко отсюда. Что стало с его братом? Отчего в его голосе звучала такая печаль и безысходность?

Остаток угасающей ночи мы проговорили — о чем угодно, но только не о настоящем. Лоуренсу довелось побывать в разных уголках Эйоса, и я слушала его, затаив дыхание, очарованная сказочностью его историй. Он оказался отличным рассказчиком — я будто сама брела по горячим пескам, лишь магией спасаясь от жажды, побывала среди занесенных снегами гор, с их вершин наблюдая за раскинувшимся подо мной пустырям, лесам и долинам.

Я и не заметила, как подкрался рассвет. Как только небо чуть посветлело, Лоуренс заторопился назад, во дворец.

- Ваш плащ... — Меня охватила досада: пришла пора возвращаться из мира в жестокую реальность.

Лоуренс улыбнулся, на мгновение коснулся ладонью моей щеки, заправляя мне за ухо прядку — просто повод прикоснуться ко мне. Что ж, я бы солгала, если бы сказала, что была возмущена его жестом. Кожа там, где скользнули его пальцы, зажглась, разливая тепло внутри меня. Волнуя, согревая.

- Отдадите в нашу следующую встречу, — с ноткой лукавства произнес Лоуренс.

Как ни старалась, сдержать улыбки я не сумела.

Он скрылся на лестнице, а я прошла к себе. Уснула почти сразу же, убаюканная голосом Лоуренса, звучавшем в моей голове. Успокоенная и взволнованная одновременно его словами, обещавшими новую встречу.

Проснулась несколько часов спустя, чувствуя себя разбитой и потерянной. Никому во дворце не было дела до меня. С одной стороны, это, безусловно, радовало, но с другой... Я просто не знала, что делать и чем себя занять. Побродила по дворцу, наткнулась на огромную библиотеку со стеллажами от пола до потолка, с приставленными к ним лесенками. Взяла книгу и, провожаемая взглядами стражей-элькхе, вернулась к себе.

Время за историей о предводителе пиратов и противостоящей ему отважной леди, пролетело незаметно. Я и опомниться не успела, как подкрался вечер. История закончилась, увы, и мне снова пришлось вынырнуть из мира чужих, таких увлекательных, фантазий.

Только сейчас я поняла, как же сильно проголодалась. Спустилась вниз, в столовую, где над огромным чаном, будто ведьма из сказок, колдовала повариха Нийри. Сытно пообедав сырным супом, уже хотела было подняться к себе, но на лестнице столкнулась с Аннет — высокой и худощавой девушкой со светлыми волосами, которая порой так сильно

напоминала мне мою Лили. Аннет была Искрой, как и я, но была привязана не к лорду Рэйсту, а к лорду Анфациану — по слухам, лучшему целителю во всей Даневии. Как и Рэйст Анфациан всегда сопровождал Ареса на поле боя. Они были как ангел и демон по обе стороны от него: смерть, которую нес с собой Рэйст и жизнь, которую олицетворял Анфациан. Вот почему Арес был настолько силен. Вот почему сумел без труда разбить армию Ингвара и завоевать Даневийский престол.

Как и я, большую часть своего времени, Аннет была предоставлена самой себе — до той поры, пока не начнется новый виток войны, и она не понадобится своему хозяину для подпитки. И каждая из нас отчаянно надеялась, что этого никогда не случится.

Мы поболтали с ней, коротая время. Мы стояли на площадке у лестницы, ведущей на первый этаж, и в какой-то момент я вдруг увидела проходящего внизу Лоуренса. Должно быть, эмоции отразились на моем лице, потому что Аннет замолчала. Теперь она смотрела на Лоуренса, и в глазах ее застыло странное выражение, значение которого угадать я не могла.

- Ты... знаешь, кто это? — с замиранием спросила я.

- Конечно, — хмуро бросила Аннет. — Брат Его светлости, Ареса Светорожденного. Лорд Лоуренс Галлахар.

От произнесенного имени его брата у меня по желудку словно разлилась кислота. Быть того не может... Брат, о котором в минувшую ночь рассказывал Лоуренс был... Аресом?

А ведь и вправду, между ними было едва уловимое сходство. Но то ли я не могла мысленно связать Лоуренса с седовласым Аресом, то ли просто не желала замечать этого раньше, слишком увлеченная происходящим между нами.

Я смотрела на лорда Галлахара, им не замеченная, и чувствовала, как холодеет сердце. Как ледяной змеей сворачивается внутри меня ненависть — там, где прежде были проблески тепла, яркие искры влечения к незнакомцу. Брат моего врага был моим врагом.

Имя Лоуренс, прежде такое волнующее, окрасилось для меня в черный цвет.

Глава седьмая. Гвендолин

Конечно же, в ту ночь я не вышла на балкон — хотя мне не спалось по-прежнему. Проворочалась несколько часов, вслушиваясь в шаги за дверью спальни, и только под утро забылась беспокойным сном.

Проснувшись, первым делом убедилась, что на балконе никого нет, и оставила там плащ лорда Галлахара. Не желала, чтобы у него оставался повод увидеться со мной. И, покидая балкон — место наших невинных свиданий, раз и навсегда запретила себе думать о нем.

Я сидела в обитом белым бархатом кресле на золотых львиных лапах, и пыталась читать. Но взгляд бездумно скользил по строчкам, тут же теряя прочтенные слова. Слишком много мыслей кружилось в голове, как рой взбудораженных пчел, чтобы я могла полностью отдать себя чтению. Мне до сих пор не верилось, что уют родного дома я променяла — пусть и не по собственной воле — на эту холодную золотую клетку, где мне предстояло провести остаток жизни.

В дверь моей спальни постучали. Я сразу поняла, кому принадлежит этот стук — короткий, сильный. Ответила, и спустя мгновение в комнату вошел граф Рэйст. Отложила книгу, сияясь казаться спокойной и невозмутимой. Встала — не хотела, чтобы он, подойдя ко мне, смотрел на меня сверху вниз. К сожалению для него, лорд Рэйст не мог похвастаться высоким ростом — на каблуках я была даже немного выше его, что доставляло мне злорадное удовольствие.

Я не видела некромага со дня нашей первой встречи, и один только взгляд на него вскрыл старые раны, которые тут же закровоточили. Мой Хозяин. На его зов я обязана прийти незамедлительно, ему я должна отдать свою драгоценную энергию. Ему я должна подчиниться.

— Я лишь хотел узнать, все ли с тобой в порядке. — Глубоко посаженные карие глаза в упор смотрели на меня.

Я удивленно вздернула бровь. Зачем ему это? И тут же получила ответ на свой вопрос, когда Рэйст, подойдя ближе, провел пальцем по моей щеке. Меня всю передернуло от отвращения, и потребовалось призвать на помощь всю свою силу воли, чтобы все, что я чувствовала сейчас, не отразилось на моем лице.

— Ты так прекрасна... — прошептал граф Рэйст. — Такая гордая, величественная красота...

Я задыхалась от желания вырваться и выйти вон, оставив графа наедине с его мерзкими мыслями, но еще соблазнительнее было другое желание: ударить его по лицу что есть сил, чтобы увидеть, как вожделение в глазах сменяется болью.

Меня трясло от негодования. Я — просто его резерв, его Искра. У Рэйста — красавица-жена, пусть и знатная стерва, так почему он не оставит меня в покое в моей роскошной каменной тюрьме?

Его пальцы скользнули к моим губам, чтобы пробежаться по их кромке. Больше сдерживаться я не могла — резко поднялась и отступила на шаг, к окну. Подальше от него, подальше от его жадных пальцев, которые хотелось переломать все до одного.

— Играешь в невинность? — недобро усмехнулся Рэйст. — Ну будь по-твоему, я поддержу твою игру... Но знай: все игры рано или поздно надоедают.

И он ушел, закрыв за собой дверь с негромким стуком, оставив меня стоять посреди

комнаты с бешено колотящимся сердцем и сжимать руки в кулаки, вонзая ногти в мякоть ладоней.

Больше оставаться в спальне я не могла — сам воздух казался пропитанным моей ненавистью и попросту ядовитым. Но несмотря на то, что дворец казался огромным, я уже устала бродить по лабиринтам его коридоров. Мне просто нужно было хоть ненадолго покинуть стены своей тюрьмы. Мне нужен был хотя бы поток свободы. Хотя бы ее иллюзия...

Я подошла к дворцовой страже, охраняющей главный вход, и сказала уверенным тоном: — Я хочу выйти во внутренний двор.

Я ожидала протеста с их стороны, но его не последовало. Мне просто открыли тяжелую кованую дверь, будто я была не похищенной Аресом Искрой и привязанной к графу Рэйсту, а желанной гостьей, надумавшей отправиться домой. Я вышла во двор, мимолетно улыбнувшись, когда порыв ветра взъерошил мои волосы и встрепенул подол длинного алого платья. Как старый знакомый, который соскучился по мне, запертой в каменных стенах. Так и хотелось сказать в ответ: «И я скучала».

Неторопливо прошлась, щурясь от слишком яркого солнца. В полумиле от дворца раскинулся лес, который прежде я видела с балкона. Осторожно оглядевшись по сторонам, я направилась вперед. Даневийские стражи скользнули по мне скучающим взглядом, но не делали ни малейших попыток меня остановить.

Лес... мне только и нужно, что перейти этот лес. А там — безграничная свобода... и полнейшая неизвестность. Разумеется, напрасных иллюзий я не питала. Возможно, там водружен некий барьер, который не позволит мне выйти за пределы дворца. Но я должна была хотя бы попытаться. Бросив последний взгляд на дворец, я ринулась в гущу леса и... закричала от пронзившей все тело боли.

Упала на колени, не понимая, что стало причиной такой жуткой боли в руке. А затем, кинув взгляд на браслет — первый же подарок лорда, все поняла. Глупая, какая же я глупая... Никто и никогда не отпустил бы меня, вот так, на свободу, понимая, что при любой мне выпавшей возможности я убегу.

Боль продолжала рвать мое тело на части, и мне ничего не оставалось делать, как вернуться назад. Стоило пройти лишь несколько шагов по направлению к замку, и боль утихла. Знаю — не сделай я этого, она убила бы меня.

Странный шум привлек мое внимание. Я порывисто обернулась к источнику звука и испуганно ахнула. Из кустов, прежде его скрывающих, вышло невероятное существо. Львиная голова и тело, скорпионий хвост... и два крыла, сейчас сложенные и безвольно свисающие вниз.

Мантикора.

Прежде я видела их только на картинках сказок, которые в детстве нам читала мама. Тогда все было совсем иначе. Тогда мне казалось, что вот оно — счастье — подними руку и ухвати его за призрачный кончик рукой.

Мантикора шла в другую сторону, но услышав мой невольный вскрик, повернулась. Как замороженная, я смотрела на гибкий хвост, чуть пружинящий над телом, на роскошную гриву и два мощных крыла. Во всем облике зверя таилась скрытая сила, но что-то мешало мне думать, что он хочет причинить мне вред. Мантикора застыла будто бы в удивлении, будто бы не ожидая увидеть на своей территории чужака. Хотя, конечно, вряд ли она обитала здесь, у замка могущественного мага — тот бы уничтожил ее уже давным-давно. С такими

крыльями она может пролететь невероятные расстояния, вполне возможно, ее обитель находится даже за горным хребтом.

Львиная голова чуть наклонилась вправо, словно мантикора с любопытством оглядывала меня. Я чувствовала на коже этот взгляд, но не ощущала в нем враждебности. Или все это были лишь мои фантазии? Надо бы бежать, а я позволяю зверю разглядывать себя. Кто знает, быть может в этот момент он раздумывает над тем, съесть ли меня на завтрак или на ужин? И все-таки что-то мешало мне так думать.

- Ты же не собираешься меня съесть? — осторожно уточнила я.

Мое изумление достигло пика, когда в ответ послышалось отчетливое фырканье. Да, животные нередко издают подобные звуки, но прозвучало так, словно мантикора откровенно надо мной посмеивалась. Я вздохнула. Пора уже выкинуть из головы мамины сказки, а научиться смотреть правде в глаза.

Мантикора вдруг села на задние лапы — ни дать ни взять, милая домашняя кошечка. И при этом она продолжила в упор разглядывать меня.

- Ладно, — протянула я, чувствуя себя как-то глупо и неуютно под этим пристальным львино-скорпионьим взглядом. — Мне... мне нужно идти.

И мысленно чертыхнулась, поняв, что разговариваю с животным. Помотала головой и решительно направилась к замку, продолжая чувствовать спиной взгляд золотистых глаз.

Едва войдя во дворец, я нос к носу столкнулась с герцогом Рэйстом. Он лишь мгновение смотрел мне в глаза, а затем, широким шагом сократив разделяющее нас расстояние, схватил за руку. Рывок, и моя рука, резко вывернутая им, хрустнула и ослепила болью. Я вскрикнула и прижала ее к себе, баюкая, успокаивая разгорающийся в запястье огонь. Слезы, готовые сбежать из глаз солеными дорожками, я сумела сдержать усилием воли. Злость придала мне сил. Не дождется. Он не увидит моих слез.

- Ты думаешь, я так долго ждал Искры, чтобы ты сбежала от меня в этот же день? — Лицо Рэйста побагровело. Ему определенно нужно было поучиться у меня, как сдерживать внутри свою ярость. Прятать ее на дне воображаемого ящичка и запираить на ключ. Так ты становишься хозяйкой положения, а не твои эмоции. — Целители придут в твою спальню на рассвете, а ночь тебе придется прожить с болью. Это твое наказание. Надеюсь, впредь ты будешь умнее.

Я удержалась от того, чтобы не фыркнуть ему в лицо, чтобы не допустить презрительного взгляда. Боли? Он говорил о вывихнутой руке, но знал ли он, что такое настоящая боль? Знал ли он, что такое боль в голодающем желудке, который несколько дней не видел еды?

А я знала, что это такое. Одно время, показавшееся нам бесконечным, отец прятал нас в бывшем лагере повстанцев, людей Ингвара, вздумавшего пойти против Ареса. Тогда война была в самом разгаре. Я знаю, он хотел участвовать в войне, но вернулся домой ради нас, своих дочерей, как только улеглась буря. Тогда мы верили, что опасность миновала, что Ингвар победит, но... Всегда больно, когда иллюзии и надежды разбиваются о твердь горькой реальности.

Я поднялась к себе, снова оставшись наедине со своими мыслями. Значит, лорд Рэйст почувствует, если я попытаюсь убежать снова. Но почувствует ли он применение магии? Ведь от Искры он его не ожидает. Я внимательно осмотрела браслет со всех сторон. Цельный, литой круг из необычного белого металла безо всяких украшений. Ни застежки, ничего, хотя я хорошо помнила, как Рэйст застегивал его на моем запястье. Разумеется

- магия.

Вздыхнув, я попыталась направить мысли в другое русло. Даже если предположить, что я сумею отпереть замок, то что дальше? Куда мне бежать? Даже если магия поможет мне выжить в лесу, то как я доберусь до дома? Повсюду шныряют разведчики Ареса, надеясь не допустить к нему Ингвара или — еще лучше — принести его голову магу на серебряном блюде. Стоит только Рэйсту заявить о пропаже, и меня мгновенно найдут. Увы, моя магия безгранична, и становиться невидимкой я не могу.

Так ничего и не придумав, я легла спать. Пока Ингвар не посягает на трон Ареса, мне ничего не угрожает. Но как только война разгорится с новой силой — а я не сомневалась, что рано или поздно это произойдет, Рэйст придет за мной, чтобы использовать меня в качестве энергетической подпитки. До тех пор у меня есть время придумать, как за свою свободу побороться.

А бороться я буду непременно.

Глава восьмая. Лили

Я подметала пол, стараясь не оставлять на нем ни соринки. Последнее время мой хозяин был не в себе, и я не хотела давать ему лишний повод для порки. Гаен Воргат, конечно же, тщательно скрывал положение своих дел от рабынь, но, к счастью или сожалению, я обладала острым слухом и была в курсе всего, что происходило в Непримириных землях.

Совсем недавно дом Воргат с успехом отразил нападение дома Тинар, убив трех магов и пленив остальных двух. После этого лорд решил сразу же атаковать уязвимый теперь соседний дом, пока они не успели к этому подготовиться. Довольно легко Воргат завладел домом Тинар, сильно ослабленным войной с домом Брега. Земли объединились, а плененные маги Тинара без лишних сомнений перешли на сторону Гаена. Им было, в общем-то, все равно, за кого воевать, лишь бы им за это платили.

Все бы ничего, если бы Брега также не отбил у соседей земли. Магов у них было на порядок больше, а влияние — выше. Это заставило Гаена затаиться в собственном доме, опасаясь нападения магов дома Брега. Именно поэтому он и был в последнее время не в духе.

Вследствие этого моя, и без того не особо счастливая жизнь, стала еще хуже. Гаен придирался ко всему, каждый раз наказывая меня за малейшие провинности — незамеченный островок пыли, незрелое яблоко, поданное к столу, крохотное пятнышко на выстиранной одежде. Тогда приходилось тут же опускаться на колени, видя тянущиеся ко мне руки с зажегшейся на кончиках магией. Я сжималась в ее ожидании новых мук, и молча глотала слезы, когда они приходили. Иногда наказанием служила и плеть, но чаще всего Гаен применял ко мне ненавистную магию боли, получая от этого особое извращенное удовольствие.

Привыкнуть к боли невозможно — это я поняла после нескольких дней, проведенных в доме Гаена Воргата. Она может лишь немного притупиться, но чувствовать ты ее будешь всегда. Я смогла немного приспособиться к наказаниям вынужденного хозяина. В те моменты, когда на меня обрушивалась плеть или магические искры боли, я представляла, что это не мое тело мучительно страдает, а чье-то чужое. Будто бы я присутствовала при наказании человека, не имеющего ко мне никакого отношения. Становилось легче, правда, совсем немного.

Тяжело вздохнув, я окинула взглядом помещение, в котором находилась, поняв, что на сегодня уборка закончилась. Но это никоим образом не означало, что теперь я могла спокойно бездельничать. Обязанностей у меня еще было море, а отдыхала я вообще только тогда, когда спала. Пять драгоценных часов.

Я была худа настолько, что практически просвечивалась. Голова постоянно кружилась от нехватки еды, а кожа была бледнее, чем у народа Снежных земель. Несмотря на слабость, я понимала — жаловаться Гаену бесполезно. А если поддамся упадку сил и стану плохо выполнять свою работу, меня просто накажут.

Старая рабыня, видя мое состояние, иногда улучала момент и всучивала мне фрукт или хлеб. Иногда мне даже доставался небольшой ломоть мяса.

Мы обе понимали, чем чревато ее поведение. Воргат приказывал магам следить за тем, чтобы повариха при готовке и пробе еды не положила в рот лишний кусочек. Что тут

говорить о том, что подкармливать меня было категорически запрещено — поварихе такое своеволие грозило крупными неприятностями. Но, несмотря на это, мне периодически выпадал какой-нибудь лакомый кусочек, а я, в свою очередь, старалась максимально облегчать рабыне работу на кухне.

У нас с ней даже появился общий секрет — мы научились разговаривать беззвучно, не привлекая внимания стоящих на страже магов. Конечно, прибегать к чтению по губам постоянно было опасно, да и невозможно, но даже пары фраз в день для рабынь, игнорируемых всеми и вся, было вполне достаточно, чтобы ощутить незримую поддержку друг друга.

Причина нашей молчаливости кроилась не в нелюдимости обеих, а в хорошо выстроенных нами правилах. Рабыням запрещено было долго разговаривать друг с другом. Выходить из комнаты по ночам — тоже. Неважно, как сильно тебе это нужно, до того момента, как проснется глава дома, собственная комната оказывалась тюрьмой. Если выйдешь, и тебя поймает стоящий на страже маг — сурового наказания не избежать.

Комнаты проверялись каждый вечер на предмет вещей, способных причинить вред. Женщины элькхе, в отличие от мужчин, никакой магией не обладали, а оружие в Непримиримых землях считалось устаревшим и варварским способом нападения — здесь большинство мужчин применяли магию. Поэтому единственным орудием рабынь могли стать только подручные вещи: кухонный нож, секатор, осколки стекла. Именно на наличие этих вещей и проверялись комнаты. А то, что я была чужачкой, не элькхе, а моя сестра — Искрой, заставляло боевых магов проверять мою комнату еще тщательнее.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Зная все это, я, тем не менее, постоянно нарушала правила. Не касаясь орудий убийства, конечно же, нет — если бы в моей комнате нашли что-то подобное, меня, скорее всего, тут же бы убили. Нехватка рабынь в доме Воргат меркла перед извечным страхом его мужчин — смерти от руки восставшей рабыни. Если хотя бы одна из них заставила бы хозяина усомниться в преданности к нему, все женщины до скончания веков ходили бы, закованные в цепи. Слава богам — такого еще не случалось — очевидно, из-за полнейшей затравленности рабынь.

Я овладела в совершенстве способностью быть тихой, как мышка. Я с детства была худа, а при нынешнем питании поправиться не представлялось возможным, поэтому и тихо передвигаться мне было несложно. Ночью, когда тени ложились на замок, они становились моими сообщниками. Я пряталась в тени неосвещенных коридоров и продвигалась вперед, движимая одной целью — проникнуть в каморку старой рабыни Альтид, чтобы там вволю наговориться. Наверное, мне не хватало наших долгих разговоров с Гвендолин и отцом, и потому я тянулась к практически чужому человеку, как мотылек — к свету. Альтид рассказывала мне о своей земле, которую помнила еще девочкой — до того, как стала рабыней, я же рассказывала ей о Даневии — такой близкой, но такой недостижимой.

Погрузившись в воспоминания минувшей ночи, я не заметила идущего навстречу боевого мага. Столкнувшись с ним, я тут же получила такой удар по лицу, который заставил меня упасть на колени, тяжело дыша. Хотя маг и не был главой или сыном дома Воргат, он был мужчиной, поэтому имел полное право наказать рабыню за недостойное поведение.

Сидя на полу, потрясла головой — в ухе звенело.

— Смотри, куда идешь, — процедил молодой маг и ушел.

Изо всех сил я пыталась загнать внутрь выступающие слезы. Я не должна поддаваться

собственной слабости по такой мелкой причине — в моей жизни будет место для куда более серьезных наказаний. Выдохнув, встала, и гордо подняв голову, продолжила путь. Мой глупый жест не был замечен никем, но он много значил для меня самой.

Каждый день, каждый час, каждую секунду, я доказывала самой себе, что сломать меня невозможно.

Глава девятая. Гвендолин

Безделье сводило меня с ума, а все попытки понять, как мне выбраться из ловушки, ни к чему не приводили. После случившегося я отчетливо осознала: моей главной проблемой были не дворцовые стражи и не преграждающий путь к свободе лес, а браслет на моем запястье.

Судьба — загадочная особа. Порой она переплетает нити человеческих жизней причудливо и совершенно непредсказуемо. Ведь как так могло случиться, что я унаследовала способности обоих родителей, что, в сочетании с даром Искры, которых привыкли воспринимать пустышками и исключительно чужой подпиткой, само по себе было редкостью, а Лили — не унаследовала ни одной? Ни противоречивой возможности быть Искрой, ни даже толики магического резерва? Я пыталась научить ее хотя бы простейшим чарам, пока не поняла, что все мои попытки абсолютно бесплодны. Если говорить о способности к магии, то Лили была как потухший костер или насквозь промокшая лучина, зажечь которую просто невозможно.

Неудивительно, что Слепой не распознал во мне возможности самостоятельно пользоваться магией, а не только отдавать ее другим. И дело было не только в том, что я приложила к этому немалые усилия, ментальными чарами воздействуя на его разум — в тот страшный момент, когда он сказал, что я Искра.

Если бы Арес узнал, что я могу использовать магию в отличие от подавляющего большинства Искр, то меня ждала бы участь похуже. Правда, тогда я еще не знала, какая вообще участь меня ждет — просто отдавала себе отчет в том, что знать Аресу о моих способностях совсем необязательно. Слава богам, что я оказалась очень осторожна. И мой маленький секрет так и остался секретом — для всех, кроме моей нежно любимой сестрицы Лили.

Снова подумав о сестре, я вздохнула. Как она там, без меня?

Даже не знаю, кому из нас сейчас тяжелее. Я живу в роскошном дворце, пусть он и заменил мне золотую клетку, слуги приносят мне еду, мои шкафы ломаются от нарядов — видимо, оставшихся после предыдущей Искры. Куда она исчезла? Что стало с ней? Почувствовала на себе проклятие всех «используемых» Искр — быть однажды выпитой досуха? Как бы то ни было, несмотря на затворничество, сейчас мою жизнь нельзя было назвать ужасной. Лили же осталась совсем без поддержки, одна в чужом краю... и без капли дара. Несправедливо, что магическая сила досталась мне одной.

Сидя в комнате, я часами «прощупывала» браслет, пытаясь обнаружить изъяны в окружающих его чарах. Бесплезно. Только одно я увидела, призвав на помощь пространственную магию и проникнув вглубь браслета — тонкая изгибистая щель, спрятанная за пластинкой, и, по всей видимости, служащая своеобразным замком.

А где же ключ?

Конечно, сразу напрашивался ответ — у моего Хозяина, графа Рэйста. И, желая разведать обстановку — узнать у слуг, где находятся его покои, и где он по обыкновению бывает в течение дня, я вышла из спальни... и у самой лестницы столкнулась с его женой.

— О, Искра, — мурлыкнула леди Айлин, но ее глаза метали молнии. Не обращая внимания на глазающую на нас дворцовую стражу, она приблизилась ко мне вплотную и зашипела: — Кто позволил тебе флиртовать с моим мужем?

Я задохнулась от изумления. Возмущение пришло следом.

— Флиртовать?!

— Я не давала тебе слова. — Айлин прищурила глаза.

Красивая, чертовка. И что Рэйсту не дает наслаждаться вниманием супруги и быть счастливым с ней? Некромаг и высокомерная стерва — лучшей пары придумать невозможно.

Я усмехнулась. Хочешь унижить? Не получится. Пусть я не так высокородна, и не обладаю такой властью — что и говорить, у меня и свободу-то сумели отнять, но... Достоинство — это то, что внутри. То, что не купишь никакими деньгами и не завоеешь самыми громкими титулами.

— Знай, я слежу за каждым твоим шагом. У стен есть не только уши, но и глаза.

А эта фраза меня уже насторожила. Я не собиралась оставаться во дворце вечно и знала, что день за днем буду искать способ отсюда сбежать. И то, что за мной подобно надсмотрщику будет наблюдать жена самого графа, совсем меня не устраивало. Я сделала мысленную пометку в голове: узнать, что за чары позволяют графине следить за мной.

— Граф Рэйст мне не нужен, — бросила я. — Хотите — забирайте его себе.

Глаза Айлин опасно полыхнули. Подавшись ко мне, она прошипела как змея:

— Вздумала насмеяться надо мной?

И, не успев сказать ни слова, как она с силой толкнула меня в грудь. Не прибегла к магии, что странно — не хотела или не хватало магических сил?

Это последнее, что пронеслось в моей голове перед тем, как я рухнула назад, прямо на отполированные служанками до блеска мраморные ступени лестницы.

Было невероятно больно и страшно — что, приземлившись, подняться я уже не смогу. И не помогут целители, если я сверну себе шею, ведь они не чудотворцы и не могут вдохнуть жизнь в уже мертвое тело. Следом мелькнула сумасшедшая мысль — а вдруг граф Рэйст надумает меня оживить? Вот только магическую силу Искры — как и чистый разум — с новой жизнью я потеряю. А Лили останется одна против целого, невероятно несправедливого к нам мира, и я уже ничем не смогу ей помочь.

И в этот же самый миг безумная карусель прекратилась. Я лежала, чувствуя щекой прохладу камня, и подниматься не спешила. Тело превратилось в сгусток боли, я наверняка сломала о жесткий камень несколько ребер и лодыжку, которая сейчас горела огнем.

— Как можно быть такой неуклюжей? — всплеснула руками Айлин.

Она грациозно спустилась по лестнице, скользя затянутой в атласную перчатку рукой по перилам. Неторопливо подошла ко мне. Дворцовая стража усиленно делала вид, что пялиться в противоположную стену — самое увлекательное занятие на свете. Ничего удивительного: Искра для подчиненных Ареса почти то же самое, что рабыня — для варваров Непримириемых Земель. С той лишь разницей, что с первыми обходятся куда лучше. Но совершенно ясно, чью сторону они примут в противостоянии Искры и графини.

Я попыталась подняться, несмотря на боль — не желала быть распластанной у ног леди Айлин. И вот тут-то я почувствовала магический порыв, который приковал меня к полу. Сейчас я ощущала себя тряпичной куклой — собственное тело отказалось подчиняться мне. Графиня склонилась надо мной.

- Надумаешь пожаловаться мужу — убью и отдам на съедение мантикору, — равнодушно сказала она.

Айлин знает о мантикоре! Значит, она и правда следила за мной. Это тревожило — но

не больше, чем застывшая в ее глазах угроза. Глупая, жаловаться на судьбу не в моих правилах.

А с тобой, пепельноволосая тварь, мы еще поквитаемся.

Графиня Рэйст перешагнула через меня. Звонкий стук ее каблуков по мраморному полу дворца затихал, и насланные на меня чары спадали. Я предприняла уже вторую попытку подняться, но не успела — невесть откуда взявшаяся Аннет с расширенными от изумления глазами бросилась ко мне.

- Боги, что случилось?

- Упала с лестницы, — ровным голосом отозвалась я. — Поможешь?

- Ох, прости, — спохватилась Искра.

Подняла, подставила мне плечо, помогая добраться до спальни. Ежеминутно справлялась, как я чувствую себя, и не нужна ли мне помощь дворцовых целителей? Я заверила Аннет, что лишь ударила лодыжку, и через несколько минут все пройдет. Я не хотела суматохи вокруг себя и еще больше не хотела, чтобы о произошедшем узнал Рэйст, а это непременно произойдет, если Аннет расскажет обо всем целителям. Потому что дворцовая стража — по приказу Айлин Рэйст — непременно будет молчать.

Если предположить, что граф прекрасно осведомлен об особенностях характера своей супруги, то он быстро сложит общую картину, и поймет, кто на самом деле столкнул меня с лестницы. А это сейчас было не в моих интересах. Мало-помалу в моей голове зрел план, и его исход зависел от того, станет ли достоянием общественности наша ссора с Айлин или же она останется нашей общей тайной.

Аннет ушла, а я еще долго залечивала собственные раны, мысленно саму себя заверяя: однажды все это закончится. Каждый из тех, кто обидел меня или Лили, рано или поздно получит свое сполна.

Глава десятая. Гвендолин

Здесь, во владениях Ареса Галлахара, бессонница стала моей близкой подругой. Каждую ночь со дня своего похищения я проводила в бесплотных попытках заснуть, и забывалась сном лишь с наступлением рассвета. Вот и в эту ночь мне было не до сна, но до боли знакомые стены давили.

Не выдержав, я все же покинула спальню. Постояла у пустого балкона, но после спустилась вниз, на надземный этаж дворца. Беспрепятственно проникла на внутренний двор, залитый лунным светом. В воздухе разлился упоительный запах незнакомых мне цветов, и мир казался таким умиротворенным... Но впечатление это было обманчиво — яркие и живые краски природы лишь маскировали всю боль и грязь яркими красками природы.

Не прошло и нескольких минут, как за моей спиной послышались чьи-то мягкие шаги. И я знала — чувствовала — кому они принадлежали.

Лоуренс Галлахар встал рядом со мной, едва не касаясь своим плечом, прикрытым тонкой тканью рубашки, моего. Он держал в руках плащ, но предупреждающий огонь в моих глазах явственно говорил о том, что повторять его фокус, прежде казавшийся таким милым и невинным, не стоит.

— Вы что, меня преследуете? — холодно спросила я.

— Судя по тому, что вы избегаете меня, и по леденящим ноткам вашего голоса, вы узнали обо мне правду, — сказал Лоуренс, не глядя на меня. — Вы знаете, кто я, и это знание уже не позволит нам вести задушевные беседы.

— Они никогда не были задушевыми, — равнодушно бросила я. — Я просто поддерживала разговор, как и положено воспитанной леди.

Лоуренс повернулся ко мне и я разглядела на его губах знакомую, чуть лукавую усмешку.

— Думаю, мы оба прекрасно понимаем, что это неправда. И прежде, чем вы начнете уверять меня в обратном, — продолжил он, обрывая меня на полуслове, — я должен спросить: могу я сказать хоть что-нибудь, чтобы оправдаться?

— Нет, не можете, — сухо ответила я. — Не стоит сотрясать воздух понапрасну.

Помрачнев, Лоуренс кивнул. На мгновение я ощутила к нему нечто похожее на благодарность — за то, что не стал настаивать и залезать в мою душу голыми руками, но это ощущение тут же растаяло как дым.

Мы помолчали, слушая лишь стрекот кузнечиков — неужели тоже иллюзорных, как и все в этом прекрасном, но фальшивом саду?

— Почему вы не спите так поздно? — мягко осведомился Лоуренс, прерывая молчание.

Меня мягкость его тона не обманула. Как бы хорош ни был Лоуренс Галлахар, он был единокровным братом моего врага. А значит, он — мой враг.

— Не спится, — обронила я. И тут же пожалела о своих словах — не дай бог, решит, что я жалуюсь на свою судьбу и мучившую меня бессонницу. И кому? Брату человека, который и стал ее причиной. — И вообще, вас это не касается. Пусть меня и вынудили быть Искрой для лорда Рэйста, отчитываться о своей жизни вам или кому бы то ни было я не обязана.

Я ожидала, что лорд Галлахар разозлится, и какого было мое удивление, когда он лишь рассмеялся в ответ.

— А вы дерзкая. — Мне показалось, или в его голосе звучало одобрение? — Вот только во дворце Ареса Светорожденного с таким характером придется нелегко.

— Знаю, — с мрачным видом сказала я. — Мне все вокруг твердят быть тихой, как мышка. Улыбаться заискивающе, преданно смотреть лорду Рэйсу и Его Светлости в глаза. Вот только здесь я нахожусь не по своей воле. И лучше умру, чем буду ползать на коленях перед своими похитителями!

Я и сама не знала, зачем произнесла эти слова вслух — вместо того, чтобы молчать, стиснув зубы. Моя несдержанность и неумение умерять свой пыл нередко оборачивались против меня же самой. Но ярость, ненависть так долго бушевали внутри меня, требуя выхода, что сдержать этот порыв я просто не сумела. Хотя сейчас было совсем неподходящее время, чтобы обнажать свои чувства, и совсем неподходящий рядом был человек.

Я пожалела о своих словах в тот же миг, когда они прозвучали. Но... Вернуть их обратно была уже не в силах.

— Вы горды, и это похвально, но в этой жизни все имеет цену, даже гордость. Вы действительно готовы умереть, лишь бы не находиться здесь?

— Не находиться здесь. — Я презрительно сощурилась. — В этой жизни я видела вещи и похуже роскошного дворца и личных слуг. Я готова жить в нищете и даже в неволе, но я не хочу — не позволю — никому собой помыкать. Использовать меня, как бездушную куклу, вертеть мной, как послушной марионеткой.

— И вы готовы даже умереть, лишь бы этого не произошло?

— Готова, — с вызовом ответила я, глядя ему прямо в глаза.

— И оставить вашу сестру одну в целом мире?

У меня перехватило дыхание — словно кто-то украл мой воздух. Сердце сжалось до боли, глаза защипало от слез. Мне потребовалось призвать на помощь всю свою силу воли, только бы удержать маску хладнокровия на лице.

Никто не должен видеть моих слез. Ни друг, ни враг. Никто и никогда. Даже оставшись наедине с самой собой, я никогда не позволяю дать волю чувствам. С того момента, как умер мой отец, как сестру отдали в рабство, я не проронила ни слезинки. Не потому, что происходящее не трогало меня, ведь с тех пор я не могла думать ни о чем другом, как найти сестру и отомстить Аресу за смерть папы. А потому, что давным-давно запретила себе быть слабой. Моя душа защищена броней. Стоит позволить пробить в ней хоть одну тонкую трещину — допустить хотя бы малейшую слабость, и эта трещина начнет разрастаться, пока не разрушит щит до основания. Душа окажется обнаженной, уязвимой... и всегда найдется тот, кто с наслаждением вонзит в нее клинок.

И пока я собирала себя по кусочкам, в голове набатом билась одна-единственная мысль: откуда Лоуренс Галлахар узнал о Лили? И тут же поняла: должно быть, Арес хвастался перед родным братом полученными трофеями.

Мне стало настолько противно, что я отвернулась. Вот только... Как бы сильно ни хотелось мне признавать это, но в чем-то Лоуренс был прав. Лили сейчас наверняка куда хуже, чем мне. Пока я нахожусь здесь, в этой огромной каменно-золотой клетке, она в Непримириемых Землях, землях варваров и бесправных женщин. Моя хрупкая, милая Лили, которая в жизни не держала ничего тяжелее ложки, стала рабыней. Даже представить страшно, каково ей сейчас...

— Жизнь — это дар. Какой бы страшной и тяжелой она ни была, — странным голосом сказал лорд Галлахар. Он смотрел не на меня — куда-то поверх моего плеча, в темную даль

за стенами дворца. Надо же, я настолько сильно погрузилась в воспоминания о прежних днях, когда мы с Лили были вместе — и были счастливы, — что совершенно забыла о его присутствии.

Но слова Лоуренса заставили меня вспыхнуть от гнева.

- Да что вам знать об этом? — воскликнула я. — Вы живете в роскоши и уюте в то время как люди страдают от последствий развязанной вашим братом войны!

Черты его красивого лица — ну почему он так несправедливо красив! — заострились, на скулах заиграли желваки. Лоуренс будто бы весь подобрался, а задумчивая дымка в его глазах сменилась жесткостью взгляда.

- Вы ничего не знаете обо мне, леди, — холодно сказал он.

Я прошипела, как готовая к прыжку кошка:

- И знать не хочу.

И тогда он ушел, оставив меня одну в гуще иллюзорного сада. А я стояла среди этой пустоты, чья неприглядность была скрыта мазками иллюзорных красок, как никогда чувствуя себя одинокой.

Глава одиннадцатая. Лили

Вереницей потянулись серо-черные дни, похожие друг на друга, как близнецы. Каждый из них я посвящала бесконечным обязанностям — уборке, готовке.

Я ошибалась, думая, что Гаен Воргат не будет использовать магию, если я буду покорной рабой. Ему нравилось видеть мои страдания, поэтому свою порцию боли я получала каждый день. Он практически никогда не использовал плеть, предпочитая видеть в действии магию. Я понимала его намерений — несколько минут выкручивающей наизнанку боли, и... никаких следов на молодом теле.

Было то, что могло бы порадовать меня в других обстоятельствах — несколько свободных от работы по дому часов, но даже это работало против меня — я почти не спала, но выходить из комнаты не имела права. Предоставленная самой себе, я все больше погружалась в темные мысли и воспоминания. Я ощущала полную беспомощность что-либо изменить в своем положении, и это не могло не угнетать.

Наблюдая за жизнью дворца, я ужасалась, как жестоко Гаен Воргат наказывал провинившихся рабынь и с какой легкостью избавлялся от неудобных. Любые провинности карались сурово: за любые огрехи в работе служанки наказывались десятками ударов плетей, после чего целыми днями отлеживались, пытаясь прийти в себя. К женщинам в Непримиримых Землях относились намного хуже, чем к псам на привязи, но так жестоко, как обращался с рабынями Воргат, думаю, не обращался никто.

В один из дней, пропитанных болью и ненавистью, я стояла в огромном зале дворца перед камином, простирая над ним озябшие руки, и наблюдала за старой рабыней, накрывающей мужчинам дворца стол. Руки старухи дрожали от тяжести блюда с яблоками, которое она держала. Я знала — рабыню снедала болезнь, делающая ее все слабее и немощнее. Я подошла к ней, желая помочь, но... опоздала. Тяжелое наливное яблоко упало с блюда прямо на край хрустальной пиалы, стоявшей на столе, и опрокинуло ее на пол. Раздался звон разбитого на множество частей хрусталя.

В этот же момент в зал влетел Гаен Воргат. Я привычно опустила глаза, услышав приближающиеся шаги.

— Ты мне надоела, старая. Я трачу на тебя еду, а ты разбиваешь посуду, которая гораздо ценнее тебя. Ронак, — властный голос Воргата обратился к стоящему в зале магу, — отправляйся на невольничий рынок и приведи мне новую рабыню.

Новую? Меня пронзила мысль, от которой тело занемело — Гаен Воргат хотел убить старую рабыню за разбитую посуду? Я быстро взглянула на старуху — в ее глазах плескалась обреченность. Сердце заныло. Как бы ни было ужасно положение женщин в землях элькхе, каждая из них, несмотря ни на что, хотела жить.

— Подождите, — крикнула я, прежде чем успела остановить рвущийся из груди крик.

— Что ты сказала? — прорычал Воргат.

— Простите, господин, — умоляюще произнесла я, старательно глядя в пол, — я только хотела сказать, что это я разбила посуду. Совершенно нечаянно. Я потянулась за яблоком, но оно упало.

Всхлипы, вырывающиеся у меня из груди, не были нарочитыми — я страшилась того, что должно было сейчас произойти.

— Ты пыталась взять еду без моего разрешения? — тон Воргата поднялся, не предвещая

мне ничего хорошего.

— Простите, господин, — как заведенная повторяла я.

— Значит, я недостаточно кормлю тебя?

Я попыталась что-то ответить, но Воргат помешал этому, с силой ударив меня по лицу.

— Ты забываешь свое место, раба, — его тон снова стал привычным, угрожающе-холодным. — Ты пыталась украсть еду — это раз. Посмела прервать меня — это два. Заступилась за другую рабыню — это три. Ронак, я отменяю предыдущий приказ, принеси мне плеть.

Сплотнув, я смотрела в землю, чувствуя, как все тело, не поддаваясь контролю, охватывает дрожь. Потом, подняв глаза, я встретила взглядом со старухой. Я поняла — она хочет сознаться Воргату в содеянном. Воспользовавшись тем, что элькке отвлечен разговором с боевым магом, я медленно покачала головой, безмолвно прошептав: «Не надо».

Меня он не убьет — я молода и я его новое приобретение, лишиться которого так скоро ему будет просто жаль. А боль... когда-нибудь она закончится.

— А ты чего стоишь? Накрывай на стол и убирайся. И не забудь привести зал в порядок, — донесся до меня ледяной голос Гаена Воргата.

— Да, господин, — хрипло ответила старуха.

Наблюдая за тем, как она поспешно собирает осколки с пола и уходит, я вздохнула с облегчением. Лучше плеть, чем мучительная смерть старой рабыни.

— Сними платье и повернись, — приказал Воргат.

Я сняла верх, неловко прижимая его к груди и оголяя спину. На меня тут же обрушилась плеть, словно жалящий, обжигающий язык. От удара на глазах проступили непрошенные слезы, а дыхание перехватило. Я сжалась в ожидании следующего удара плети, но его не последовало.

Зато меня пронзила знакомая мучительная боль, скручивающая внутренности в тугий узел. Магия боли и темноты. Мне показалась, что пытка Воргата продолжалась несколько часов, но вполне возможно, что прошло всего несколько минут. Чередуя плеть и магию, он добился того, что от боли у меня потемнело в глазах. Маленький кусочек счастья был словно послан мне свыше — я потеряла сознание.

Очнулась я в собственной постели. Я лежала на животе, спина была будто в огне.

— Вышей, полегчает, — вдруг раздался в тишине еле слышимый голос.

Повернув голову, я увидела старую рабыню, протягивающую мне кружку. Судя по запаху, травяной отвар. Протянув руку, я встретила глазами со служанкой.

— Спасибо, — тепло произнесла она.

Несмотря на боль, я улыбнулась. Приятно было слышать такие редкие для рабыни слова. Я не могла пошевелиться и как следует рассмотреть комнату, но и без того было ясно — боевых магов в ней нет. Будто угадав мои мысли, старуха прошептала:

- Господин не думал, что ты так быстро очнешься. Ты сильная, — добавила она вдруг с оттенком одобрения в голосе.

Я попыталась пожать плечами, но тут же поморщилась от прострелившей спину боли.

- Не шевелись, — мягко произнесла рабыня. — Я обработаю твои раны.

Конечно, мне ведь еще предстоит служить своему хозяину — месяцы, годы или десятилетия — до того момента, пока мой проступок его не разозлит до такой степени, что он захочет от меня избавиться. Я почувствовала отвращение, перешедшее в тошноту.

- Я хочу сбежать, — вдруг вырвалось у меня.

- Это невозможно, — услышала я над самым ухом, — бежать некуда.

— Лучше умереть свободной, чем рабыней.

- Неправда, — возразила служанка, протирая мне спину мокрым лоскутом ткани. —

Неважно, как ты умрешь. Важно лишь то, что твоя жизнь закончится.

— А зачем мне такое существование?

Ответом мне была тишина.

Я закрыла глаза, пытаясь отогнать от себя навязчивую мысль о побеге. Я и сама понимала, насколько безрассудной была сама мысль. Вокруг — дикие или населенные элькхе земли, где выжить практически невозможно. Любую рабыню, убежавшую от хозяина и бродившую в одиночестве, убивали или пленили, едва завидев.

Но раздавшиеся в тишине слова старухи заставили меня широко распахнуть глаза и почувствовать, как воскресает надежда.

- Если ты твердо решила это, я тебе помогу.

Глава двенадцатая. Гвендолин

Иногда моя ненависть представляется мне темным пламенем, разгорающимся внутри меня. Она отравляет мою кровь своим черным ядом, мешает мне дышать, заполняя легкие гарью.

Каждый раз, глядя на графа Рэйста, я задыхаюсь от ненависти к нему.

Обладать абсолютной властью надо мной — моей свободой и моим будущим — ему показалось мало. Он захотел большего — держать меня рядом, на невидимой привязи, как цепного пса. Так таскает ребенок с собой повсюду любимую игрушку.

— Разведчики донесли до нас весть, что в герцогстве зреет бунт, — как-то сообщил мне граф.

Я мысленно позлорадствовала — хотела бы я увидеть тот день, когда дворец Ареса рухнет, как карточный домик, погребя под собой Рэйста и его жену, Ареса и изменников-даневийцев, к нему переметнувшихся.

— Ты станешь моей помощницей.

Я? Помощницей некромага?!

— Возможно, дело избавит тебя от глупых мыслей о побеге, а мне помощь необходима. И мы сможем поближе узнать друг друга. — Граф подался ко мне, медленно намотал прядь моих волос на палец.

«Я могу быть твоей Искрой, но твоей я никогда не стану».

Рэйст не замечал моего окаменевшего лица и полыхающей ненависти в глазах. Его рассеянный взгляд скользил по моему телу, словно я была всего лишь одной из статуй, украшающих внутренний двор обители Ареса.

— Согласен, дело не для нежной барышни, но другого выхода я не вижу.

Смешно. Меня никогда не пугали лишённые душ мертвые.

— Что мне нужно делать? — спокойно спросила я.

Я знала, что не имею права отказаться — моя «привязка» к графу просто не оставляло ни малейшей возможности послушаться его приказа. Зато мне выпал шанс посмотреть на работу Рэйста и — кто знает? — быть может, это мне однажды пригодиться. Прописная истина для любого военачальника: самое важное — знать все силы и слабости своего врага. А дело всей его жизни, которым граф и заслужил себе теплое местечко под крылышком Ареса, отведенный ему этаж во дворце, почести и привилегии, подходило для наблюдения как нельзя лучше.

Пусть Рэйс считает мои новые обязанности моим наказанием, я же буду считать это возможностью узнать его сильные стороны. Дар, благодаря которому Арес сумел разбить армию Ингвара.

Граф приподнял густую бровь, спросил насмешливо:

— А мертвых не боишься?

— Нет, не боюсь, — с вызовом ответила я.

Живые — подлые, одержимые властью, готовые идти по головам ради собственных целей, куда страшнее.

Лорд Рэйст жестом велел мне идти за ним. По мраморной лестнице, с которой не так давно меня столкнула графиня Айлин, мы спустились на надземный этаж дворца, по завернутой в тугую каменную спираль — на подземный этаж. Разумеется — где ж еще

держат оживших мертвецов, как не в подземелье?

Следуя за Рэйстом, я размышляла: был ли во дворце некий потайной ход? На случай вторжения захватчиков или пожара или бог весть чего еще. Вряд ли бы, конечно, мне позволили бродить здесь одной, но как самый отчаянный вариант сбежать из дворца по потайному ходу вполне годился. Оставалась лишь одна проблема — как снять с запястья проклятый браслет?

Рэйст привел меня в длинную холодную комнату, тут же навевшую ассоциацию со склепом. И неудивительно: на каменных полках, врезанных прямо в стены подземелья, лежали мертвые человеческие тела.

— Это те, кого нужно воскресить?

Граф помотал головой.

— В этом зале находятся уже воскрешенные. Поэтому и запах здесь вполне терпим.

— Почему же тогда они не шевелятся?

— Они спят, — охотно объяснил Рэйст. — Очень важно не забывать насыпать на поднятых мертвецов чары упокоения после того, как они исполнят свой долг — проще говоря, чары, погружающие их в долгий сон. Иначе они могут ожить в самый неподходящий для этого момент и, будучи совершенно бесконтрольными, могут натворить... всякое.

Я все впитывала как губка. Тут же представила, как один из неуспокоенных набрасывается на ничего не подозревающего лорда Рэйста, как сворачивает шею и бросает бездыханное тело на холодный пол. Стало чуточку легче.

Долг... Нет у мертвых никакого долга. Если быть точнее, единственный долг мертвецов — лежать в своих гробах и видеть чудесные сны о прошлом. Или не видеть снов. Бродить по Царству Теней в надежде обрести покой и забвение или воссоединиться с родными и близкими. Оживать, теряя разум и чувства, становясь лишь неким подобием себя прежнего; искаженной, уродливой тенью самого себя — не их долг, а навязанная некромагом необходимость.

Я смотрела на графа и отчетливо видела: он даже не понимал, какое творит зло, тревожа покой мертвых. Он искренне верил в то, что совершает благое дело, обеспечивая армию Ареса неуспокоенными.

— Так значит, воскрешенные мертвые бессмертны? — будто бы невзначай поинтересовалась я.

— Не совсем так. — Лорд Рэйст нахмурился. Казалось, его всерьез беспокоит то, что даже его магия, его — известного на всю Даневию некромага — несовершенна. — Неуспокоенных можно... упокоить навсегда, если полностью их опустошить — то есть вытянуть из них магию до капли. Но и сделать это под силу немногим, особенно в самой гуще боя. Я смотрю, тебя всерьез заинтересовала некромагия. — Граф широко ухмыльнулся. Прислонившись плечом к стене, протянул ко мне руку. Широкая ладонь скользнула по моей коже — от плеча до запястья. Коснулась и обхватила талию, властно притягивая меня вперед. Ближе, ближе... К нетерпеливо приоткрывшимся губам, к жадному, полному похоти взгляду.

— Меня всегда интересовала магия смерти, — солгала я, ловко выворачиваясь и обретая блаженную свободу. Приставать ко мне здесь, в этом полном мертвецов подземелье... боги, какая мерзость!

На лице графа отразилось недовольство. Скоро он устанет играть в навязанную мной игру и потеряет терпение. Я должна сбежать из дворца прежде, чем это произойдет. Иначе...

Если Рэйст начнет меня домогаться, я просто его убью. И наплевать, что со мной будет дальше.

Помрачневший граф повел меня вглубь длинной комнате, к двери, тонущей в полумраке. Распахнул ее и жестом пригласил меня войти.

Теперь я понимала, что имел в виду Рэйст, говоря о запахе. Зловоние гниющей плоти било мне в нос, миготом наполнив легкие. Призывать магию в таком близком присутствии графа я остерегалась — вдруг сумеет это почувствовать? Поэтому приходилось терпеть вонь разложившихся тел.

- Я наложил на них чары, останавливающие разложение, но полностью уничтожить запах они, увы, неспособны. До тех пор, пока в венах поднятых мертвых вновь не заиграет кровь, обновляя их тела — точнее, магия, заменяющая им кровь.

- Вы так и не объяснили, что мне нужно будет делать, — напомнила я, равнодушно оглядывая пространство. На длинных каменных столах лежали прикрытые простынями тела.

- Быть моей Искрой. — Голос графа раздался над самым моим ухом, дыхание подняло волосы на шее.

Я стиснула зубы. Терпи, милая, терпи. Собирай эту ненависть, наматывай ее как клубок, чтобы позже — как только выпадет такой шанс — сделать ее своим оружием. Я верила, что такой час однажды настанет — и Немезида, крылатая жрица возмездия, поможет мне отомстить Рэйсту за все.

- С тобой воскрешение мертвых будет происходить куда быстрее — мне больше не нужно будет бояться опустошения, рассеивать внимание и следить, чтобы магический резерв не истощился.

«Потому что ты можешь просто воспользоваться моим, полностью меня опустошив», — неприязненно подумала я.

Мной вдруг овладела злость. Зачем Судьба сделала меня Искрой? Для чего? Что хорошего я сделала, будучи ею? Если бы не этот дар, меня бы отправили вместе с Лили на невольничий рынок. Кто знает, вдруг нам удалось бы остаться вместе — многие варвары берут в качестве личных или гостевых рабынь сестер. Тогда у меня хотя бы была возможность помогать ей — да просто быть рядом!

А что вместо этого? Я помогаю некромагу, человеку, в котором нет ничего святого, правой руке темного мага и завоевателя, разрушившего жизнь ни в чем не повинных даневийцев. Я заставила себя сделать глубокий вздох. Ничего, с графом Рэйстом я еще поквитаюсь. А пока нужно сделать все, чтобы он не заподозрил, что каждую минуту, находясь во дворце, я думаю лишь о том, как сбежать отсюда.

Ответила Рэйсту легким кивком — будто бы он прислушался ко мне, начини я сопротивляться! — и он тут же приступил к делу. Откинул простынь, испачканную в земле, демонстрируя мне лежащее на каменном столе тело крупного, явно сильного при жизни, мужчины. Не слишком приятное зрелище — незнакомец был мертв не один день — но мне удалось сохранить самообладание. Я чувствовала на себе изучающий взгляд Рэйста, и это придавало мне сил.

Граф хмыкнул, тщательно маскируя свое разочарование. Видимо, ждал, что я рухну в обморок прямо в его объятия или хотя бы побледнею и затребую нюхательную соль. А он будет хлопотать возле меня, такой ранимой и впечатлительной...

Не дождется.

Лорд Рэйст склонился над мертвецом, что-то чертя прямо в воздухе в непосредственной

близости от него. Я во все глаза смотрела на него, но понять рисунок чар так и не смогла — или дело было в их сложности или в том, что прежде с магией смерти сталкиваться мне не доводилось. Пока граф колдовал над телом, я изучала взглядом Рэйста, гадая, куда он мог припрятать ключ от браслета. Носит с собой? Или прячет в своей комнате? Или в сейфе под надежным замком?

Не успела я обдумать эту мысль, как ее словно ветром сдуло. Голова стала пустой и легкой, а где-то глубоко внутри рождалось странное ощущение... высвобождения, опустошения. Я никогда прежде не испытывала этого чувства, но мгновенно поняла, что оно означает. Если самих Искр сравнивали с сосудом, полным искрящейся, чистой магической силы, то сейчас я ощущала, как магией сплетения этот сосуд приоткрылся и по связывающим нас узам магическая энергия потекла к Рэйсту.

Он стоял, выпрямившись и блаженно прикрыв глаза, как кот, налакавшийся сливок. Всколыхнулась уже привычная волна отвращения, но мне удалось ее подавить. Не сумею сдержать себя — отравлю передаваемую магическую силу своей ненавистью. Увы, этого будет совершенно недостаточно, чтобы убить Рэйста. Но достаточно для того, чтобы он почувствовал примесь чужих негативных чар и заподозрил, что это моих рук дело. А стоит ему узнать, что я не просто Искра, не просто сосуд для его силы... мне наверняка обеспечена участь пленницы в подземельях дворца.

Голову вскружило, во рту пересохло, словно я брела под знойным солнцем пустыни. Неудивительно — из меня выпивали драгоценную силу, которая была необходима мне не меньше, чем вода. Но когда ты становишься Искрой «привязанной», слово «моя» теряет всякий смысл.

Рэйст видел, что я близка к обмороку — к тому моменту он уже, насытившись, открыл глаза и смотрел на меня своим характерным взглядом — изучающим, цепким, властным. Но не сделал ничего, чтобы прекратить эту пытку, хотя я видела по блеску в его глазах — большей энергии ему не требовалось.

Я знала, почему он продолжает выпивать из меня силы — чтобы показать мне, какую надо мной отныне имеет власть. Если он отдаст приказ — я подчинюсь, захочет — умру несколькими мгновениями позже, до последней капли опустошенная.

Вот только смерть меня не пугала. Пугала участь безвольной куклы, которую сделало из меня сплетение.

Глава тринадцатая. Гвендолин

Я прогуливалась по долине близ замка и собирала цветы. Меня занесло на другую сторону от главного входа в замок, где прежде я не бывала. Чинно прохаживались дамы в шляпках — гости замка, обсуждая погоду и последние слухи Даневии, поодаль, в казармах, я видела солдат Ареса — живых солдат, — сражающихся на мечах.

Одна из полян привлекла меня искусственно выращенными цветами — срывать их было бессмысленно, они тут же превратились бы в пыль. Но полюбоваться на ковер из разноцветных цветов захотелось. В нескольких шагах от поляны начинался участок леса, где, как я успела заметить, тренировались еще слишком молодые для настоящей охоты дети графа Рэйста. Старшему было около десяти, младшему не исполнилось и девять. Животные в этой чаще были чистойшей иллюзией, и рассыпались, как только в них попадала чья-то стрела.

Прежде я наблюдала за играми братьев с окна спальни, и находила эту иллюзорную охоту весьма милосердной. Животные не страдают, а дети — развлекаются и оттачивают зоркость глаз и меткость. Вот и сейчас братья резвились в чаще с превосходными луками в руках.

Чуть понаблюдав за ними, я присела у поросшей цветами поляны. Наклонилась, с удивлением поняв, что даже пахнут они по-настоящему.

Мальчишеский вскрик заставил меня резко выпрямиться и обернуться.

— Ты что наделал? — зашипел старший брат. — Ты что наделал, идиот?!

— Я не заметил, думал, это одно из животных... Он обычно не заходит сюда...

— Быстро, идем отсюда!

Они побежали прочь, оставив меня в полнейшем недоумении. В тот же миг стала ясна причина испуга, написанного на лицах детей лорда Рэйста — стрела, вместо иллюзорного зверья угодившая... в уже знакомую мне мантикору. Не думала, что когда-нибудь встречу ее снова.

Я приблизилась — робко, осторожно, присела рядом, откинув шлейф платья назад. Существо издавало странные звуки, похожие на человеческий стон. Стрела — в отличие от животных она была самая настоящая — застряла прямо в мощной груди и наверняка причиняла мантикоре нешуточные страдания. Зверь не пытался улететь — крылья сложены на львином теле, скорпионий хвост безжизненно повис. Мантикора тяжело опустилась на землю, окропленную ее же собственной кровью и завалилась на бок. Раненая грудь ее взымалась, из пасти вырывалось хриплое, натужное дыхание.

Кажется, мантикора умирала...

Я понимала, что это всего лишь животное. Но я помнила ее забавное фырканье и изучающее выражение на морде при нашей первой встрече, видела ее взгляд, так похожий на человеческий. Взгляд, в котором было и страдание, и... надежда. Словно именно я была ее шансом на спасение.

Я могла бы вызвать дворцовых целителей, и в первый момент порывалась сделать именно это... Вскочила, готовая броситься назад, в замок, но... что-то остановило меня. Возможно страх, а возможно, предчувствие — или же и вовсе магическое чутье, — что до моего возвращения мантикора не доживет. Слишком глубоко вонзилась стрела и слишком много крови было повсюду.

Терзаемая сомнениями, я вновь присела рядом с крылатым существом. Быстро огляделась по сторонам и убедилась, что поблизости нет ни гостей, ни дворцовой стражи.

— Только не выдавай никому мой секрет, — шепотом сказала я.

Я знала, что сильно рискую, но все же сделала это — приложила руки по обеим сторонам от раны и призвала магию на помощь.

Увы, я не была ни могущественной магессой, ни сильной целительницей. Но силы, теплящиеся во мне, позволили мне без вреда вынуть стрелу, остановить кровь и самую малость залечить рану — лишь бы только выиграть время до прихода целителей.

Когда стрела упала на землю, мантикора вдруг положила львиную лапу на мою руку — будто в благодарность за спасение. Я мимолетно улыбнулась.

— Все будет хорошо.

Поднявшись, я направилась ко входу в дворец. Внезапно мой порыв показался мне рискованным и глупым. Кто знает, на что способна мантикора и стоило ли вообще ее спасать? Но и оставить ее вот так умирать я бы просто не смогла. Эту мысль тут же перебила другая — а придут ли целители на помощь? Ведь мантикора — всего лишь животное? И, если верить мифам, довольно опасное животное.

Я вошла во дворец и тут же бросилась к Аннет.

— Аннет, я не знаю... — Я замялась, но тут же, нахмурившись, выпалила на одном дыхании: — Там, на поляне возле иллюзорного леса лежит раненая мантикора...

Искра ахнула.

— Ты хочешь сказать, мантикор Его Светлости?

— Что? — спросила я онемевшими губами.

— Какая же я дура, что я спрашиваю, — всплеснула руками Аннет. — Будто в округе дворца есть еще мантикоры!

Она торопливо взбежала вверх по лестнице — должно быть, спешила к лорду Анфациану за помощью. А я, провожая ее ошеломленным взглядом, прокручивала в голове ее последние слова. Когда она вернулась и, задыхаясь, заверила меня, что целители сейчас же придут на помощь несчастному зверю, я схватила ее за руку и приглушенным голосом спросила:

— Подожди, так эта мантикора...

— Мантикор, — поправила меня Аннет.

Я озадаченно помолчала, затем, осмыслив услышанное, тряхнула головой.

— Так значит, этот мантикор — питомец Ареса Светорожденного?

— Не просто питомец. Скорее, боевой фамильяр. Мантикор всегда находятся рядом с Аресом на поле боя, среди его солдат.

Я хмуро наблюдала за поднимающейся суматохой — поднятые на уши Аннет целители спешили во внутренний двор.

Так значит, зверь, виденный мной уже неоднократно, был мантикором Его Светлости? Не скажу, что это знание радовало меня. Но... разве мантикор виноват в том, что его сделали личной гончей? Отдали такому жутковатому и величественному зверю унижительную роль собачки на привязи, сторожевого пса? Я же видела — он не опасен, он даже и не думал укусить меня или даже зарычать. Более того — в львиных глазах светился ум и что-то... трудноуловимое. Так смотришь порой на обычную дворовую кошку, а в глазах ее отражается нечто такое, что кажется, будто она все понимает и знает о тебе все.

Напротив — смешно это или глупо, но я чувствовала с мантикором некую связь. Пусть

мы были совершенно из разных полюсов — человек и животное, — но существовало то, что нас объединяло. Оба мы усердно отыгрывали свою роль, назначенную нам никем иным, как Его Светлостью Аресом Галлахаром.

Но если мантикор был всего лишь зверем — безмолвным и бесправным, — то у меня был шанс побороться за свою судьбу. И начать я решила с того, чтобы все разузнать об обитателях дворца. Аннет, то и дело выглядывая в окно — волновалась за боевого фамильяра Его Светлости — охотно отвечала на мои вопросы. Беда только в том, что Искрой Анфациана она стала не так давно, и знала не так уж много. Другие же слуги о своих хозяевах говорить остерегались.

Единственной стоящей информацией, которой Аннет со мной поделилась, была прелюбопытнейшая история о прошлом графини Айлин Рэйст. И говорить о ней Аннет согласилась лишь, когда мы покинули дворец и направились в сторону иллюзорного сада. Но даже тогда она заговорила шепотом, так что мне пришлось превратиться в слух.

- Не знаю, может все это и досужие сплетни, но поостеречься не мешало бы, — словно извиняясь, сказала Аннет. — А если то, что говорят о леди Айлин — правда, то любое слово, сказанное во дворце, может быть ей услышано.

- Не припоминаю такой магии... — пробормотала я, наморщив лоб. — Она что, прослушивает стены?

- Еще хуже! — Глаза Аннет сверкали азартным блеском заядлой сплетницы. — Она становится ими!

От неожиданности я остановилась. Повернулась к Аннет.

- Подожди... Что значит: «становится ими»?

- То и значит, — торопливо зашептала Искра. — Поговаривают, что леди Айлин — грязнокровка, но что важнее всего, она наполовину... горгулья.

Я удивленно захлопала глазами.

- Хочешь сказать, в ней действительно течет горгулья кровь?

Аннет закивала.

- И ей приходится каждый день тратить огромное количество сил, чтобы прикрыть мороком свой истинный облик. Когда Его Светлость пригласил во дворец сивиллу — пророчицу, чтобы та помогла ему в грядущей битве с Ингваром, правда и вскрылась. Сивилла увидела истинный облик Айлин и обо всем рассказала Его Светлости и графу Рэйсту. Когда граф узнал об этом, пришел в ярость. А что поделать? Сделанного не воротишь, уже женат. Говорят, Его Светлость даже предлагал наказать лгунью, но граф ее пожалел. А она прощение у него просила, говорила, что без памяти в него влюблена. И если бы не морок, он никогда в жизни бы на нее не взглянул. Может, он и любил ее, может, ее семья пообещала ему хорошие откупные, но скандал поднимать он не стал.

- Или же боялся, что сам окажется в центре скандала, — предположила я, не веря, что граф Рэйст — некромаг и похотливый мерзавец, способен на жалость.

- Тоже верно, — поддакнула Аннет. — Только представь, какой это позор — быть женатым на горгулье!

Я изумленно покачала головой. Горгульи всегда представлялись мне человекоподобными, но не слишком разумными существами — вроде крылатых гарпий или Гигантов — великанов с густыми волосами и бородой и осьминожьей нижней частью тела.

Как бы то ни было, теперь была понятна и безудержная ревность Айлин, только за одно то, что ее супруг меня коснулся, столкнувшей меня с лестницы, и раскованность графа

Рэйста, очевидно, избегающего свою притворщицу-жену. И если слова Аннет — правда, то теперь ясно, откуда Айлин могла знать обо всем, что происходило в дворце. Горгульи могли превращаться в камень, а значит, выражение «и у стен есть уши» подходило графине как нельзя лучше.

Я попрощалась со словоохотливой Аннет и поднялась в свою спальню. Ложась спать, накрепко задернула шторы и задула свечи, чтобы комната погрузилась во мрак. И все равно, засыпая, я ежилась от неприятного, вызывающего холодок по коже, ощущения, что за мной беспрестанно следят чьи-то глаза.

Глава четырнадцатая. Лили

Старуха сдержала слово. Она пришла ко мне на следующий день, неся в руках поднос с едой. В моей комнате стоял боевой маг, поэтому поговорить нам с рабыней не удалось. Но она нашла выход — когда я посмотрела на нее, то сумела прочитать по губам единственное слово «библиотека».

Не выказывая недоумения, я принялась за еду. Я знала, что библиотека закрыта на ключ — рабынь предпочитали ограждать от любых знаний о Непримириемых Землях, а у них самих не было возможности свободно блуждать по ним. Очевидно, мужчины опасались, что полученная информация может быть использована им во вред.

Я не могла понять, что означали слова рабыни, но ответ нашелся сам собой. Пережевывая ломоть хлеба, я чуть не сломала зуб о попавшийся в нем кусок металла. Сердце ускорило ритм. Не зная о том, куда направлен взгляд боевого мага, я старалась не выказывать напряжения и волнения, охвативших меня. Медленно я проглотила хлеб, спрятав металлический предмет за щеку. Ключ. Это должен быть ключ.

Так и оказалось. Осторожно подняв глаза, я поняла, что маг стоит ко мне спиной. Быстро вынув маленький ключик, я наощупь спрятала его под тонким одеялом. Теперь оставалось только ждать подходящего момента, чтобы воспользоваться им.

День за днем я вела себя настолько безукоризненно, насколько это вообще было возможно, но при этом незаметно оценивала окружающую меня обстановку. Боевые маги и сын Гаена Воргата в формально дневное время обитали, в основном, в гостевом зале на первом этаже. Все спальни, включая и мою, располагались на втором этаже. На третьем была библиотека, внушительных размеров балкон и длинный коридор, ведущий в пустующие сейчас гостевые комнаты. Магов там не было. Как объяснила мне рабыня, библиотекой уже давно никто не пользовался. Мужчины Непримириемых Земель были слишком заняты войной друг с другом.

Несмотря на это, долго находиться в библиотеке было слишком опасно — любой заглянувший на этаж маг мог меня обнаружить.

Пытаясь успокоить бешеный стук сердца, я неторопливо поднялась на третий этаж и сразу же направилась к библиотеке. Руки дрожали настолько, что я не смогла с первого раза попасть ключом в замочную скважину. После нескольких попыток у меня это все же получилось. Мысленно умоляя, чтобы дверь не закрипела, я осторожно открыла ее. Проскользнув внутрь, огляделась: библиотека была довольно большой. У самых стен стояли стеллажи, заставленные разнообразными книгами.

Моей целью было найти карту Непримириемых Земель, а также другие книги, которые дадут мне представление об окружающих меня землях. Что-то я знала из книг, которые читала в своей прошлой, свободной жизни, но для побега этого было мало. За пределами дома моего господина простирались земли элькхе, за ними — земли Вечных лесов, дикие и необитаемые. Даневия... совсем близко, но в какой стороне? Карта позволила бы понять, как мне добраться домой.

На ее поиски у меня ушло несколько дней. Каждый раз, находясь в библиотеке даже пару минут, я замирала от страха при любых звуках, раздающихся поблизости. Я отдавала себе отчет — если Воргат или его приспешники найдут меня в библиотеке, прошлые попытки покажутся мне просто лаской. Вполне возможно, это будет мой последний день.

Но судьба наконец вознаградила меня за старания — карта попала в мои руки. Не тратя драгоценного времени, я скрутила ее в свиток, прикрепив к бедру так, чтобы ее придерживала ткань нижнего белья. Передвигаться со спрятанным свитком было не особо удобно, но возможно. Я выглянула в коридор и, убедившись, что этаж по-прежнему пуст, вышла и заперла библиотеку.

Беспрепятственно спустившись вниз, я направилась в свою комнату. Мелькнула мысль спрятать карту под матрасом, но от этой идеи я отказалась очень быстро — нужен был более надежный тайник. Я осмотрела комнату, но единственное, что я могла использовать в качестве тайника — узкое пространство между грубо сколоченным комодом и стенкой. Успокоенная, расправила карту на коленях и принялась ее изучать, прислушиваясь к звукам вне комнаты и готовясь в любое мгновение спрятать карту в тайник.

Настала пора всерьез задуматься о побеге. Только теперь я отчетливо поняла, насколько тяжелую задачу я перед собой поставила. Повсюду на страже стоят боевые маги. Но, даже если я и смогу сбежать и не попасться, то что мне делать дальше? Маги Гаена Воргата или другие элькхе без труда смогут обнаружить хрупкую фигурку, блуждающую по незнакомым Непримирым Землям. Для того, чтобы пройти через них и выйти к границе с Даневией мне нужен был четкий план. Его у меня не было. Все, что мне оставалось — выждать.

В один из бесконечно длинных дней, наполненных болью, ненавистью и страхом, старая служанка вновь протирала лечебным отваром мою спину, пострадавшую от гнева Гаена Воргата. Ярость и злость за свои поражения в затяжной войне между домами Непримирых Земель он выместил любимым и ставшим уже привычным способом.

Промокая влажной тканью рубцы, старуха прошептала мне на ухо:

— Лорд Воргат отправился на Земли Лишенных. Его не будет пару-тройку дней.

— Зачем? — одними губами спросила я, вполоборота повернувшись к рабыне.

— Хочет уговорить приехать одного из Немых. Тот нужен для войны.

И все. Больше ни слова. Но мой мозг лихорадочно работал, переваривая информацию. Воргата не будет несколько суток, значит, я освобождена от его гнета — и возможно, это мой единственный реальный шанс сбежать. Он наверняка забрал часть магов с собой, а значит, преследователей у меня будет меньше. И тут же появились сомнения: что, если Воргат предвидел такие мысли с моей стороны, и приказал боевым магам следить за мной еще пристальнее? Тогда мой побег обречен на провал.

Старая рабыня оставила меня, а сомнения раздирали меня на части. С одной стороны — больше всего на свете я хотела свободы. Я хотела бежать. С другой — если меня поймают, значит, все мои страдания были напрасны.

Внезапная мысль, пришедшая в голову, показалась сначала сумасшествием. Потом — неплохой идеей, которую я принялась обдумывать со всей тщательностью. К тому моменту, как зажили оставленные Гаеном Воргатом рубцы, в моей голове полностью созрел план побега.

Придя на кухню и столкнувшись со старой рабыней, я улучила момент и быстро сообщила, что намерена бежать. Судя по ее реакции, служанка не ожидала, что я все же решусь на это. По слову, по фразе я рассказала ей свой план. Не сразу, но рабыня меня поняла и ответила, что готова помочь.

К тому времени, как приехал Гаен Воргат, я была уже готова к побегу.

Глава пятнадцатая. Гвендолин

Целый сонм мыслей — о побеге, о новой, наверняка нелегкой жизни Лили за стенами родного дома — проносился в моей голове день за днем в безумной карусели, остановить которую было выше моих сил. Перед глазами мелькали чужие лица: любимых близких, ставших такими далекими — мамы, из-за болезни рано ушедшей от нас, отца, сестры; и тех, от кого сердце сочилось черным ядом — горгульи Айлин, которая пряталась под намертво приклеившейся маской ослепительно красивой графини, лорда Рэйста и Ареса Светорожденного... Но было и еще одно лицо, еще один человек, мысли о котором не давали мне уснуть ночами. И сердце разрывалось на части, не зная — ненавидеть или восхищаться, грезить, тосковать...

Мне не хватало наших разговоров, и эта фраза «давайте сегодня не будем нами», произнесенная бархатистым голосом, звонким эхом звучала в моей голове, когда на дворец опускался плотный покров тишины.

Я пыталась воспринимать Лоуренса Галлахара не как врага, а как возможного союзника — ведь он, даже зная, кто я такая, сам же первый заговорил со мной. И говорил со мной на равных, отдавая себе отчет в том, что я — привязанная к графу Искра, а он — брат правителя Даневии. Я вспоминала его галантный жест, когда он укутал мои плечи своим плащом, вспоминала, как он коснулся моих губ, призывая молчать, и как смущен был своим порывом. И горечь, звучавшую в его голосе, когда он говорил о своем детстве, не могла забыть.

Но все хорошее, что было в нем, что — если позволено сказать — происходило между нами, перечеркивала одна простая истина. Он был братом Ареса. Братом того, кто убил моего отца. И я рада бы навсегда перестать думать о Лоуренсе, но почему-то не получалось. Его образ был настойчив и настырен, и как избавиться от него, я не знала.

Утро нового дня принесло новую беду, свалившуюся на меня, как снег на голову. Сначала все было как обычно: бесцельное (со стороны) блуждание по дворцу, в течение которого я внимательно наблюдала за происходящим. Вслушивалась в разговоры слуг, впивалась взглядом в стены, силясь обнаружить в них присутствие горгульи Айлин. На третий этаж, отведенный графу, графине и их отпрыскам, меня не пустили. Элькхе, сторожившие лестничный пролет, наградили меня красноречивым взглядом, отчего волоски на шее встали дыбом. В первый момент было даже страшно поворачиваться к стражам спиной — казалось, они, не моргнув глазом, вонзят в нее нож. Что и говори, а солдаты Ареса и его правой руки были вымуштрованы на славу.

Затем, уже ближе к ночи, Рэйст пожелал меня увидеть... И способ сообщить мне об этом он выбрал нетривиальный — не послал слуг с требованием явиться к нему, а применил магию сплетения Хозяина и его Искры. Ощущение было необычным и странным — будто кто-то невидимый, схватив меня за руку, упрямо тянул назад. Пусть я прежде и не испытывала ничего подобного, в то же мгновение догадалась, что все это значит. И — толи из природного упрямства, толи из желания увидеть, что произойдет, если я не подчинюсь, — осталась стоять на месте.

Сначала правую руку охватила странная ломота, которая быстро распространилась по всему телу. Я чувствовала, как сотни ледяных иголок вонзаются в мою кожу, причиняя ощутимую боль. Ойкала и шипела, но с упорством буйвола продолжала сопротивляться зову сплетения. И тогда-то боль обрушилась на меня с полной силой, казалось, выворачивая

наизнанку, ломая и выкручивая кости. Если я не хотела погибнуть, нужно было сдаваться. Что я, скрепя сердце, и сделала — просто двинулась вперед, в подсказанном мне на уровне интуиции направлении и чувствуя, как хватка «привязки» слабеет с каждым шагом и уходит боль.

Следуя уже знакомому маршруту, я спустилась в подземелье, к обожаемым лордом Рэйстом мертвецам — его холодным и неразумным детям.

— Почему так долго? — последовал недовольный вопрос.

Иного я и не ожидала. Не желая оправдываться — да и что я могла сказать, если мое неподчинение, пусть и кратковременное, было очевидно? — я пожала плечами. Граф стремительно преодолел разделяющее нас пространство. Шаг его был широким и тяжелым, как у бравого генерала. Впрочем, таковым он и был, с той лишь разницей, что его армией была армия мертвых.

Оказавшись на расстоянии ладони от меня, пальцами взял меня за подбородок. Повернул к себе, заставляя заглянуть в его глаза — красивые, но... нет, не пустые. Холодные, мертвые — словно ремесло графа наложило на его облик вечную печать.

— Ты слишком дерзкая и самоуверенная, но знаешь... Мне это даже нравится. — Рэйст осклабился, жадным взглядом скользя по моему лицу. — Айлин... как собачонка, всюду следует за мной, преданно заглядывая в глаза, просит любви, предлагает мне свое тело, будто позабыв, что мы находимся не во дворце, а на невольничьем рынке. Ты не такая... совсем не такая. Сторонишься, но я не вижу страха в твоих глазах.

— А я не вижу повода бояться, — прищурившись, сухо сказала я.

Рэйст коротко рассмеялся.

— Похвально, но знаешь... бояться меня все-таки стоит. Не забывай — ты моя Искра и полностью находишься в моей власти. И все будет именно так, как я захочу.

Он с силой дернул на себя ворот платья, едва не полностью обнажив мне грудь. Я отскочила назад, пылая праведным гневом. Глубоко внутри меня поднимала голову проснувшаяся гидра, коей я олицетворяла все то, что чувствовала к Рэйсту и ему подобным. Три головы, три эмоции, которые я старательно прятала в себе, зная, что для них время еще не настало: ярость, ненависть и безудержное желание отомстить.

— Да как вы смеете? — прошипела я. — Я — Искра, но не наложница и не личная рабыня.

— А что мешает мне сделать тебя той или другой? — мурлыкнул граф. — Поверь, для таких как я, нет ничего невозможного.

Видимо, желая подтвердить свои слова, он сделал едва уловимый жест рукой, и вернулось то жуткое ощущение, что из меня вытягивают жилы. Но на этот раз все оказалось куда хуже — то ли Рэйст вложил в чары больше сил, то ли мое близкое присутствие позволяло магии сплетения стать в разы сильнее, но сейчас от боли даже слезы выступили на глазах.

Мои ступни, обутые в кожаные ботиночки на каблуках, вдруг заскользили по каменному полу подземелья — словно лорд тянул за невидимые нити, против моей воли притягивая меня к себе.

Я вывернулась и закричала от боли — казалось, я действительно была марионеткой, и попытка убежать от вживленных в мое тряпичное тело ниток оборачивалась невыносимой мукой. Но даже несмотря на это, я бросилась назад, к спасительному выходу. Просто знала, что последует, если я останусь на месте.

Лорд Рэйст попытался захлопнуть ведущую на верхний этаж дверь, но я оказалась быстрее. Призвав всю свою силу, не дала ей захлопнуться, оставив небольшую щель — пусть граф думает, что просто опоздал с заклинанием. Я переломала все ногти, но успела выскользнуть наружу до того, как Рэйст применил новые чары, и стремительно взбежала по лестнице, слыша за спиной его шаги.

Я знала, что звать на помощь бесполезно. Дворцовая стража, как и слуги, как и целители — все они безгранично преданы Аресу, а значит, и правой руке Его Светлости. Мелькнула мысль скрыться у Аннет, но тут же поняла, что это не выход. Если меня найдут — а с помощью горгульи-графини это случится непременно, Аннет попадет за укрывательство. Я не могла так с ней поступить.

Поэтому я просто бежала вперед, неловко прижимая к груди разорванный лиф платья, сама не зная, куда и зачем бегу. Пока... со всего размаха не налетела на вынырнувшего из поворота коридора Лоуренса Галлахара.

Даже теми ночами на балконе я не была так рада видеть его, как сейчас. Вцепилась в его плечи мертвой хваткой, так, что пальцы свело судорогой. Мои обломанные неистойвой попыткой вырваться из плена подземелья ногти царапали шелк его рубашки. Только сейчас я вспомнила о том, что надо бы прикрыть лиф. К чести Лоуренса, он тут же целомудренно отвел взгляд от моей полуобнаженной груди, но я успела заметить промелькнувшую в нем искорку интереса, тут же сменившуюся нешуточной тревогой.

- Рэйст... он... хотел... — Я задыхалась — от бега, от паники, волной поднявшейся внутри. От страха, что Лоуренс, вспомнив о своем родстве с Аресом и решив отомстить мне за то, что его избегала, просто откажется помочь. Тогда мой мир, после разлуки с Лили и отлучения от дома, и так превратившийся лишь в жалкие руины, рухнет окончательно.

— Тихо, спокойно, вы в безопасности.

Но меня трясло, и успокоиться оказалось не так-то просто. В безопасности? Я, Искра, во дворце? Смешно и горько...

- Это он сделал с вами? — тихо спросил Лоуренс. Положил ладони на мои руки, все еще намертво вцепленные в его рубашку, и бережно сжал.

В первое мгновение я даже решила, что он призвал магию: по моим венам разливалось тепло, принося долгожданное успокоение. Дыхание выровнялось, сердце перестало неистово биться, грозя сломать ребра изнутри. И боль, которую причиняла мне магия сплетения, вдруг стала едва ощутимой. А потом подумалось: а в магии ли дело? Или в том, что Лоуренс касается моих ладоней, и эта мягкость несравнима с грубым натиском Рэйста, не вызывающей у меня ничего, кроме отвращения?

— Ах вот ты где!

Голос, в котором явственно звучала угроза, раздался за моей спиной. Я не хотела выглядеть отчаянной, но стоило только представить, как я остаюсь один на один с этим зверем, вызвало по коже нервную дрожь. Подняв голову, я послала Лоуренсу взгляд, полный надежды. Позже я наверняка буду жалеть об этом — что показала себя слабой, ранимой. Как все те барышни, которые, чуть что, прячутся за спинами мужчин и носа оттуда высунуть бояться. Я считала себя не такой, но... идущий по моим пятам Рэйст лишил меня самообладания.

Лоуренс мягко оторвал мои ладони от своей рубашки и успокаивающе их сжал.

- Все будет хорошо, слышишь? — шепнул он.

Я с усилием кивнула. Заставила себя опустить руки и отступить в сторону. Рэйст

подходил к нам ленивой походкой, но в глазах его застыла ярость. Еще бы — кукла вздумала от него сбежать!

- Резвая кобылка, да? — ухмыльнулся граф, заискивающе глядя на Лоуренса. — Эта мерзавка посмела мне не подчиниться!

Не успела я моргнуть, как кулак лорда Галлахара с силой впечатался в лицо Рэйста, с хрустом ломая ему нос. Не знаю, кто из нас двоих пребывал в большем изумлении. Вытаращив глаза и зажимая рукой нос, из которого хлестала кровь, граф смотрел на Лоуренса.

- С сегодняшнего дня ты и пальцем ее не тронешь. Гвендолин будет твоей Искрой, но не больше. Не нравится — ищи другую Искру.

- Его Светлость... — промычал Рэйст, не отнимая руки. Манжета его рубашки пропиталась кровью.

- Его Светлость приходится мне братом, — отрезал Лоуренс. — И могу заверить, он будет на моей стороне. Поэтому советую тебе держаться от леди Меарк на расстоянии — не большем, чем требуется для того, чтобы использовать ее дар.

У меня перехватило дыхание. Леди Меарк... Лоуренс единственный во дворце Ареса, кто так меня назвал.

Наградив меня напоследок ненавидящим взглядом, лорд Рэйст побрел прочь. Как только он скрылся на лестнице, Лоуренс подошел ко мне.

- Спасибо, — прошептала я, обхватывая себя за плечи.

- Тебе не за что меня благодарить, — твердо ответил он. — Я бы ненавидел себя, если бы повел себя как-то иначе. Но я хочу, чтобы ты знала одно: если бы я мог освободить тебя, избавить тебя от необходимости быть Искрой для графа Рэйста, я бы это сделал в тот же самый день, когда впервые тебя увидел.

Я дернула уголок губ. Сердце, только несколько минут назад покрывшееся толстой корочкой льда, оттаивало от слов Лоуренса и от его нежного взгляда. Я верила ему. Поразительно, даже для меня самой, но я действительно ему верила.

- Но то, что я так уверенно сказал Рэйсту... боюсь, дело обстоит совсем иначе. Не думаю, что Арес оказался бы на моей стороне, узнай о произошедшем. Скорее, недоумевал бы, что заставило меня вступить за тебя, а попытайся я объяснить, просто натолкнулся бы на глухую стену непонимания. Аресу недоступны человеческие эмоции, которые он сам называет слабостями — нежность, привязанность, увлеченность. Единственное, на что остается надеяться, что граф ни о чем ему не расскажет.

- Вы не ладите с братом? — изумленно спросила я. А в сердце затрепетала надежда. Быть может, Лоуренс и не разделяет убеждений Ареса?

Глупая, глупая. Когда ты уже перестанешь думать о нем? Неважно, какие у Лоуренса и Ареса взаимоотношения. Они братья, и это главное. Если бы Лоуренс ненавидел Ареса и осуждал его действия, то что бы ему тогда делать здесь, во дворце? Да и власть, которой обладает нынешний герцог Даневии, не позволит Лоуренсу пойти против него. И ради кого? Ради меня, простой Искры?

- Мы же, кажется, уже перешли на «ты», — улыбнулся Лоуренс. В уголках глаз появились тонкие, как лучики, морщинки, так удивительно шедшие ему. Они смягчали черты его красивого властного лица... А я осознала, что уже несколько мгновений просто смотрю на него и не могу вымолвить и слова.

- Что? Ах, да. Перешли, — спохватилась я, заслужив понимающую ухмылку лорда

Галлахара. — Так ты не ладишь с братом?

Улыбка его поблекла.

- Это долгая история, и однажды я непременно расскажу ее тебе. Но не сейчас и... не здесь.

Я кивнула, вспомнив о словах Аннет насчет леди Айлин.

- Иди к себе, — мягко сказал Лоуренс. — Я велю служанкам приготовить тебе горячую ванну... и выбросить это платье. Кстати, такой вырез очень тебе идет.

Я покраснела как девчонка. Я — Гвендолин Меарк! Но его смех был совершенно беззлобным, и мне ничего не оставалось делать, как улыбнуться в ответ и... поплотнее запахнуть жалкие ошметки ткани на лифе.

Чувствуя на себе взгляд Лоуренса, я направилась в спальню. Закрывает дверь за собой и, прислонившись к стене, прикрыла глаза и блаженно улыбнулась. Страх от пережитого ушел бесследно, оставив после себя только безграничную нежность к тому, кто должен был, но, несмотря на все мои старания, так и не стал моим врагом.

Глава шестнадцатая. Гвендолин

Неприятности, увы, заканчиваться не собирались. Утром меня разбудил стук в дверь. Недовольная ранним подъемом, я облачилась в пеньюар и открыла дверь, где-то глубоко в душе надеясь, что увижу на пороге Лоуренса Галлахара.

Реальность оказалась неприятнее и болезненнее — яростная, как порыв ветра, в мою комнату ворвалась леди Айлин.

«Началось», — мелькнуло в голове.

Стоило графине только взглянуть на дверь, как та тут же с грохотом захлопнулась за моей спиной, отрезая мне путь к отступлению. Впрочем, убежать я и не собиралась.

— Я все знаю, — прошипела графиня.

Не знай я правды, скорее, заподозрила бы в Айлин Рэйст дальнее родство с ламиями — женщинами-змеями. Иначе откуда у нее эта вечная привычка — шипеть? Того и гляди, из пасти высунется раздвоенный язык, с которого капает яд. Эту мысль тут же перебила другая: интересно, как выглядят горгульи в своем истинном обличье?

Картины в моей голове рисовались занятные, но пугающие, поэтому я поспешила сосредоточиться на происходящем.

— Что именно? — спокойно осведомилась я.

— Даже не смей думать, будто сможешь отобрать у меня моего мужа! — вскрикнула Айлин. Ее пальцы скрючились, став похожими на лапы у готовой наброситься на жертву дикой кошки.

На мгновение я потеряла дар речи.

— Он сам набросился на меня и стал рвать на мне платье!

— Может, это потому, что ты так и норовила прыгнуть к нему в постель? Притворялась недотрогой, а сама глаз с него не сводила, завлекала!

Я задохнулась от возмущения.

— Разумеется, Дейбхар не устоял. Он — хищник, как и любой мужчина. Да и как устоять, когда добыча сама идет тебе в руки!

Происходящее понемногу превращалось в какой-то фарс. Но, глядя на леди Айлин, я понимала, что она совершенно серьезна. Беда... Ее ревность болезненна и уже выходит за все мыслимые пределы, а преданность и любовь к мужу граничит с настоящей одержимостью. Она настолько боготворит графа, что готова винить в его изменах — или только лишь попытках измен — кого угодно, но только не его самого. Не зря Рэйст называл ее преданной собачонкой, идущей за ним по пятам.

— Ты не отберешь его у меня, слышишь? — Голос Айлин вновь опустился до едва слышного шепота.

В минуту, когда злость затуманивала ее рассудок, в ней, прежде такой грациозной, словно бы просыпалось нечто роднившее ее с горгульями. Прямая осанка сменилась сутулостью, пальцы растопырены, в расширившихся глазах — какой-то фанатичный блеск.

Глядя на нее, я с ужасом поняла: милостивые боги, да она же безумна! Хоть и старательно прячет свое безумие под маской высокородной особы.

Казалось, она сумела совладать со своими чувствами и взять себя в руки. На искаженное гримасой ярости лицо вновь вернулось высокомерное выражение, спина выровнялась, руки сложились в ракушку на уровне живота. Должно быть, я застала леди Айлин в минуту ее

слабости, в минуту, когда она потеряла над собой контроль.

Представляю, как сильно она сейчас меня ненавидит.

Я думала, что хорошо изучила графиню, приготовилась дать ей отпор. Но немного не рассчитала своих сил и... опоздала. Мою щеку вдруг обожгло острой болью. Леди Айлин Рэйст отпрянула назад, на тонких губах ее играла довольная улыбка.

— Не думаю, что сейчас на тебя посмотрит хотя бы один мужчина, — презрительно рассмеялась она. — С таким лицом из тебя выйдет никудышная соблазнительница. Больше ты не сможешь помешать нашему с Дейбхаром счастью.

С таким... лицом?

Прочитав мои мысли по моему лицу, графиня, не скрывая злорадства, кивком указала мне на трельяж, стоящий в дальнем углу комнаты. Я медленно подошла и... обомлела. Почти на всю щеку — от уголка рта до уголка глаза — растянулся огромный шрам, похожий на застарелый ожог. Жуткий, уродливый, съевший всю привлекательность моих черт, которые я унаследовала от отца.

«Уродина», — звучало в голове. Не мое. Чужое. А следом уже мой голос произнес: «Ну и пускай».

Я сглотнула предательские слезы, прикрыв глаза, постояла мгновение. Когда я открыла глаза, они уже были сухи. А голос, когда я заговорила, повернувшись лицом к леди Айлин, был тверже кремня:

— Пусть я хоть вечность проведу с ожогом на лице, а вы будете ослепительно красивы. Но настанет день, когда ваша красота умрет, завянет вместе с молодостью и силой. И что останется? Только ваша черная, насквозь прогнившая душа.

Мои слова задели какую-то струнку в душе леди Айлин. Глаза ее потемнели, торжествующая улыбка поблекла и словно смазалась, некрасиво искривив рот. Она с силой рванула ручку двери на себя, напрочь позабыв о том, что может открыть ее одним лишь взглядом, и вылетела в коридор, оставив на прощанье шлейф изумительно вкусных духов...

И уродливый ожог на моей коже.

Глава семнадцатая. Лили

С появлением в доме Воргат Немого моя и без того несладкая жизнь стала в разы невыносимее. Каждый раз в течении этого, казалось, бесконечного дня, когда я сталкивалась с Немым, мое сердце колотилось как бешеное. Я заставляла себя думать о том, как тяжела жизнь рабыни и как мне хочется увидеть солнце. Надеюсь, эти мысли, вполне ожидаемые от невольницы, отводили от меня какие-либо подозрения чужеземца, облаченного в черный балахон.

Я всячески избегала его, но понимала: дальше тянуть нельзя. Либо я сбегу сейчас, либо настанет час, когда мой план раскроется.

Весь день в главном зале лорд Воргат, его сыны и маги были заняты каким-то горячим спором. Я дождалась вечера и наведалась к рабыне якобы за едой. Рабыня заметно нервничала, и я начала опасаться, как бы присутствующий на кухне маг чего-нибудь не заподозрил. Украдкой бросая на него взгляд, поняла, что он был погружен в собственные мысли и поведение двух рабынь его интересовало меньше всего.

Тем не менее я напряженно следила за действиями старухи, дожидаясь того, ради чего пришла. Достав с полки хлеб, она вложила в ту же руку и небольшой мешочек. Протянув руку, я взяла оба предмета и, стрельнув глазами в сторону мага, убедилась, что он ничего не заметил. Мешочек я спрятала в лифе платья. Когда я встретилась глазами с рабыней, та едва заметно кивнула — это означало, что чай со значительной порцией сонного эликсира для Немого уже готов. Чуть позже служанка должна была отнести чай гостю.

Раньше, узнав об умении старой рабыни создавать различные эликсиры из покупаемых лордом трав, я надумала воспользоваться этим и усыпить магов дворца. Но рабыня спустила меня с небес на землю — трав, нужных для составления эликсира, было слишком мало и на большое количество мужчин дворца просто не хватило бы. А вот на одного — вполне.

Быстро доев, я поднялась и вышла. Внешне я была спокойна, но внутри кипел ураган эмоций — от страха до нервного предвкушения.

Ожидание того момента, когда Немой отправится ко сну, оказалось для меня тяжелым испытанием. Его поселили на третьем этаже, в одной из пустующих гостевых комнат, поэтому я не рисковала блуждать по коридорам, а сидела в комнате и прислушивалась ко всем звукам за приоткрытой дверью.

Негромкие шаги... звон посуды — знак, поданный мне рабыней. Знак того, что чай с усыпляющим эликсиром выпит Немым. Идти к нему было рано, но и сидеть спокойно я больше не могла. Встав, принялась ходить из угла в угол, нервно прислушиваясь к звукам извне. Выждав время, которого должно было хватить, чтобы зелье старой рабыни подействовало, я начала приготовления. Разорвала взятое из комода платье, лоскутом ткани привязала к бедру карту, а оставшуюся ткань забрала с собой. Удостоверилась, что мешочек надежно спрятан в лифе и не выпадет при ходьбе. Оставался последний, решающий шаг.

Открыв дверь, я прислушалась. До меня донеслись негромкие голоса мужчин, обсуждающих предстоящее нападение армии Гаена Воргата на Снежные земли. Некстати появившиеся мысли мешали сосредоточиться на собственном плане. Мешал и дикий страх. Страх, что меня поймают, и шанс на спасение из вечной клетки исчезнет. А с ним из этого мира исчезну и я.

Я закрыла глаза, пытаюсь успокоиться. Собравшись с духом, открыла дверь шире и

выскользнула в коридор. Дальше — лестница, ведущая на третий этаж и дверь в комнату Немого. Я остановилась перед ней и стояла так, обмирая от страха, несколько мгновений, пока не поняла, что если я буду выжидать, пока успокоится сердце и разыгравшееся воображение, которое рисовало мне самые жуткие картины, я могу никогда не решиться на то, чтобы открыть эту дверь. Тогда мои страхи точно станут явью.

Не раздумывая более ни секунды, я легонько толкнула дверь. Она без усилий отворилась, открыв мне спящего на кровати человека. Я прислушалась и, не услышав ничего подозрительного, вошла и прикрыла за собой дверь. Я хотела сделать все как можно быстрее, но не смогла удержаться от того, чтобы не взглянуть на Немого. Черная маска, как и вся его одежда, лежала на прикроватном табурете и не скрывала больше его лица. Людская молва не обманула — житель земель Лишенных был действительно уродлив.

С трудом оторвав взгляд от лица Немого, я взяла с табурета его одежду — и отрез ткани, служивший ему маской, и балахон. Теперь осталось самое важное. Я достала из лифа грубого серого платья мешочек, отданный мне старой служанкой. Развязав его, достала кресало, кремень и небольшой кусочек трутового гриба — обычные атрибуты для розжига огня. Трут я положила на принесенную с собой ткань, которую положила на табурете взамен одежды Немого. Держа в руках кремень, поднесла к нему кресало и резко ударила. Руки тряслись, и зажечь пламя мне удалось не сразу. С очередной попытки платье наконец загорелось. Не став дожидаться, пока пламя перекинется дальше, я выскочила из комнаты. Бросилась вниз по лестнице, зовя на помощь.

Мне не было нужды притворяться напуганной — страх завладел моим телом, мыслями и эмоциями. Даже в этот момент я не изменяла привычке и не могла посмотреть на магов дворца.

Началась паника. Мужчины, не обращая на меня внимания, бросились наверх, очевидно, боясь за жизнь Немого в охваченной огнем комнате. Мне нужно было покинуть дом до того момента, как у кого-нибудь из жителей дворца не возникнет вопрос: как, собственно, начался этот пожар?

Я бросилась на кухню, где меня ожидала старая служанка. Не теряя времени, сбросила рабское платье, оставшись в нижнем. Лоскутами ткани туго утянула грудь, а затем накинула на себя одеяние Немого — черный бесформенный балахон с закрывающей лицо повязкой.

Я пыталась уговорить ее бежать со мной, но она наотрез отказалась.

— Я не убегу далеко. Кости... старые. А тебя задержу. И тогда все окажется напрасным, и ты потеряешь последний шанс обрести свободу.

— Но что, если Воргат поймет, что вы мне помогали?

- Тогда я с достоинством приму наказание. Да и не долго мне осталось. — Старуха выдавила улыбку. — Беги, дитя. Беги и думай только о том, чтобы выжить и попасть домой. Живи и наслаждайся жизнью и свободой... за нас обеих.

— Хотя бы скажите, как вас зовут. Знаю, здесь это не принято... но я должна знать ваше имя.

- Ахима, дитя. А теперь беги.

Рабыня накинула мне на плечо сумку с едой и водой. Со слезами на глазах я, уже не стесняясь, крепко обняла ее. В благодарность и... на прощание.

У входной двери — последней преграде на пути к свободе — нервно прохаживался боевой маг. Несмотря на пожар, покинуть свой пост он не имел права. Кто знает, вдруг огонь был вызван врагами, готовыми с минуты на минуту ворваться в дом?

Казалось бы, что может быть проще — просто сделать несколько шагов вперед. Просто преодолеть небольшое расстояние от двери кухни до входной двери. Но время словно замерло, а мое тело заиндевело.

«Иди, — приказала я самой себе. — Докажи, что ты не такая слабая, какой тебя всегда считали».

И я сделала первый шаг — самый первый, почти судьбоносный. Несколько часов, что Немой находился в доме, я следила за ним, отмечая малейшие детали: походку, осанку, широту шага. И сейчас, направляясь к двери, возле которой маячил боевой маг дома Воргат, я старательно копировала увиденное.

Расправить плечи и выпрямить спину — надменные Немые никогда не ходят с согбенной спиной. Делать шаг шире, подобно мужскому, стараясь только, чтобы наружу не показывались ботиночки — изящные, исключительно женские ботиночки, которые выдадут меня с головой. Обуть огромные ботинки Немого я не могла — они просто бы слетели с меня при первом же шаге. Да и скрываться от преследователей в такой обуви будет нелегко.

Я старалась идти ровно, без манерности и покачивания бедрами. Длинный мужской рубленый шаг. Только бы не перестараться и не выдать истинную сущность того, кто скрывается под черным балахоном и повязкой, натянутой до самых глаз.

Проходя мимо мага, я видела, как чуть заметно дрогнули его плечи — каждый, наверное, человек в Эйосе ненавидел и боялся Немых. Не так-то просто смириться с мыслью, что твои мысли для кого-то как открытая книга. Вот только маг и не подозревал, что мой страх сейчас в разы больше его собственного. Он настолько силен, что почти осязаем — каждая клеточка моего тела онемела, хотя я и продолжала двигаться; в голове отзывалось гулким звоном, хотя мысли лихорадочно метались в ней, как рой разбуженных пчел.

Сама не знаю, как я умудрилась не потерять сознание, прежде чем на ватных ногах добралась до входной двери. Окатило волной ледяного ужаса: торопясь, я совершенно не подумала о перчатках! Моя узкая ладонь слишком сильно отличается от ладони Немого — крупной, огрубевшей. Я медленно выдохнула и заставила себя успокоиться. Повернулась к магу полубоком и, отперев засов, толкнула дверь.

И шла вперед, не оборачиваясь, чувствуя бегущий по спине холодок. Соблазн обернуться и посмотреть, закрыл ли маг дверь за мной или смотрит мне вслед, был невыносим, но мне удалось до последнего ему сопротивляться. Как только показался следующий от дома Воргата дом — здесь они стояли не вплотную, как в моем родном городе, а на некотором отдалении друг от друга, — я поспешно скрылась в его спасительной тени. И бросилась бежать, лихорадочно озираясь по сторонам. Никто не должен увидеть бегущего Немого — это настолько не сходится с их повадками, что мгновенно вызовет подозрение. Но и идти медленно, неторопливо, с минуты на минуту ожидая, что меня поймают, я не могла.

Я бежала, а в голове билась одна-единственная мысль: какое бы препятствие ни встало на моем пути, сколько бы лишений ни довелось пережить мне в моем странствии, назад, в дом Гаена Воргата, я больше не вернусь.

И это знание меня окрыляло.

Глава восемнадцатая. Гвендолин

Горькая насмешка судьбы — я могла бы вылечить шрам на своей щеке или просто сделать его незаметным для всех окружающих, пусть бы на это ушло немало сил. Но я не могла дать графине понять, что владею магией, а целителям, как шепнула мне по секрету Аннет, она излечивать меня запретила — под страхом сурового наказания.

Все, что мне оставалось — это ходить с высоко поднятой головой и терпеть язвительные шепотки придворных дам, насмешки и презрительные взгляды дворцовой стражи.

Весь этот день я не видела лорда Галлахара и была этому несказанно рада — мне нужно было время, чтобы подготовиться к встрече с ним. Ведь тогда, на балконе, он видел меня совсем другой... Что увижу я? Сейчас? Что промелькнет в его взгляде — сочувствие или... отвращение?

Да еще и лорд Рэйст после того, как Лоуренс за меня заступился, наверняка точил на меня зуб. И побег, прежде казавшийся задачей хоть и сложной, но выполнимой, теперь казался практически невозможным.

Чтобы хоть немного отвлечься от безрадостных мыслей, я решила побродить по иллюзорному саду. Ну и пускай на меня будут во все глаза смотреть приближенные Его Светлости. Я — Гвендолин Мearк. Пусть я и изменилась внешне, но из-за ожога в пол-лица быть собой я не перестала.

Наша встреча с Лоуренсом была неизбежна. И хотя я не показывалась на балконе — нужно было и разобраться в себе, и не давать повода лорду Галахару думать, что я нарочно ищу с ним встретиться, но ночами я продолжала гулять по внутреннему двору, по иллюзорному саду, по пустырю неподалеку от леса — до той невидимой черты, один шаг за которую зачарованный браслет сочтет побегом. Я так часто прохаживалась там, разрываясь от двух противоречивых чувств: желанием ощутить хотя бы толику свободы и нежеланием вызвать гнев лорда Рэйста, что протоптала тропинку. По ней я и ориентировалась во время своих поздних прогулок.

Рэйста я не боялась. Не боялась и раньше, и уж тем более теперь, когда он знал, что в моих защитниках — сам брат герцога Ареса Галлахара. Но я не хотела вновь видеться с ним, не хотела, чтобы он знал — или только думал — что мысль о побеге я не оставила и не оставлю никогда. Я играла роль послушной куклы, но таковой становиться не собиралась.

Я балансировала на грани между кротостью и зреющей внутри жаждой мщения, но грань эту пока не переступала.

Слава богам, после изуродовавшего мое лицо ожога лорд Рэйст потерял ко мне всяческий интерес. Наверняка он догадывался, чьих рук это дело — в отличие от подвернутой лодыжки, которую я сама же себе и залечивала, шрам в пол-лица так просто не скроешь. Он тут же призвал целителей, но сделать ничего они не сумели: графиня Айлин Рэйст оказалась искусна в чарах — ее хитроумное плетение требовало очень осторожного подхода. Как они объяснили, подобные чары требовали осторожного и медленного расплетения. Если сделать неаккуратно, я могу остаться уродиной на всю жизнь. Что и говорить: подобная перспектива меня не радовала.

Рэйст же, услышав «диагноз» целителей, покинул мою спальню, кипя праведным гневом — наверное, спешил к дражайшей супруге за объяснениями. Но только за ним

закрылась дверь, я вздохнула с нескрываемым облегчением, так удивившим целителей.

В одну из ночных прогулок я вновь столкнулась с Лоуренсом. Он подошел ко мне со спины — как всегда, практически неслышно. Я обернулась, когда мою прядь всколыхнуло движение воздуха и вздрогнула от неожиданности. Я видела, как в его расширившихся зрачках сменяют друг друга изумление, сочувствие и... незамутненная ярость.

— Боги, что случилось? Это сделал Рэйст?

— Неважно.

— Если вам нужна моя помощь...

— Не нужна, — отрезала я.

Не хватало еще, чтобы он жалел меня! Я не маленькая девочка, чтобы жаловаться кому-то на свою судьбу. Со своими врагами и своими проблемами я разберусь сама.

— Упрямица. — Лоуренс усмехнулся, но как-то беззлобно. Он протянул руку к моему лицу, убирая упавшую на щеку прядь. Палец его замер совсем близко от моей кожи. — Позволишь?

Каюсь, я действительно поменяла пробор, чтобы волосы падали на правую, обезображенную сторону. Ровно перед тем, как выйти на очередную прогулку. И пускай я храбрилась, и пускай косые взгляды стражи и придворных дам натыкались на выстроенную глубоко внутри ледяную стену безразличия, я не хотела, чтобы Лоуренс видел меня такой. Ненавидела себя за эту слабость, равняющую меня с какой-нибудь кисейной барышней, но... продолжала каждый вечер делать новый пробор, закрывая правую сторону лица волосами.

Всякий раз, когда дело касалось Лоуренса, мое хваленое хладнокровие и логика, которой я привыкла руководствоваться, отступали куда-то на второй план. Это невероятно раздражало и даже пугало, но... я не в силах была этому сопротивляться. Вот и сейчас, сама не знаю зачем, я прошептала: «Да».

Лоуренс осторожно дотронулся до моей щеки, обезображенной шрамом. Его нежное, мягкое прикосновение было подобно перышку, скользнувшему по моей коже. Я была готова поддаться чувству, которое отвоевывало в моем сердце все большее пространство, но мысль, холодная, как осколок льда и острая, как лезвие бритвы, мгновенно меня отрезвила. Лоуренс Галлахар — брат Ареса. Брат убийцы моего отца, брат человека, который развязал самую жестокую и кровавую войну на памяти жителей Даневии. Брат человека, который отправил мою сестру на невольничий рынок, а меня саму сделал личной куклой некромага.

Я тут же отстранилась, вызвав всплеск удивления в его глазах. И усталость в хрипловатом голосе:

— Все еще мне не доверяешь?

Я ничего не ответила, сжала губы, делая лицо строгим, а взгляд — отстраненным. Кого я пыталась обмануть? Лоуренса, если только. Нельзя дать ему понять, что от расстроенных ноток в его голосе у меня сжималось сердце.

- Я просто хочу, чтобы ты знала: для меня ты всегда прекрасна.

Шепнул мне на ухо, взъерошив волоски ласковым и теплым ветром, и... ушел, оставив меня в полнейшем смятении.

После таких слов вихрь противоречивых эмоций во мне разыгрался с новой силой, грозя превратиться в настоящую бурю. Я прикрыла глаза и медленно выдохнула. Нужно было время, чтобы развеять иллюзии, которые рождали в моей голове невинные и в то же время такие волнующие прикосновения Лоуренса.

Днем позже я наведалась к своему самому странному и неразговорчивому союзнику —

если не сказать, другу — в обители Ареса Солнцержожденного. К мантикору, которого, по словам Аннет, все же сумели выводить целители Ареса. Этот день стал для Аннет непростым — пользуясь ее даром Искры, Анфациан почти полностью иссушил ее силы: так стремился излечить верного боевого фамильяра герцога даневийского.

Мантикор словно ждал меня: стоило мне только приблизиться к лесу (на позволительное зачарованным браслетом расстояние), он тут же выбрался из лесной чащи. Крылья чуть расправлены, словно мантикор собирался взлететь — или же только опустился на землю, скорпионий хвост вытянут стрелой и высоко поднят.

Приблизившись ко мне, мантикор благодарно ткнулся львиной мордой в мою руку и издал что-то, отдаленно напоминающее низкое мурчание. Казалось, будто он и в самом деле соскучился по мне — или же благодарил за свое спасение.

Я растроганно улыбнулась.

- Я тоже скучала, — вдруг вырвалось у меня. Присев на землю, я огляделась по сторонам: нет ли кого поблизости? Я и так слыла странной, а большей странности, чем разговор по душам с прирученным диким зверем трудно отыскать. — Ну как ты?

Мантикор положил мне на колено мощную лапищу и ткнулся теплым носом в шею, одновременно складывая за спиной крылья — чтобы ненароком меня не задеть. Я рассмеялась — от теплого дыхания зверя шее стало щекотно, восторженно потрепала львиную гриву.

Я сидела на коленях прямо на траве, глядя мантикора и слушая отдаленные звуки леса.

- Хотела бы я иметь твои крылья, — с тоской сказала я. — Какого это — чувствовать ветер на лице, видеть землю с высоты птичьего полета? Какого это — быть полностью свободным?

А свободен ли мантикор, вдруг подумалось мне? Или он такой же пленник герцога Ареса, как и я? Ведь я впервые слышала о том, чтобы мантикор приручали — они слыли вольными животными с непростым нравом и прежде никогда не были замечены среди людей. Как же Аресу удалось завести себе такого питомца, да еще и сделать его послушнее домашнего кота?

У меня холодок пробежал по коже. Сила, которой обладал Арес, казалась безграничной. Думая о нем, я чувствовала себя маленькой и беззащитной — как шахматная фигурка на поле бога.

С Ареса мои мысли переключились на его брата. Задумчиво проводя рукой по шелковой гриве мантикора, я доверительно прошептала:

- Не знаю, что мне делать с ним. С каждым днем мне все сложнее его ненавидеть. Но и доверять ему я не могу. Ведь если с герцогом его не связывает ничего, кроме кровного родства, то что он делает здесь, во дворце? Почему не заставит Ареса отпустить меня, если я так ему нравлюсь? Думаешь, я многого хочу? — Я взглянула на мантикора. Шумно выдохнув, он положил морду на мои колени. — А может, его совершенно не волнует моя судьба, а все, чего он на самом деле хочет — просто затащить меня в постель? Не удивлюсь, если так. Для лорда Рэйста я — игрушка, так почему же с Лоуренсом все должно быть иначе? Но ты бы знал, как мне хочется ему доверять...

Вспугнутое присутствием мантикора и этим странным разговором почти с самой собой, одиночество отступило. Стало немного легче, будто бы оттого, что я поделилась с кем-то своими тревогами.

Мы еще долго сидели вот так: я говорила о Лили, об отце, а мантикор слушал. Этого

было слишком мало, чтобы боль, беспрестанно грызущая меня изнутри, полностью исчезла. Но она стала тупее, и впервые с того страшного дня, разрушившего мою жизнь, мне стало немного легче дышать.

Глава девятнадцатая. Гвендолин

Я разрывалась от желания держаться как можно дальше от Лоуренса и... быть как можно ближе к нему. Это добавляло сложностей в мою и без того непростую жизнь. А вскоре случилось еще одно событие, не самое приятное событие, коих здесь, во дворце, в моей новой жизни-без-свободы, и без того было немало...

Ничего не предвещало беды. Предоставленная самой себе (Рэйст все реже вызывал меня в подвал, чтобы, манипулируя с магией смерти, напитаться моей энергией), я блуждала по окрестностям дворца. День выдался сухим и жаркий, незащищенную шляпкой голову нещадно пекло.

Все происходило так быстро, что казалось полусном. Я и понять ничего не успела, как почувствовала ледяные руки на своей шее. Первой моей мыслью было, что одержимая любовью и ревностью Айлин решила перейти от полумер к решительным мерам, и вознамерилась меня убить. Почему это происходило посреди бела дня, на глазах прогуливающих придворных дам, додумать я уже не успела.

К слову, придворные дамы были просто в ужасе. Одна, побелев, рухнула на землю, вторая некрасиво вытаращенными глазами уставилась куда-то за мою спину — на того, кто душил меня невозможно холодными руками. Вырываясь, я успела увидеть и новые кусочки разбившейся картины: лежащий у входной двери страж с собственным же мечом в груди, второй, раненый и истекающий кровью, пытается подобраться ко мне, но на полпути падает и затихает.

Я прилагала все мыслимые и немыслимые усилия, чтобы избавиться от оков чужих рук, все туже сжимающихся в кольцо на моей шее. Попыталась даже призвать на помощь магию, но ничего не добились. Мое время истекало — я это знала. Я царапала ногтями ледяные пальцы, пытаюсь сбросить их со своей шеи, в то время как легкие горели огнем — словно воздух в них превратился в жидкое пламя.

И в мгновение, когда я решила, что моя борьба за жизнь закончена, раздалось хлопанье крыльев, и с неба спикировал мантикор. Он бросился вперед — казалось, прямо на меня — чтобы вцепиться оскаленной пастью в моего душителя. Железная хватка разжалась, и я упала на колени, глотая упоительно сладкий воздух. Закашлялась, сжалась, обхватив руками саднящее горло. И только чуть отдышавшись, оглянулась назад.

Нападавшим определенно был некрис — один из «детей» Рэйста, один из солдат Ареса. Должно быть, те чары, о которых рассказывал мне некромаг, оказались наложены неверно. И «упокоенный» — спящий — некрис проснулся, когда поблизости никого не оказалось. Убил стражей и двинулся дальше, во двор, в поисках новых жертв.

Некрисы невероятно агрессивны, они практически сходят с ума, когда чувствуют теплую кровь, текущую по венам живых людей. Желание убивать в этот момент становится непреодолимым.

Лишенные даже зачатков разума, они не различают своих и чужих — для этого некромагу на поле битвы приходится «помечать» дружественных солдат специальными руническими символами, которые, в свою очередь, Рэйст закладывает в сознании некрисов. Весьма своеобразная дрессура — для некрисов это подобно знаку «не трогать», «остановиться».

Все это я узнала, когда, притворяясь послушной куклой, осторожно расспрашивала

Рэйста о его мерзком ремесле. Поначалу было страшно — а вдруг он решит, что я шпионка, что специально выведываю информацию? Как же я ошибалась! Рэйст оказался так глуп и так тщеславен! Увидев мой нешуточный интерес, он едва слюной не захлебывался, так торопился все мне рассказать. Делился со мной, а глаза лихорадочно блестели. Мерзость. Он действительно был этим увлечен. Но как же недальновиден был Арес, провозглашая своей правой рукой словоохотливого некромага! Или просто не знал о его маленьких слабостях?

Как бы то ни было, я узнала все, что мне было нужно. Не сразу. Выведывала исподволь, по чуть-чуть, по крупицам собирая информацию, выжидая подходящие для этого моменты. И не сказать, что подозрения Рэйста о шпионаже, которых я опасалась, были лишены оснований. Когда все закончится, когда я смогу сбежать из дворца, я найду Ингвара — или его последователей, если сам он, как гласили слухи, мертв — и расскажу все, что знаю. Ареса нужно уничтожить, как и его адгерентов. Всех, кто причастен к творящемуся в Даневии хаосу.

Но то — возможное будущее. Счастливое будущее, в котором не будет Ареса, Рэйста и его свихнувшейся на ревности горгульи-жены. Будущее, ради которого я буду бороться до последнего вздоха.

А в настоящем мантикор сражался с некрисом, отвоевывая мое право жить. Когти расплосовали землисто-серое лицо, пасть сомкнулась на шее с дряблой кожей, но неуспокоенному все было нипочем. Я хорошо помнила рассказы Рэйста о том, что убить уже однажды умерших совсем непросто, что воочию видела сейчас.

Я поздно заметила в руках некриса нож, видимо отобранный у кого-то во дворце. Бросилась вперед, чтобы выбить его из рук, и почти успела, но... Одним невероятно мощным ударом руки неуспокоенный с силой оттолкнул меня. Нож по самую рукоять вонзился в заднюю лапу мантикора, и несчастный зверь взвыл от боли.

Не знаю, чем бы закончилось это противостояние, если бы не подоспевшие стражи, а после — и сам некромаг. Пока стража держала некриса, Рэйст иссушал его магию. Он мог бы и погрузить его в сон, как сделал и раньше, но, видимо, решил, что такой неконтролируемый и непредсказуемый солдат в их армии будет лишним.

И пока граф убивал — на этот раз окончательно — некриса, целители уже спешили к мантикору. Бедняжка сильно хромал, припадая на левую лапу, а я сочувственно гладила его по шкуре.

В поднявшейся суматохе я была совершенно лишней. Уходя, я бросила на мантикора благодарный взгляд и беззвучно прошептала: «Спасибо».

Глава двадцатая. Лили

Я понимала — пешком до родного дома мне никогда не дойти, но отказаться от мысли вернуться в свой городок не могла. Только бы преодолеть границу между Даневией и Непримируемыми Землями, и тогда... Что тогда, я не знала. Гвендолин там нет, папы... надеюсь, наши соседи, узнав о случившемся, хотя бы провели для него достойные похороны. Дом пуст и одинокий, но это все же моя родная обитель.

Я брела вдоль дороги, чтобы не сбиться с пути, но при малейшем шуме бросалась в укромные местечки — пряталась за деревьями, ныряла в овраги. Владения Гаена Воргата уже давно остались далеко позади, как и другие дома — всюду, куда ни глянь, простирался лишь безжизненный пустырь, уже виденный мной однажды — когда меня везли из Тскаваны в мой новый дом.

Украденная из библиотеки Гаена Воргата карта почти не помогала мне ориентироваться в пространстве. Совсем скоро я совершенно запуталась и перестала понимать, где нахожусь и куда мне идти. Да еще и припасы заканчивались с устрашающей быстротой, как бы я ни старалась их растягивать.

Конечно, сбегая из дома, где, наряду с болью и унижением были и теплая постель, и крыша над головой, в открытый и равнодушный мир, я не думала, что путешествие будет легким. Что и говорить — я даже представить не могла, как именно сумею попасть домой. Но... каждый час, проведенный на свободе, все больше разрушал мои иллюзии. Я думала, что, обретя свободу, стану счастливее... Но счастье пряталось где-то под толстым слоем дорожной пыли и холодной землей, на которой мне приходилось ночевать.

Немудрено, что на второй день, минувший с момента побега, я заболела. Сначала горло запершило, потом наружу вырвался надсадный кашель, а глаза заслезились. Голова кружилась, я стала неповоротливее — это все привело к тому, что, когда я пыталась забраться на холм, надеясь с высоты увидеть простирающийся вдали город, я запнулась об острый камень и порвала ботинок. Добравшись до вершины, я обессиленно рухнула на колени и тихо расплакалась от бессилия. Казалось бы, такая мелочь — игла и нитка, но как бы они сейчас выручили меня! Если бы рядом была Гвендолин, ей потребовалось бы не больше минуты, чтобы стянуть края прорехи воздушными нитками. А папа бы и вовсе их залатал так, что никто и не догадался бы о произошедшем. И только я — «бедная малышка Лили», обделенная магической силой и обреченная бродить по чужой земле в порванном ботинке, куда постоянно забивался песок и мелкие камни, ничего поделаться с этим не могла.

Города я так и не увидела — лишь голая земля, с чернеющей сбоку полосой леса. Только неприметная точка вдали возрождала надежду увидеть жилые земли. Конечно, туда мне, даже в одеянии Немого, соваться не следовало. Но мне нужен был хотя бы указатель, чтобы понять, куда я забрела и в каком направлении двигаться дальше.

Мне ничего не оставалось делать, как продолжать идти куда глаза глядят. Оставаться на месте было слишком опасно.

На исходе третьего дня я все же оказалась у неприметного городка. На указателе значилось «Афиэрд». Сердце радостно встрепенулось — название этого города, на карте представляющегося лишь скромным кругляшом, было вызубрено мной наизусть. Афиэрд располагался у самой границы между Непримируемыми Землями и Даневией. А значит, дом был совсем близко. Мне бы только перейти черту, за которой практически не будет элькхе.

И, что главное, перестанут действовать их законы, по которым бредущая по пустырю женщина превращалась в мишень.

Открытие придало мне сил. Даже болезнь, неистово грызущая горло и делающая мои ноги слабыми, отступила, трусливо поджав хвост. Ступни, за долгие часы беспрестанной ходьбы покрывшиеся мозолями, ступали тверже и уверенней. Я позабыла про сон, одержимая желанием оказаться как можно дальше от земель элькхе.

Моим надеждам сбыться было не суждено. Когда очертания города за моей спиной уменьшился до размеров монеты, я услышала позади и сбоку топот копыт. Как обычно, я старалась держаться подальше от дороги, но все равно, подгоняемая паническим страхом быть обнаруженной, поспешила укрыться в кустах. Юркнула в самую гущу зелени, не сводя глаз с дороги — а вдруг кто-то успел заметить тонкую фигурку в черном балахоне? — и... с размаху налетела на притаившегося в кустах незнакомца.

Он выругался.

— Немой! — вскрикнул кто-то за моей спиной. Страх парализовал меня. Послышался шум — кто-то выпрыгнул из кустов мне на встречу.

Трое человек — трое даневийцев, не элькхе, окружили меня. Разбойники? Бродяги? Тот, на кого я налетела, повернулся ко мне, одновременно вынимая из ножен на поясе меч.

Мальчишеское лицо — не юное, но очень молодое. На вид он был чуть старше меня. И я бы вообще приняла его за мальчишку, если бы не... глаза... что-то было в них такое — то ли мудрость и знание, то ли боль и горечь прожитых лет, что мешало мне назвать его юнцом. Правильные черты лица, растрепанные пшеничные волосы и голубые глаза, которые сейчас холодно и настороженно вглядывались в мои. А правой рукой незнакомец меж тем поудобнее перехватывал меч.

— Подождите! — вскрикнула я.

Окружающие меня мужчины оторопели. Нахмурившись, незнакомец с юным лицом и мудрыми не по годам глазами шагнул ко мне и одним движением сдернул повязку с моего лица.

— Девчонка! — воскликнул кто-то сбоку. — Нет, ты гляди, девчонка Немым прикинулась!

Незнакомец удивленно вздернул светлые брови. Лицо его, прежде хмурое, разгладилось, в глазах зажглось любопытство.

— Неудивительно. В истинном облиции на этих землях, боюсь, ее ничего хорошего не ждало.

Я была вымотана, измождена, печать пережитого наверняка отразилась на моем лице — но это не мешало светловолосому заинтересованно скользить по нему взглядом. Он ободряюще улыбнулся мне, и я поразилась, как улыбка — озорная, лукавая, его преобразила. Он стал выглядеть еще моложе и это помогло мне немного расслабиться.

Кажется, на меня не собираются нападать.

— Откуда ты идешь? И... как давно?

— Давно, уже больше трех суток. Я... меня похитили из родного дома, увезли на невольничий рынок.

Возможно, это было неправильно, безрассудно, что я открылась первому встречному. Но после долгих дней, наполненных страхом и одиночеством, я так истосковалась по общению и человеческому теплу, что слова буквально выплескивались из меня с каждым вздохом. словно рухнула невидимая плотина, удержать которую было выше моих сил. И чем

дольше я говорила, тем сильнее вытягивались мрачнели лица окружающих меня мужчин. Один накинул мне на плечи меховой плащ северных народов — самое лучшее одеяние для прохладных ночей. Другой сунул в руки фляжку с водой и хлеб, в который я тут же жадно вгрызлась. Никто не смеялся надо мной, напротив — я чувствовала их незримую поддержку и сочувствие, и груз на душе раскололся на мельчайшие осколки.

И только сидя у костра, в его баюкающих теплых объятиях, я догадалась спросить:

- Кто вы такие? И что делаете здесь?

Ближайший ко мне крупный мужчина с рыжеватой бородой открыл было рот, чтобы ответить, но светловолосый с мальчишеской улыбкой его опередил:

- Мы — люди Ингвара.

Я ахнула.

- Так значит, он жив? Я думала... слышала...

- Жив, — хмуро ответил светловолосый. — Унижен, раздавлен, но все еще жив. Я — Тейт, это — Грег и Гастер. Кстати, ты так и не назвала нам свое имя.

— Лили.

- Лили, — он повторил это шепотом, почти нежно, словно замороженный игрой звуков моего имени. Тут же смутился и отвел взгляд.

Смутилась и я, да так, что щеки зажглись непривычным жаром.

- Вообще, я Лилиан, но никто меня так не называет. Ни сестра, ни... отец. — При упоминании папы мой голос дрогнул.

- Мне жаль, что так случилось с тобой и с твоим отцом, — тихо сказал Тейт.

- Мне тоже, — обронила я и поспешила перевести тему: — Так куда вы направляетесь?

Тейт взглянул на своих спутников. Затем на меня — словно решал, можно ли мне довериться. Но после всех откровений, что я, сама того не желая, обрушила на незнакомцев, подозревать меня в чем-либо было просто глупо. К тому же... я же видела по глазам Тейта, что его впечатлила моя ненависть к Аресу, сквозившая в каждом моем слове. Раскаленная добела ненависть к монстру в человеческом обличье, который разрушил мою жизнь, разрушил десятки и сотни жизней.

- Мы ищем Белую Слезу Персефоны — силу, воплотившуюся в магическом кристалле, которой Персефона делилась с миром живых прежде, чем скрыться в мире мертвых, чтобы быть для Аида верной женой. Она плакала, когда наставал час покинуть Эйос и спускаться в Царство Теней. И ее слезы, падая вниз, застывали и превращались в камни. Камни, которые обладали своей собственной, неповторимой магией.

- И зачем она тебе... вам?

- Она нужна Ингвару, чтобы победить Ареса.

Слова Тейта настолько заинтриговали меня, что я подалась вперед, оказавшись в опасной близости от танцующих языков костра.

- Ингвар может с ее помощью победить Ареса? Но... как?

Тейт поднялся, обошел по кругу и сел рядом со мной. Улыбаясь уголком губ, протянул руку и отвел прядь моих белых волос, закинув ее мне на спину.

- Осторожно, Лили. — Кажется, ему нравилось произносить мое имя. — Будет очень жаль, если твои прекрасные волосы пострадают.

Смущенная, я отстранилась. Я провела в дороге три дня — и, разумеется, не имела возможности принять ванну, в которой так всегда любила нежиться. А тут Тейт — такой привлекательный с его мальчишески-дерзкой улыбкой и пшеничными волосами, и такой

близкий... Я должна была думать о том, как найти путь до дома, как отыскать Гвен, а вместо этого думала лишь, какие чудесные у него глаза — яркие, голубые, как у игривого котенка.

Вспыхнув, я отстранилась еще больше. Молниеносно вскинула взгляд — побоялась, что своим поведением я обижу Тейта. Но судя по тому, какой широкой стала его улыбка и по озорным бесенятам в глазах, он понял причину моего отчуждения. Во всяком случае, мне так показалось. И это смутило еще больше.

Пылая и ерзая под его взглядом, я усиленно пыталась поймать за хвост утерянную нить разговора. А когда наконец поймала, все остальные мысли разом вылетели из головы.

— Ты говорил, что Белая Слеза Персефоны...

- Я помню, что говорил. — Мне показалось или в глазах Тейта и впрямь мелькнуло сожаление? Он тут же посерьезнел. — Ты наверняка знаешь, какой ценой Арес выиграл войну за Даневией, что стало его оружием.

Конечно, знала. Кто из нас, даневийцев, не знал? Кто не вглядывался в темноту за окном, страшась однажды увидеть перекошенные лица поднятых мертвых? Все монстры из детских сказок растаяли, превратились в пыль

- их отныне заменили некрисы Ареса Светорожденного — человека, который, вопреки своему имени, нес с собой лишь разрушение, гибель и тьму.

- Белая Слеза Персефоны, если верить мифам, способна нейтрализовать магию Ареса — точнее, магию одного из его верных приспешников. Она нужна Ингвару для реванша. Последнего для кого-то из них двоих.

- И где находится Слеза?

- Где-то здесь, в землях элькхе. Я иду по следам человека, который однажды нашел Белую Слезу, но потерял ее в пылу сражения. И я должен найти ее во что бы то ни стало.

- И ты веришь, что она поможет уничтожить Ареса?

- Верю, — твердо сказал Тейт.

- Тогда я хочу отправиться с тобой... с вами, — смутившись из-за оговорки, поправила я. Двое спутников Тейта отошли в сторону, и мне на мгновение показалось, будто мы с ним остались одни на целой планете. Такая упоительная иллюзия, отозвавшаяся странным волнением в душе.

Тейт удивленно рассмеялся, но тут же замолчал под моим укоризненным взглядом.

— Да, я не умею сражаться и в магии не сильна! — горячо заговорила я. — Но ведь ты можешь меня научить! Я ловкая, быстрая, прятаться умею — иначе как бы я выжила в Непримиримых Землях совершенно одна и без оружия?

— Лили, это опасно...

- Вся наша жизнь такова, — упрямо тряхнув головой, жестко оборвала я. — Еще несколько недель назад я была уверена, что война закончится победой Ингвара, а Арес будет убит. Еще несколько недель назад я была почти счастлива — пусть гремела война, но я находилась в безопасности и рядом с близкими мне людьми. А потом... ты знаешь, что случилось потом... Мой дом пуст, где моя сестра, я не знаю. Я найду ее, непременно найду. Но я хочу, чтобы Арес понес наказание за то, что убил моего отца. Я хочу присутствовать при этом. Ведь получив Белую Слезу Персефоны, Ингвар снова сразится с Аресом?

- Разумеется, — устало сказал Тейт.

— И я хочу быть рядом с ним, когда это произойдет. Хочу видеть, как убийца моего отца умирает. И... если верить его словам, Гвендолин — мою сестру, Искру, он отдал своей правой руке, Рэйту или...

- Рэйсту.

— Да, Рэйсту. Значит, когда Ингвар со своей армией и Белой Слезой Персефоны придет к Аресу... Гвендолин должна быть там.

- Лили... — Тейт подался вперед, обеспокоенно взгляделся в мое лицо. — Я понимаю, насколько сильно ты хочешь найти свою сестру и... меня восхищает то, на что ты готова пойти ради нее. Но ты понимаешь, насколько это может быть опасно?

- Пойми же, это мой шанс! Найти сестру, отомстить за отца — пускай, и не своими, слабыми, руками.

- Твои руки не слабы, — улыбаясь, отозвался Тейт. — Они хрупки и невероятно изящны.

Да что ж это такое! Он постоянно сбивал меня с мысли — своим взглядом, своими словами и тем особенным тоном, которым он их произносил. Я снова стушеввалась и ничего поделать с этим не могла. Тейт странно влиял на меня...

- Я не буду обузой, обещаю, — прошептала я. — Знаю, Гвендолин всегда была сильнее меня, но... я смогу, я справлюсь. Я не буду мешать вам... но я должна увидеть Ингвара, должна все ему рассказать.

- Хорошо. — Решение далось Тейту нелегко. — И знаешь, я даже рад, что ты пойдешь с нами. Только пообещай мне, что будешь слушаться меня и не лезть на рожон!

- Я? На рожон? — Я нервно рассмеялась. Кинула на Тейта быстрый взгляд. — Обещаю — я не буду путаться под ногами. Я буду незаметной, ты даже успеешь позабыть про меня.

Он улыбнулся — широко, открыто. Снова лукаво заблестели глаза.

— А вот это вряд ли. Забыть тебя совсем непросто.

Глава двадцать первая. Гвендолин

Этот день оказался богат на неожиданные встречи. Сначала я нос к носу столкнулась с герцогом, спешащим куда-то по своим делам. Арес окинул меня холодным взглядом, в котором не было ни капли уважения. Ну разумеется — для него я была одной из множества Искр, подаренных им своим верным помощникам. Он и не помнил, что убил моего отца, а сестру отдал на невольничий рынок. Я для него не женщина, не человек, а драгоценный товар в красивой упаковке.

Знакомым обжигающим ощущением ненависть вскипела в моей крови. Но для нее было совсем неподходящее время: я увидела следующего по пятам за Аресом... Немого. Черный балахон, капюшон, опущенный по самые глаза и полоска ткани, закрывающая рот.

Помню, мы часто с Лили задавались вопросом — все ли жуткие слухи об обитателе Земли Лишенных правдивы, не подозревая, что наступит день, когда одной из нас доведется столкнуться с ними лицом к лицу. Сначала Слепой, распознавший во мне Искру, затем Немой — видимо, выполняющий роль личного телохранителя герцога Даневийского. Неудивительно, что на эту роль Арес выбрал именно Немого. Грубая сила ему, могущественному магу, была не нужна, а вот телепатия, которой в совершенстве владели все Немые, приходилась весьма кстати.

Мысли мои лихорадочно заметались — мысли, которые, возможно, Немой уже читал и слышал в своей голове. Тогда я заставила себя подумать о шраме, о том, как он уродует мое привлекательное лицо, и увидела презрение, промелькнувшее в глазах Немого. Но он все еще проходил мимо меня, а значит, мог слышать мои мысли. Нужно было думать о чем-то другом, и я с легкостью вызвала в памяти нападение неупокоенного.

Возможно, у меня бы не получилось обмануть Немого, если бы я не призвала на помощь ментальную магию, способность к которой досталась мне от отца. Самую ее толику — слишком мало, чтобы обнаружить воздействие на сознание, но достаточно, чтобы уверить телепата в искренности моих мыслей. Это сработало, определенно сработало. Немой потерял ко мне всяческий интерес — а в Аресе он даже и не просыпался, — и они прошли мимо меня, прямым ходом ко входной двери дворца. И только сейчас я могла вздохнуть с облегчением.

Но того, кого я по-настоящему хотела увидеть, я так и не увидела. Я не встретила Лоуренса на ночной прогулке, и это неожиданно меня огорчило. А следом пришла злость на саму себя: да кто он такой, чтобы я из-за него расстраивалась? Выкинув неподобающие мысли из головы, я прогулялась по саду, с наслаждением вдыхая аромат распустившихся роз и лилий. Когда я, вернувшись во дворец, шла к своей спальне, боковым зрением уловила какое-то движение. Насторожилась — показалось, что кто-то следит за мной и прячется в тени, чтобы я его не обнаружила.

После недавно пережитого новых сюрпризов я не хотела. Потому, призвав на помощь магию, подобную разгорающейся внутри меня искре, я сделала тихими свои шаги и направилась в ту сторону, где видела мелькнувшую тень. Возможно, это было совершенно неразумно, но... Я хотела знать своих врагов и преследователей в лицо.

Миновала широкий коридор и свернула на лестницу, по которой быстро и бесшумно поднялась на второй этаж. Выглянула за угол, не спеша полностью показаться... и увидела обрисованный лунным светом, льющимся из огромного окна в конце коридора, силуэт. Он

порывисто оглянувшись, и я последовала его примеру — нырнула в тень. Но успела разглядеть знакомый до боли профиль Лоуренса Галлахара. Выждав несколько мгновений, выглянула снова.

Лоуренс, не сбавляя шаг, шел вперед, к своей спальне. Но делать это быстро у него не получалась — мешала невесть откуда взявшаяся хромота. И хромал он, припадая на здоровую, левую ногу.

Память словно ужалило воспоминание: хромающий мантикор, кровь, хлещущая из его правой лапы. Я едва не рассмеялась — такой безумной показалась мысль. А потом пришло понимание, подобное обрушившейся на голову ледяной волне: я никогда не видела этих двоих вместе. Я никогда не видела лорда Лоуренса Галлахара днем. Никогда. И я никогда не видела мантикора ночью.

Глава двадцать вторая. Гвендолин

Открытие меня ошеломило. Сначала мелькнувшая в голове мысль показалась невозможной, но затем... Мелкие штрихи и детали совпадали удивительным образом, и я поняла, что не успокоюсь, пока или не удостоверюсь в своей догадке или ее не опровергну.

Существовал только один выход: проследить за лордом Галлахаром, что я и сделала в следующую же ночь. Не скажу, чтобы слежка оказалась таким уж простым делом: на верхние этажи проникнуть я не могла из-за дворцовой стражи, на балконе второго этажа Лоуренс уже давно не появлялся — знал, что меня там не встретит. Оставалась только одна надежда: что мучившая нас обоих бессонница рано или поздно выгонит его во внутренний двор.

Я караулила в коридоре у лестницы, так, чтобы не попадаться на глаза страже, но видеть тех, кто по ней спускался или поднимался. Ночью дворец был тих и безлюден, и раздавшиеся в полумраке шаги заставили меня всю подобраться подобно кошке, приготовившейся к прыжку. На лестничном пролете мелькнул едва различимый силуэт. Кто бы это ни был, он направлялся к выходу из дворца. Выждав с минуту, я двинулась следом.

Стражи привыкли к моим ночным блужданиям, и никаких препятствий не чинили. Горькая иллюзия свободы: в пределах, очерченных зачарованным браслетом, я вольна была делать все, что вздумается и идти, куда мне хочется... кроме отданных высшей знати этажей.

Я беспрепятственно миновала лестницу, выскользнула во двор. Удостоверившись, что скучающие и почти спящие на посту стражи не смотрят в мою сторону, затерялась среди кустов иллюзорного сада, чтобы оттуда наблюдать за... Лоуренсом, неспешно прогуливающимся по двору. Периодически он озирался по сторонам, будто бы искал кого-то взглядом. Хотелось бы мне верить, что он искал меня...

В какой-то момент Лоуренс вскинул голову вверх, в светлеющее небо. Совсем скоро наступит рассвет. Опустив голову, лорд Галлахар заспешил в сторону леса.

В панике я бросилась вслед за ним, но на полпути остановилась — тропка, вытоптанная моими ногами, обрывалась. А значит, приближалась черта, заступать за которую мне не стоило. Иначе... меня ждет жуткая боль, выворачивающая наизнанку, а после — гнев Рэйста, узнавшего, что я вновь нарушила установленные им правила.

Я не знала, что делать, ведь Лоуренс, не связанный оковами, продолжал идти к лесу, все больше ускоряя шаг. Мне ничего не оставалось делать, кроме как громко окликнуть его.

— Лорд Галлахар?

Он резко развернулся. На лице читалось удивление, смешанное с тревогой. Еще один взгляд, брошенный в светлеющее небо.

— Леди Меарк? Что вы делаете здесь? Так...

— Рано или поздно? — через силу улыбнулась я. Мне нужно было задержать Лоуренса во что бы то ни стало.

Мне нужно было знать правду.

Он заметно нервничал. Я шагнула вперед, балансируя на самой грани между дозволенным и запрещенным.

— Могу я с вами поговорить?

— Мы... Можем отложить этот разговор на потом? — быстро спросил Лоуренс. — Я... простите, но мне нужно... нужно идти.

— В лес? — притворно удивилась я.

— Простите меня, моя леди, — тихо сказал Лоуренс. — Возможно, когда-нибудь я сумею вам все объяснить. — И, развернувшись, быстро направился в сторону лесной чащи.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Он не успел. Заклятие — или правильное называть это проклятием? — настигло Лоуренса прежде, чем он смог сделать несколько шагов. С изумлением, граничащим с ужасом, я наблюдала, как он падает на колени, как рвется на поджаром мускулистом торсе рубашка, как на спине прорезаются и вырастают крылья. Волосы отрастали на глазах, превращаясь в львиную гриву, человеческое тело обернулось телом льва, оканчивающимся скорпионьим хвостом.

Манतिकор повернулся ко мне, в его янтарных глазах застыла боль. Физическая — от превращение или душевная — оттого, что превращение произошло на моих глазах? Я не знала, но не могла позволить, чтобы мы расстались вот так, на такой печальной и жестокой для Лоуренса ноте.

— Все нормально, — прошептала я. — Я знала. Догадывалась. Я... не боюсь тебя.

И в тот же миг краска залила мое лицо: я вспомнила все, что говорила манतिकоре. О нем, Лоуренсе, не зная, что они — одно лицо.

Я ждала, что манतिकор подойдет ко мне, но... он лишь, униженно опустив голову, попятился назад. Не представляю, что бы чувствовала я, оказавшись на его месте — из человека, статного красавца, превратиться в дикого зверя, ставшего чужим фамильяром. И только сейчас я в полной мере осознала весь ужас этой ситуации: Лоуренс был питомцем собственного брата. Почему? За что?!

— Не уходи, — попросила я.

Но манतिकор все отступал назад, к лесу. Мотнув головой, резким движением распустил крылья за спиной. И взмыл в предрассветное небо. А мне ничего не оставалось делать, как вернуться к себе.

Еще долго я лежала без сна, чувствуя лишь странную глухую тоску.

Глава двадцать третья. Лили

Наш маленький отряд из четырех человек тронулся в путь со следующим же рассветом. За минувшую ночь — каждый из нас спал плохо — я успела познакомиться поближе со своими неожиданными спутниками. Греггом звали крупного и широкоплечего мужчину с рыжей бородой и тяжелым взглядом. Несмотря на немного пугающий вид, он был добродушен, но немногословен — когда мы беседовали у костра, он чаще отмалчивался, нежели говорил. Гастер — его полная противоположность: высокий, худой и черноволосый. Кожа его была смугловатой, как у элькхе, но оттенок был другой — более солнечный, золотистый. Как Гастер мне объяснил, прежде чем вступить в сопротивление и стать солдатом Ингвара, он всю жизнь прожил на юге Даневии под палящим солнцем.

Обладая веселым нравом, он развлекал меня историями из своей прошлой жизни, в которой не было войны. Это помогало хоть немного унять ноющую тревогу.

Тейт... я часто ловила на себе его пристальный взгляд, но делала вид, что ничего не замечаю. Что и говорить — его внимание ко мне было невероятно приятно. Что-то внутри меня переворачивалось, когда он смотрел на меня вот так, не изучая, а словно бы любуясь. Когда же я замечала, что он поглощен беседой с Гастером, то и сама украдкой бросала на него взгляд. Такое привлекательное, открытое лицо, мальчишеская улыбка, разом стирающая с него печать прожитых лет и делающая его совсем юным... И взгляд голубых как небо глаз, от которого земля разверзалась под моими ногами и начинало казаться, что я — не падаю, нет — куда-то лечу. Чувство легкости, свободы и невесомости — все это рождал во мне один только его взгляд.

Я, должно быть, совершенно потеряла голову и остатки рассудка, раз никак не могла отделаться от мыслей о Тейте сейчас, когда столько ужаса было в прошлом и столько неопределенности в будущем. Найду ли я сестру? Что станет с Даневией, если Ингвар не получит Белую Слезу, на которую возлагает такие надежды?

Наш путь проходил через небольшую речку, в которой я с наслаждением выкупалась. Холодная вода стирала усталость пройденных миль, но вот избавить меня от горечи утраты и беспокойства за Гвендолин, увы, не могла. Лежа на спине, я вглядывалась в звездное небо. Быть может, папа там и видит меня сейчас? Если так, то... я прошу тебя... помоги мне и Гвендолин. Если не можешь помочь нам обеим, помоги сестре. Рядом с Тейтом, Греггом и Гаретом я чувствовала себя как за каменной стеной — даже удивительно, насколько всепоглощающим было это чувство, особенно если учесть, что еще сутки назад я совсем не знала их. А Гвен... Она там одна, на чужой земле, рядом с врагом и убийцей нашего отца. Твоим, папа, убийцей. Помоги, если сможешь. Ей твоя помощь нужнее...

— Тейт... А где сейчас Ингвар? — спросила я, когда мы направлялись вдоль дороги к неприметной точке на карте.

Он кинул на остальных хмурый взгляд.

— Собирает остатки своего войска. Можно сказать, зализывает раны.

— Его армия разбита? — тихо спросила я. Сердце заныло — значит, слухи об Ингваре оказались правдивы.

Тейт кивнул. Казалось, простейшее движение далось ему совсем нелегко.

— Разбита, увы. Когда война только началась... Удивительно, но никто не верил в победу Ареса. Просто потому, что никто не знал, какой козырь он прячет в рукаве.

— Ты говоришь о его некромаге?

— О нем, — нехотя сказал Тейт. — Об армии нежити, которая встала на защиту Ареса.

— Ты... ты ведь сражался с ними?

— Разумеется. И вот что я тебе скажу: они практически неуязвимы. Их не убьешь ни сталью, ни огнем. Помогло только то, что в сопротивлении были маги. Они сумели понять, что для того, чтобы раз и навсегда уничтожить поднятых мертвых, нужно лишить их магии, которая текла в их венах и заменяла им кровь. Тогда они начали иссушать некрисов, лишая их уникальной силы, которая и давала им возможность жить. Но... к тому времени уже было слишком поздно.

— Мне жаль, — тихо сказала я. Это было так несправедливо — если бы не армия мертвецов, которых призвал Арес, Ингвар мог бы и победить.

Если бы я только могла помочь Тейту добыть для Ингвара Белую Слезу... но я была для них скорее балластом, нежели подмогой — неумелый воин, плохая охотница и совершенно бездарная магесса...

Я тряхнула головой в наивной попытке изгнать из головы горькие мысли. Подняла взгляд. Тейт смотрел на меня со странным выражением, будто знал, что сейчас меня гложет.

— Кто он такой, этот Ингвар? — спросила я.

— Говорят, он страшный как демон дряхлый старик. Глаза у него чернющие. Еще и характер дрянной. Скажешь слово поперек — как пронзит тебя своими глазами, и испепелит на месте.

Я фыркнула, но Тейт остался серьезен.

— Да брось, быть такого не может! — с сомнением сказала я. — Ты его вообще видел?

— Нет, он старается не показываться никому на глаза, — беспечно отозвался Тейт. — Сидит в своей башне, носа не кажет, а приказы через своих солдат передает. Говорят, даже они никогда не видели его без повязки по самые глаза — вроде тех, которые Немые носят.

— Ну ты и скажешь, — качая головой, вклинился Гастер. — Ничего он не старик и не в балахоне. Он огромный, как каменный голем, один его кулак как мое лицо.

— Вранье, — пробасил Грег. — Он высокий и худющий как жердь — из-за своей магии.

— Что еще за магия? — недоверчиво спросила я.

— Ингвар умеет превращаться в тень и растворяться в тумане. И следить оттуда за своими солдатами или врагами, оставаясь совершенно незамеченным. Кто знает, может, он и сейчас следит за нами?

У меня мороз пробежал по коже. С трудом подавив желание оглянуться, я подозрительно уставилась на троих спутников. Потешаются они надо мной, что ли? Как солдаты могут не знать, что представляет из себя их командир?

Прямого ответа потребовать я не успела — мы приближались к городу элькхе. Нам, чужеземцам, в подобных местах приходилось быть невероятно осторожными и осмотрительными. Тейт сделал мне знак не шуметь, и я коротко кивнула. К счастью, обошлось без приключений.

Когда город остался позади, я наконец задала давно мучавший меня вопрос:

- Так куда вы идете? Где находится Белая Слеза Персефоны?

- Насколько нам известно, ее хранят шаманы, обитающие у подножия горы Альдасхарад, — охотно объяснил Тейт. — Они не причисляют себя к элькхе, так как принадлежат к исфиаду — древнему, уже практически исчезнувшему народу, когда-то пришедшему с Северных Земель. Но и даневийцы для них чужаки, потому я и не знаю, как

они отреагируют на наше появление. Враждебны они не будут — во всяком случае, до тех пор, пока не узнают, зачем мы пришли.

Я насторожилась.

- Почему ты думаешь, что им не понравится желание Ингвара обладать Белой Слезой? Ведь она способна послужить Даневии во благо, спасти сотни тысяч людей от гнета Ареса!

- Боюсь, шаманы равнодушны к войне, раздирающей Даневию на части. Они — очень замкнутый народ, и вряд ли их интересует происходящее за пределами родного клана. К тому же... если то, что я слышал о них — правда, то с Белой Слезой они так просто не расстанутся.

Сказанное Тейтом меня заинтересовало.

— Хочешь сказать, Белая Слеза нужна и им самим?

- Нужна. Одна из сивилл, которая забрела в наши края уже после того, как наша армия была разгромлена, и мы чудом спаслись от живых мертвецов Ареса, и поведала нам о Слезе и о ее живительной силе. Как и о том, что шаманы, ее нашедшие, почитают ее как реликвию взамен утраченному тотему.

— И... что ты думаешь делать?

Тейт обезоруживающе мне улыбнулся.

- Попытаться их убедить, что же еще?

После несколько часов пути мы наконец остановились на долгожданный привал. Долгожданным, судя по всему, он был только для меня одной — по лицам Тейта, Гастера и, в особенности, великана Грега было непохоже, чтобы им нужен был отдых. Кольнуло подозрение, что привал устроили исключительно ради меня. Это мне совершенно не нравилось — не хватало еще, чтобы Тейт считал меня неженкой.

Вопрос, почему меня вообще должно интересовать мнение Тейта, так и остался без ответа.

- Мы можем идти дальше, — сказала я, с вызовом глядя в голубые глаза своего спутника.

- Нет, не можем.

- Нет, можем! — Уперев руки в бока, я трянула волосами.

Тейт рассмеялся.

- Какая же ты упрямец. Может, я хочу отдохнуть?

- Не хочешь, — исподлобья глядя на него, буркнула я. — Ты хочешь, чтобы отдохнула я.

- И что в этом желании такого плохого?

Я фыркнула.

- Когда ты отдохнувшая, у тебя по-особенному горят глаза, а нежный румянец покрывает щеки, — вдруг сказал Тейт, подходя ко мне близко-близко. Грег и Гастер, словно сговорившись, пошли прочь от нас двоих. — И кожа сияет... Хотя это совершенно не значит, что сейчас ты не хороша.

Судя по его лукавому взгляду, я покраснела. Ну почему ему так нравилось меня смущать? В горле снова пересохло, а в голове перепутались нужные слова и фразы. Я стояла и молчала, просто глядя на Тейта. Если бы я протянула руку, то могла бы коснуться его светлых волос, которые лениво трепал ветер. Интересно, какие они на ощупь? Взгляд невольно опустился от прикрытого светлой челкой лба к тонкому носу и губам.

Кажется, я покраснела еще больше — если это вообще было возможно.

Несмотря на усиленные попытки изгнать из головы так смущающие меня мысли о

Тейте, засыпала я под аккомпанемент навязчивого голоса, звучавшего в моем сознании, который задумчиво вопрошал: интересно, каков на вкус его поцелуй?

Глава двадцать четвертая. Гвендолин

После случившегося наша встреча была неизбежна — и я, и Лоуренс знали это. Поэтому я даже не удивилась, когда, выйдя из спальни, увидела на балконе смутно знакомый силуэт.

Лоуренс взглянул на меня, неуверенно кивнул. Никогда не видела его таким... напряженным. В лунном свете его застывшее лицо казалось намного бледнее обычного, ни тени улыбки — только тяжелый взгляд, устремленный куда-то вдаль.

— Это ведь... проклятье? — тихо спросила я.

Лоуренс кивнул.

— Проклятье, дающее мне только несколько часов истинной свободы — несколько часов от заката до рассвета. Только тогда я могу быть самим собой. Быть... человеком.

— Кто это сделал?

— Арес.

— Твой брат? — изумленно воскликнула я. — Но... за что?

— Я пытался ему помешать, — глухо сказал Лоуренс. — Я говорил ему, что эта война слишком разрушительна и нужно ее прекратить. Мы тогда сильно повздорили... сильнее, чем обычно. Он вывел меня из себя, я выхватил меч из ножен. Арес знал — я сильнее его физически, но магии во мне практически нет. И он воспользовался этим — одним движением руки, находясь в нескольких шагах от меня, волной воздуха выбил меч из моей ладони и приставил лезвие к моему горлу. Это подло, ведь я вызывал его на честную дуэль, но... в этом весь Арес. Он не делит методы на грязные и честные, он лишь видит цель и идет к ней... по трупам, по головам.

Я вспомнила полыхающие дома, растерзанную войной Даневию... вспомнила своего отца. Почему он погиб? Только потому, что не захотел подчиниться Аресу и пасть на колени перед ним. Погиб за то, что до последнего защищал своих дочерей от тирана.

— Арес сказал тогда, что не может убить брата. Но наказал меня, наслав проклятье. Теперь на поле боя я всегда, как ручная зверюшка, рядом с ним. Моих сил не хватает, чтобы разрушить заклятье. А та, что наслала его — Хозяйка леса — мертва. Я даже не могу сбежать — Арес привязал меня к себе крепкими путами. Каждый раз, когда я пытался сбежать, Арес призывал меня обратно. Это мощная магия, сопротивляться которой я не в силах. Просто мое сознание завлакивает туман, и в следующее же мгновение я оказываюсь рядом с Аресом. Я не смог бы убить его, даже если бы захотел — рядом с ним постоянно находится Немой, который особенно старательно читает мои мысли. Я чувствую это — в его присутствии у меня всегда раскалывается голова.

— Собственный брат... не могу в это поверить, — ошеломленно прошептала я. Перед глазами всплыло лицо Лили. Она никогда бы меня не предала — ни за какие деньги мира, ни за обещанную свободу или власть. Я знаю это. Я точно это знаю. — Но как же твои рассказы о вас двоих? О том, что в детстве вы были очень дружны?

— Так и было, — с горечью отозвался Лоуренс. — До тех пор, пока Арес не увлекся магией. Поначалу это было невинной забавой, переросшей, спустя года, в серьезное увлечение такой сложной и противоречивой наукой. Я гордился своим братом, который быстро перерос простейшие фокусы со стихийной магией и всерьез углубился в магию боевую — куда более непредсказуемую и тяжелую. Я правда им гордился!

— И настал момент, когда ты им гордиться перестал? — тихо спросила я, до сих пор

пытаясь осмыслить, что мы с Лоуренсом говорим об одном и том же человеке.

— Да, настал, — выдохнул он. — Спустя года Арес... он сильно изменился. Он вдруг увлекся ритуалами вхождения в Царство Теней.

Я расширила глаза. Арес баловался обрядами, тесно связанными с царством мертвых? Темная магия... да, это вполне ему подходило.

— Когда он в первый раз вошел в Царство Теней... вернулся уже полностью седым. Арес никогда не рассказывал мне, что же он там увидел, что пережил. Он слишком увлекся темной магией, и это изменило его. Едва ли не... свело с ума. В какой-то момент Арес вдруг вбил себе в голову, что он — реинкарнация бывшего правителя Эйоса, которого свергли с престола и жестоко убили. Так это или нет, я не знаю. Но Арес нарек себя именем убитого герцога — Светорожденным — и твердо вознамерился вернуть себе трон. Тогда он и развязал войну за Даневию. Возможно, дух герцога и впрямь вселился в него... я не знаю.

Я молчала, пораженная. Царство Теней, Арес, вернувшийся из другого мира седым, его помешательство, граничащее с холодным, трезвым рассудком. Все это едва укладывалось у меня в голове.

— Тогда между нами и произошел раскол, который становился все больше и непреодолимее. Мы стали друг другу чужими, родными только по крови, но не по духу.

— И когда ты пошел против него, он превратил тебя в мантикора, — медленно сказала я.

Лоуренс с усилием кивнул. Было заметно по застывшему взгляду и собранным на лбу морщинкам, как нелегко давался ему этот разговор.

— Очень... изящное и жестокое наказание. Я отказался убивать ради него — но отныне вынужден это делать. Когда я нахожусь в обличье мантикора, я слышу и вижу все, и могу действовать как захочу... до тех пор, пока это устраивает Ареса. Когда начинается бой, он полностью подчиняет мой разум своей воле.

— То есть ты не понимаешь, что делаешь?

— Хуже, — горько ответил Лоуренс. — Я прекрасно все понимаю. Я все чувствую, мысленно протестую, но ничего не могу изменить. Словно кто-то чужой ведет меня за руку, словно мое сознание тонет в кроваво-красном тумане. И моя воля тонет в чужой воле...

От тоски, звучавшей в его словах, меня пробрала дрожь. Каково — жить с этим? Я сравнивала себя с марионеткой в руках как Рэйста, так и Ареса, но истинной марионеткой был он, Лоуренс. Не выдержав, я сделала шаг вперед. Застыла, вспугнутая собственным порывом. Смелости и решительности мне было не занимать, но не в решительности было дело. А в моих внутренних демонах, которые ежеминутно боролись друг с другом.

Не знаю, кто победил — ангел или же демон, но я все же подошла к Лоуренсу и положила руку на его ладонь, лежащую на перилах. Легонько сжала, заслужив изумленный... и благодарный взгляд. Не помню, чтобы кто-то когда-нибудь смотрел на меня так — тепло и нежно.

- Ты говорил... и говорили другие, что мантикор... что ты всегда находишься рядом с Аресом на поле боя. — Я не смотрела на него. — Значит...

- Я был рядом с ним, за спиной его солдат, когда Арес забирал тебя и отдавал твою сестру элькке. Но ты была слишком ошеломлена, раздавлена произошедшим, чтобы меня заметить.

Я помолчала, пытаюсь отогнать от себя призраков прошлого.

— Но... ты пытался как-то это изменить? Избавиться от проклятия?

- Пытался, и не раз. Я даже встретил одну нимфу... спас ее от разъяренных волков. Черных волков, пришедших с гор, и ее лесу не принадлежащих — а потому их разум ей, повелительнице земной стихии, был неподвластен. И я был рад этому знакомству, ведь нимфы — известные носительницы природной магии. Но оказалось, что помочь мне она не в силах. Узор нитей жизни, перепутанных проклятием оборотничества, уже изменен. Его не исправить

- слишком мощная магия, и даже смерть Ареса этого не исправит. Расплести запутанные нити чар может только одна из тех, кто их наложил — Хозяйка леса. Только они владеют достаточной силой, способной подчинить себе магию оборотничества.

— А ты не пробовал обратиться к ней?

Лоуренс усмехнулся.

- Сделать это не так-то просто. Хозяйки леса не жалуют людей, они и сами... не сказать, чтобы люди. Сильные ведьмы, подчинившие себе земную и водную стихию. В них понемногу от нимф и наяд. Они живут в лесу, но далеко не в каждом, и стараются не попадаться людям на глаза. Та Хозяйка Леса, которая по просьбе Ареса меня прокляла, была убита повстанцами Ингвара, когда сражалась на стороне моего брата. Но Лайарой — та самая нимфа — слышала о молодой Хозяйке Леса, живущей в Наяронском лесу, в нескольких милях отсюда.

- А ты не можешь отправиться туда, потому что тебя держат путы Ареса, — с сожалением сказала я.

Лоуренс медленно кивнул.

- Лайарой попыталась развязать узы — сделать это, по ее заверениям, куда проще, чем снять проклятие. Но... ей недостает сил для обряда. Она пытается, но... каждый раз заканчивается тем, что она практически теряет сознание от бессилия. А я не могу ее так мучить. Знаю, Лайарой считает, что обязана мне жизнью, но на самом деле она очень многое сделала для меня. Гораздо больше, чем мой собственный брат, с которым когда-то мы были очень близки. Да и не может так продолжаться бесконечно — рано или поздно, но Арес, отвлекшись от своей игры в войну, поймет, что я слишком часто пропадаю в лесу. И наверняка решит узнать, что я там делаю. И, поверь мне, для получения ответа на этот вопрос слуг и лизоблюдов у него достаточно.

Я молчала, не зная, что сказать, а в голове крутилась совсем несвоевременная мысль: значит, всякий раз, когда я видела Лоуренса у кромки леса, он возвращался от Лайарой? Нимфа... должно быть, она очень красива...

Щеки полыхнули жаром, я поспешно отвела взгляд. Мне вдруг стало стыдно — что тоже на моей памяти практически никогда не случалось. Просто... Лоуренс проклят быть лишь наполовину человеком. Проклят половину своей жизни проводить в облике дикого зверя, призванного убивать. А что я? Думаю о том, как часто он видится с прелестной нимфой.

Такая глупая и такая несвойственная мне ревность...

- Подожди... Ты говорил, что Лайарой не хватало сил для обряда? — медленно переспросила я. — Но что, если... Если я дам ей сил?

Лоуренс повернулся ко мне. На красивом лице — печать усталости, брови сведены.

- Я не могу просить тебя пойти на такое. Я не знаю, каково это — быть Искрой, но я знаю, каково — действовать по чужой указке, быть ведомым, жить ради жизни других.

«И это роднит нас», — подумалось мне. Быть Искрой подчас действительно унижительно. Ты не можешь творить магию сам, но, как обезличенный сосуд живительной

силы, помогаешь творить ее другим. Но в случае с Лоуренсом все было совсем иначе...

- И не надо просить, — твердо сказала я. — Я сама хочу это сделать. Дай мне хоть раз побыть Искрой не потому, что я обязана это сделать, а потому, что я этого хочу. Хоть раз за последние дни взять судьбу в свои собственные руки.

Лоуренс прекрасно знал, о чем я говорю. Задержав на мне взгляд, вдумчиво кивнул. И только сейчас я поняла, что наши руки по-прежнему лежат на перилах, сплетенные. Лоуренс осторожно взял мою ладонь в свою, поднес ее к губам и... поцеловал. Этот взгляд и этот поцелуй сказали мне больше, чем тысячи слов.

И не нужно шелков, бриллиантов и дорогих коле, нужен лишь человек, который будет смотреть на тебя так, будто ты — сама драгоценность.

— Ты правда этого хочешь? — прошептал он.

- Не спрашивай. Просто отведи меня к ней. Только... не знаю, возможно ли это — зачарованный Рэйстом браслет не пустит меня дальше этой границы. — Я кивком указала на иллюзорный сад.

- Лайарой нельзя покидать свой лес. — Лорд Галлахар нахмурился. — Вне его она теряет силу, которой он ее питает. Но... с тех самых пор, как я увидел браслет на твоей руке, с тех самых пор, когда я впервые узнал, какая ты... Я пытался найти ключ от твоего браслета.

Я резко развернулась к Лоуренсу, ошеломленная его словами. Он хотел мне помочь? Все это время, когда я разрывалась от ненависти к брату моего врага и неуместной симпатии к привлекательному и учтивому лорду?

- Я бы сделал это уже давным-давно — я сумел узнать, где Рэйст держит ключ, но...

- Горгулья Айлин. — Я все поняла с полуслова. Графиня следит за своим дражайшим супругом, как цербер — за узниками тюрьмы Аида. Я помолчала, задумчиво постукивая пальцем по губам. Поймав на себе жадный взгляд Лоуренса, стусевалась, и руку убрала — но взгляд его по-прежнему был прикован к моим губам. Из всех сил стараясь не думать о том, какие мысли сейчас завладели сознанием Лоуренса, я заговорила: — А она не может сейчас нас подслушивать?

Он покачал головой.

- Нас оплетает невидимая паутина моих чар, сквозь которую ей не проникнуть. Но окружать себя чарами постоянно тяжело и чревато: Арес или его стражи могут заподозрить неладное.

- С Айлин разберусь я сама. Я должна отомстить ей за то, что она со мной сотворила, за все унижение, которое я испытала по ее вине.

- Это может быть слишком опасно. — Лоуренс, наконец, перевел взгляд, заглядывая мне в глаза, и дышать стало чуточку легче.

Я резко мотнула головой. Опасность? Ею пропитан воздух во дворце Ареса, она тенью ходит по моим пятам. Опасности я не боюсь, как не боюсь и смерти. Меня страшит напрасная смерть. Я не покину мир живых, пока в нем безнаказанными останутся те, кто причинил столько боли мне, моему отцу и Лили. Айлин, Рэйст, Арес... они должны за все поплатиться.

А я совершенно бессильна, пока на мне этот проклятый браслет, связана по рукам и ногам и заперта в ловушке. Я должна во что бы то ни стало разорвать оковы.

- Я решу проблему с Айлин, — решительно повторила я. — Зря я, что ли, так долгие скрывала ото всех таящиеся во мне силы и убеждала Ареса, Рэйста и его жену, что я — лишь

Искра, в которой нет и капли собственной магии, кроме той, что позволяет усиливать магию других? Никто ничего не заподозрит... а если и заподозрят, мне будет уже все равно.

Лоуренс собрался мне возразить, но я прижала палец к его губам. Заглушая стук собственного сердца, сказала:

- Я хочу заключить с тобой сделку. Я помогу Лайарой разорвать узы, связывающие тебя с Аресом, а ты поможешь мне найти сестру.

Холеное, привлекательное лицо Лоуренса потемнело.

- Мне не нужна сделка, чтобы тебе помочь.

- Прости... — прошептала я. Я действительно сильно его обидела — и видела эту обиду и горечь на дне его глаз.

- Я просто...

Я замолчала, не находя нужных слов. Как объяснить ему, что доверять мужчинам я не привыкла? Что я вообще не привыкла доверять? Когда началась война, я видела столько предательств и людской боли, что раз и навсегда поклялась не верить никому, кроме двух, самых близких мне на свете людей. Папа и Лили. Моя семья, моя опора, моя радость — проблески света посреди густой чернильной тьмы войны. Тьмы, сотканной из боли и страданий.

Лоуренс... Он нравится мне, но для меня он все еще чужой. И близость к Аресу меня пугает, настораживает, не дает расслабиться и полностью ему открыться. И я не знала, как с этим быть. Потому что с каждым днем Лоуренс отвоевывал все больше места в моем сердце, и все чаще в моем сознании возникала мысль: «А что, если он обманет? Предаст?». И эта двойственность чувств и эмоций разрывала меня на части.

Невысказанное повисло между нами неуютной, давящей тишиной. Лоуренс отпустил мою руку, и коже сразу стало холодно без его прикосновений. Даже взгляд его похолодел. Лоуренс видел, что я не могу полностью ему довериться — хочу, но не могу, — и это ранило его. А я не могла врать и делать вид, что между нами все в порядке. Я всегда ненавидела сладкую, манящую ложь больше, чем горькую и отрезвляющую правду.

Когда Лоуренс нарушил молчание, его голос звучал глухо, отстранено:

— Чтобы помочь тебе, я должен находиться в человеческом обличье. Но сейчас уже поздно. Что бы ты ни задумала, привести план в действие лучше завтра. После заката я буду ждать тебя здесь.

Я так хотела сказать ему что-то напоследок. Не хотелось расставаться на такой ноте. Но улыбка стыла на губах и казалась фальшивой, а все слова — пустыми и глупыми. Так ничего и не придумав, я просто кивнула. Ушла, чувствуя спиной взгляд Лоуренса Галлахара.

Глава двадцать пятая. Лили

— Нападай, — хладнокровно сказал Тейт.

Но спокойствие его было обманчивым — я видела уже знакомых мне бесенят в глазах, чувствовала напряжение в каждом его жесте.

Смешно и, наверное, глупо. Тейт учил меня сражаться.

Об этом его попросила я сама во время одного из привалов. Просто... надоело быть слабой, надоело вздрагивать от каждого шороха и... надоело постоянно верить свою жизнь в чужие руки. Я должна была уметь самой себя защищать, не надеясь на Гвендолин, Тейта... и кого бы то ни было еще.

— Давай, ну! — подначивал меня Тейт.

Я бросилась вперед, зажимая в руках выструганные Гастером палки, которые должны были заменить мне тренировочные парные кинжалы. Посоветовавшись, мы решили, что меч для меня, тоненькой, сильно тяжел, а лук слишком сложен в обучении. Парные кинжалы подходили мне идеально — когда хотела, я могла быть быстрой и ловкой.

Вот только... Видимо, сегодня был не мой день. Я пропускала удар за ударом, иногда уклоняясь лишь в самый последний момент — и в этом, скорее, был элемент везения, нежели умения.

— Используй свое преимущество! — крикнул мне Тейт после моей неуклюжей попытки «вонзить» в его бок «кинжал».

— У меня есть преимущество? — Я удивленно воззрилась на него, застыв на месте. И он не преминул воспользоваться заминкой — я пропустила его удар и охнула от боли, когда на плечо мне опустился деревянный «меч» Тейта. Я знала, что он не ударил и вполсилы, но отчего-то было обидно.

— Ты быстрее и проворнее меня, используй это! Ты должна быть юркой, изворотливой. Возможно, не сейчас, но со временем... обязательно станешь такой.

— Со временем, — буркнула я. — Что, если, у меня не будет этого времени? Кто станет обучать меня, когда ты найдешь Слезу Персефоны и наше путешествие закончится?

Улыбка Тейта померкла. Он остановился, опустил меч.

— Знаешь... Несмотря на то, что Слеза нужна нам, нужна Ингвару и жалким остаткам нашей армии... Хотел бы я, чтобы наше путешествие длилось целую вечность.

Я вскинула голову.

Верно ли я поняла намек в его словах и тоне? Взглянула в голубые глаза и поняла: верно. Кончики пальцев вдруг закололо — словно, замерзшая, я простерла над костром руки.

— Лили, я... — Тейт шагнул вперед, не сводя с меня взгляда.

Громовой голос Грега, вернувшегося с охоты и сообщающего, что у нас на обед сегодня будет дичь, разрушил очарование момента. Раздосадованная, я отступила назад — отчего-то не хотелось, чтобы Грег застал нас в такой близости друг от друга. Это произошло совершенно инстинктивно, но я успела увидеть промелькнувшее в голубизне глаз Тейта огорчение.

— Нападай. И помни — используй преимущество. — Теперь его голос звучал суше, без толики прежнего тепла.

Вздыхнув, я бросилась вперед. Кинжалы по-прежнему казались мне чем-то инородным, нежели продолжением моей руки, как это должно было быть, но я надеялась, что со

временем стану ощущать себя более свободной, и натужность в движениях сменится легкостью. Пока же я должна была сделать все возможное, чтобы не ударить лицом в грязь перед своим очаровательным наставником.

Но после десяти минут кружения по поляне, совершенно выбившись из сил и глядя на невозмутимого Тейта, я вынуждена была признать свое поражение.

— Мне никогда не стать настоящим бойцом, — удрученно сказала я.

— Лили, ты не должна сдаваться. Ты учишься только первый день! Неудивительно, что у тебя что-то не получается!

— Кажется, у меня не получается ничего, — пробормотала я. — И вообще я какое-то... недоразумение. Магии во мне — ни искры, а силы... Гвендолин права. Я слабая.

Тейт хмуро посмотрел на меня.

— Глупости. Твоя сестра говорила тебе подобное?

— Нет, но я же знаю, что она так считала. Видела это в ее глазах. При малейшей опасности она рвалась меня защищать, чуть ли не щитом вставала передо мной.

— Но, Лили... Она просто хотела оберегать тебя — не оттого, что ты слабая, а оттого, что сильно тебя любила. Чем предосудительно это желание?

Я не знала, что ответить на это.

— Вот что я тебе скажу, Лили — вкрадчиво произнес Тейт. — Ты мне напоминаешь лисичку — милую снежную лисичку. И дело не только в твоих прекрасных глазах, волосах и повадках... Не всегда сила — единственно возможное решение. Если ты не можешь действовать силой — действуй хитростью, что вполне в духе лис.

Я улыбнулась. Приободренная его словами, попыталась следовать им. Но первая же подножка опрокинула меня навзничь. Уже падая, я, выронив кинжалы, вцепилась в рубашку Тейта. Его ноги проехали по мокрой листве. Не удержав равновесия, он рухнул прямо на меня.

Я сдавленно охнула. Никогда не думала, что худой Тейт окажется таким тяжелым!

— Так нечестно! — возмутилась я, имея в виду подножку Тейта. Правда, возмущение больше напоминало писк — ведь он еще придавливал меня к земле своим телом.

— Я же говорил — используй преимущество. — Тейт приподнялся на локте, чтобы дать мне немного свободы, но встать не спешил.

Только сейчас я поняла, насколько двусмысленно мое положение. Поразительно, но умудрилась даже не покраснеть — настолько сильным было мое возмущение. Казалось, Тейт наслаждался тем, в какую неловкую ситуацию я попала по его вине.

— И долго ты собираешься так лежать? — воскликнула я.

Тейт щелкнул меня по носу и без малейших усилий поднялся. Подал мне руку, а когда я встала на ноги, будто бы невзначай обронил:

— Глупый лисенок, я просто хотел тебя поцеловать.

Я ахнула, но Тейт уже повернулся ко мне спиной и неторопливой, уверенной походкой направился к Грегу и Гастеру, которые готовили на костре ужин. Я, какое-то время удивленно таращась ему вслед, вскоре присоединилась к троице моих защитников. Но слова Тейта еще долго не выходили из моей головы.

Глава двадцать шестая. Гвендолин

Привести в действие задуманный план оказалось не так-то просто. Говоря Лоуренсу о том, что убрать с нашего пути Айлин Рэйст несложно, я, конечно же, немного преувеличивала. Все-таки впервые с момента попадания во дворец в роли игрушки и подпитки Рэйста (если не считать неумелых попыток исцелить мантикора) я собиралась воспользоваться магией.

И не просто магией, а магией ментальной.

Фокусам с манипулированием человеческим сознанием учил меня отец. Говорил, что однажды это может мне пригодиться — «времена беспокойные, да и кто знает, что может взбрести в голову молодым нахам при взгляде на привлекательную девушку?»

Тоска привычно кольнула сердце при мысли об отце. Прости, папа, мне так и не дали шанса применить твою науку. Слишком неожиданным было вторжение Ареса в наш городок и в наш дом, слишком много цепных псов, готовых перегрызть нам горло по одному только его слову. Да и отец не сумел применить свой дар. Хотя — я в этом уверена — наверняка пытался.

Я поднималась по лестнице на третий этаж, сердце билось в груди гулко и часто. Мне пришлось дожидаться момента, когда граф скроется в подземелье среди спящих некрисов — и тех, кому только предстоит ими стать. Теперь же путь был свободен... Почти свободен, если не считать дворцовой стражи у входа на третий этаж, отведенный графине, графу и их беспокойным отпрыскам. Я могла бы применить к ним магию, но делать этого не стала. Силы мне понадобятся, а в ментальных чарах я не была настолько искусна, чтобы растрачивать их понапрасну.

— Мне передали, что леди Айлин Рэйст хочет меня видеть, — сказала я страже, нервно потирая рукой руку и изо всех сил пытаюсь сделать вид, что мне неудобно.

Будто ненароком коснулась кончиками пальцев шрама на щеке, чем заслужила понимающую ухмылку стражей. Уверена, они, как и слуги, были прекрасно осведомлены об особенности Айлин Рэйст и о ее «всевидащем оке». Им скучно днями стоять на своих постах, а что может служить лучшим развлечением, чем пересказ дворцовых слухов? А потому они наверняка прекрасно осведомлены об «особом» ко мне отношении графини.

Так и оказалось — стражи переглянулись, на губах одного из них появилась мерзкая ухмылочка. Хотела бы я стереть ее своими чарами — или же, напротив, навсегда впечатать в его лицо... Нет. Сейчас не время для мести. Я не буду тратить силы на мелких сошек, я приберегу их для других...

Уже беспрепятственно я поднялась на третий этаж. Не успела пройти нескольких шагов, как дверь одной из спален распахнулась. Облаченная в платье цвета шампанского, ко мне медленно подходила Айлин. Напряженное лицо, настороженный взгляд.

— Что ты здесь делаешь? Я тебя не звала.

Я не стала тратить драгоценное время на обличительные речи. Айлин — лишь несчастная, одержимая ревностью женщина, не любимая тем, кого она так отчаянно любила. Мне было жаль графиню, но ее ошибки прощать я не собиралась.

«Помоги мне, папа. Никогда не просила, но прошу сейчас. Пожалуйста, помоги».

Я собрала в кулак всю свою волю; вонзив ногти в мякоть ладонь, призвала на помощь весь резерв своих сил. Магия, что текла у меня в крови, забурлила в венах. Почти

незнакомое, уже позабытое ощущение силы и цельности накрыло меня с головой. Я тонула в волнах высвобожденной магической энергии, но захлебнуться не боялась.

Айлин то ли почувствовала что-то, то ли прочитала все по моему лицу. Она встала, как красивое каменное изваяние, глаза опасно сузились. Графиня приподняла кисти, готовая использовать магию в любой момент. Взгляд скользнул по моим рукам — она ожидала увидеть в них оружие. Значит, мне действительно удалось убедить окружение Ареса в том, что магией я не обладаю. Впрочем, ничего удивительного — чего еще ждать от Искры?

Но мое оружие было совсем иного рода. Сама графиня, ее сознание, ее воля — мой холст, на котором я могла рисовать линии наших с ней судеб. Айлин Рэйст казалась сильной, но... она слаба духом, вот и вымещала свою злобу на всех — на ней, на слугах. Она попыталась превратить мою жизнь в кошмар, и хоть у нее и не вышло, я собиралась отплатить ей той же монетой. Я нащупала брешь в ее сознании, и проникла туда невидимым щупальцем своего дара, ломая, искажая.

Воля Айлин Рэйст и без того была хрупка, а моя магия крошила ее на части.

— Ты прекрасна, графиня, — презрительно цедя слова, сказала я. — Но твоя неземная красота — лишь иллюзия, фальшивка. Хочешь увидеть себя такой, какая ты есть на самом деле? Посмотрим, понравится ли тебе то, что ты увидишь...

Я действительно сделала это, хотя едва не лишилась чувств. Из осколков магии я создала в ее сознании нечто подобное зеркалу, которое отражало всю тьму и грязь ее души. Чарам, позволяющим увидеть истинную сущность любого человека — тьму или свет, живущие в его душе, научил меня отец. Но прежде я никогда не использовала эти чары против кого-то. Сплетая отцовскую магию с собственным даром, я не просто заглянула в самую душу Айлин Рэйст через ее глаза, но и заставила ее саму это сделать.

Графиня застыла посреди коридора, взгляд ее, потеряв осмысленность, стал пустым — как у куклы. Ее тело находилось здесь, а разум блуждал во тьме ее собственной души. Все, что она сделала с другими, всю боль, что она причинила людям, обратилась против нее самой.

— Ты сама виновата в том, что чувствуешь и видишь сейчас, — с ненавистью отчеканила я. — Будь ты чиста — перед другими и, главное, перед самой собой, мои чары тебе вреда бы не причинили. То, что ты видишь сейчас — это твоя истинная красота.

И я покинула коридор, оставив графиню Айлин Рэйст наедине с ее собственной бездной.

Лоуренс — бледный, встревоженный, уже поджидал меня на балконе. Неужели он действительно беспокоился обо мне даже не смотря на то, что почувствовал мое отчуждение? Это дорогого стоило...

- Как я и говорила, графиня препятствовать нам не станет. Не знаю, как долго продлятся чары — я впервые делала нечто подобное, но думаю, что у нас есть не меньше суток.

- Этого должно хватить, — кивнул Лоуренс. Внимательно посмотрел на меня: — Ты в порядке? Ты немного бледная.

- Как и ты, — через силу улыбнулась я. Я и впрямь чувствовала себя неважно: слишком много энергии потратила в ментальной дуэли с графиней Айлин Рэйст.

— Жаль, что Искра не я, — неловко пошутил Лоуренс. — Я бы поделился с тобой частицей своей силы.

- Только частицей?

Мы помолчали, даря друг другу неуверенные улыбки. Что-то происходило между нами... разобраться бы только, что...

В конце концов Лоуренсу все же пришлось оставить меня одну. Он отправился в самое логово зверя: в покои графини и графа, где прятался ключ от моей свободы. Прежде, пытаясь узнать у него, возможно ли отпереть браслет как-то иначе, я получила отрицательный ответ: оказалось, пресловутый ключ — не ключ в привычном понимании, а скорее, сосредоточие магической энергии Рэйста, воплощенное в материальную форму. Подделать его можно, но только при условии, что удастся вытянуть энергию из самого Рэйста, а незамеченным это, разумеется, остаться не сможет.

Потекли минуты томительного ожидания. Я уговаривала себя не волноваться, ведь Лоуренс наверняка знал, что делал. Графиня пока не представляла никакой опасности — в своих чарах я была уверена, граф уединился среди мертвецов. И все равно душу терзало беспокойство. Быть равнодушной к Лоуренсу я не могла. Не умела.

Когда я увидела его силуэт, идущий по ленте коридора ко мне, из груди вырвался облегченный вздох. Но еще большее облегчение вкупе с радостью я испытала, когда увидела, что находится в его руках.

Ключ оказался прямоугольной полоской из странного черного металла со сверкающими бликами на поверхности. С замиранием сердца я протянула руку вперед. Лоуренс осторожно взял ее в свою руку, хотя надобности в этом не было никакой. И только после этого продел ключ в едва заметное отверстие в браслете.

Негромкий щелчок стал для меня самой сладкой музыкой на свете. И пускай я все еще нахожусь на чужой земле, я свободна — чары Рэйста больше не имели надо мной власти. А значит, побег стал не просто мечтой, а целью, ради которой я готова была пойти на все.

Лоуренс скинул браслет с моей кисти с гримасой отвращения, будто ядовитую змею. На коже осталась красная полоса. Лоуренс осторожно растер ее, а затем... наклонился и быстро поцеловал мое запястье. Я вспыхнула, изо всех сил пытаясь не улыбнуться. Рано, еще слишком рано для взаимности. Я все еще не знала, кто такой — Лоуренс Галлахар. Но и руки, кляня себя за мгновение слабости, отнимать не стала. Чувствовать его губы, скользящие по моей коже, видеть проникновенный взгляд, таящий в невысказанные слова и желания...

- Спасибо. — Голос мой звучал сухо — я не хотела быть неблагодарной, но и не желала давать Лоуренсу напрасных надежд. Правда, мой сдержанный тон его не обманул — уголок его губ чуть дрогнул, в глазах заплясали бесенята.

Но он тут же стал серьезен.

- Ты... действительно хочешь помочь мне с чарами Лайарой?

- Конечно, — без запинки отозвалась я. — Просто отведи меня к ней. Я все равно не собираюсь оставаться здесь больше ни минуты. Арес...

- Арес не следит за мной с тех пор, как превратил меня в мантикора, — мрачно сказал Лоуренс. — Знает, что мне от него никуда не деться. Возможно, Айлин, желая выслужиться перед новым герцогом Даневии, и докладывала ему о том, что происходило во дворце, но... благодаря тебе, этого мы можем больше не бояться.

- Значит, немедля отправляемся к Лайарой?

В лес. Такую манящую и кажущуюся близкой свободу.

Во рту вдруг пересохло.

— Да. Все необходимое для путешествия я уже собрал. Если тебе нужно...

Я мотнула головой. Ничего во дворце мне не принадлежало, а когда я покидала дом, мне не дали шанса ничего взять с собой.

- Тогда идем.

Покидая дворец со смешанным чувством радости и неверия, я поклялась самой себе, что больше никогда сюда не вернусь.

Глава двадцать седьмая. Гвендолин

Лайарой... Она была прекрасна — прекраснее любого из когда-либо виденных мной людей. Золотистые волосы, мягкими волнами спадающие до самых колен, точеная фигурка с тонкой талией, которую можно было обхватить двумя руками, чуть удлиненное лицо с большими глазами и пухлым ртом. Я никогда не жаловалась на собственную внешность, но рядом с Лайарой казалась самой себе... тусклой, блеклой.

В очередной раз удержавшись от желания поправить растрепавшуюся прическу и оправить платье, которое до знакомства с лесной нимфой сидело на мне идеально, а после — казалось едва ли не бесформенным балахоном по сравнению с коротким изумрудным платьем Лайарой, открывающим длинные и стройные ноги. Лань... Определенно, лань — вот кого напоминала мне нимфа. А я всегда восхищалась красотой и грациозностью этих миролюбивых обитателей лесных чащ.

Красавица с глазами лани слушала Лоуренса, чуть склонив золотовласую головку набок. Глаза ее заблестели, когда он упомянул о моем даре Искры.

— Вы правда готовы это сделать? — с придыханием спросила Лайарой у меня.

— Почему все спрашивают меня об этом? — несколько раздраженно отозвалась я. — Разве не для этого я была рождена — чтобы дарить другим свою силу?

Разумеется, я так не думала — несмотря ни на что, я считала только себя одну полновластной хозяйкой своей судьбы. Не знаю, что заставило меня так сказать — наверное, ослепительная и ослепляющая красота Лайарой, и слепая ревность, которую она во мне будила.

Кажется, эта загадку Лоуренс разгадал — на его губах вновь показалась дразнящая, лукавая усмешка. Я гневно фыркнула и отвернулась. Глупо, но я ничего не могла с собой поделать. Такое близкое присутствие Лайарой рядом с Лоуренсом — который и вовсе не был моим! — из хладнокровной, уравновешенной особы превращало меня в неотягощенную разумом и страдающую чувством собственной неполноценности девицу.

Это мне не нравилось, совсем не нравилось.

Я тряхнула головой, запрещая себе думать о Лоуренсе Галлахаре. О том, что у него могло быть с этой златокудрой нимфой. Мне нужно сосредоточиться на моей цели: на окончательном избавлении от оков Рэйста — лес все же находился в опасной близости от дворца, и чувствовать себя в безопасности, даже сбежав из мраморной клетки я не могла, — и... на поисках Лили. Я помогу Лоуренсу, что бы между нами ни происходило. Я искренне хочу помочь ему. Он не заслужил подобной участи. А после.... С его помощью или же без, но Лили я отыщу. Чего бы мне это ни стоило.

— Я готова отдать тебе всю свою силу до капли, если это поможет освободить Лоуренса от чар Ареса. — Прозвучало несколько двусмысленно, но мне было уже все равно. Лишь бы все это закончилось как можно скорее. Лишь бы оказаться как можно дальше от стен, которые хранят не самые приятные воспоминания...

— Хорошо, — кивнула нимфа. — Тогда не стоит медлить. Я начну ритуал, и как только... — Она замаялась. — Честно говоря, прежде я только слышала о Искрах, но никогда не видела их воочию. И потому не знаю, как работает их дар.

— Не переживай, для меня это не впервые, — сухо сказала я. И хотела бы я быть приветливой с Лайарой, но отчего-то не получалось.

Нимфа снова кивнула. Жестом заставила Лоуренса стать прямо — мы находились на небольшой полянке в лесу — и начала плести тонкое кружево чар. Могу поклясться, что видела золотистое свечение, исходящее от ее кожи и делающее золотые волосы ослепительней вдвойне. Она словно бы светилась изнутри, когда призывала магию, будто сила родного леса — ее дома, ее обители, наполняла ее светом.

Я связала нас друг с другом, пока Лайарой развязывала узы Лоуренса и Ареса, и прежде, чем почувствовала, как она слабеет, увидела, как меркнет исходящее от нее сияние. По связывающим нас призрачным, незаметным человеческому глазу нитям, я направила свою силу нимфе.

Она снова засияла, как десятки маленьких солнц. Глаза заблестели, на побледневшие щеки вернулся румянец. Сейчас мы образовывали некое подобие треугольника, вершиной которой был Лоуренс. Такой странный, такой необычный тандем...

Я не видела того, что видела Лайарой, и потому не могла сказать, как продвигается расплетение чар Ареса. Но когда она опустила руки и с усталой улыбкой взглянула на меня, я поняла — все закончено. Лоуренс свободен.

Мы с ним были подобны двум птицам, которых посадили в клетки, но которые нашли способ наконец-то из них выбраться. Чары Рэйста больше не были властны надо мной, как чары Ареса — над Лоуренсом. И только его проклятие, увы, оставалось неизменным.

Это и побудило меня задать вопрос Лайарой, когда все благодарности были розданы:

— Так что теперь? Нам искать Хозяйку леса?

— Это единственный способ, другого я не знаю, — призналась она. — До Наяронского леса не так далеко...

— И все же нужно поспешить, — встрял Лоуренс. — Когда Арес поймет, что его чары разрушены, он легко может догадаться, что я предприму. И... Лайарой... тебе надо быть очень осторожной. В своем гневе Арес безумен — он может пойти по следу того, кто помог мне освободиться.

— Я буду осторожна, — приподняв уголки губ, пообещала нимфа. — Лес защищает меня.

— Но достаточно ли этой защиты, чтобы укрыться от Ареса? Его магия сильна, а твой дом не так уж велик, да и покинуть его ты не можешь.

Лайарой лишь улыбнулась. Шагнула назад, к величественному дубу, прижалась к нему спиной. В следующее мгновение по ее коже, вдруг ставшей почти прозрачной, пробежали молодые побеги — как струи дождя по стеклу. Тонкие веточки оплели ее руки и ноги, мягко обвились вокруг талии. Золото волос сменилось ярко-зеленым цветом — цветом дубовых листьев. И нимфа просто... исчезла, став с дубом — королем лесной чащи — единым целым.

С моих губ сорвался восхищенный вздох, и даже Лоуренс, как мне казалось, знавший больше меня о нимфах, выглядел изумленным. Мгновением спустя дуб расплел свои мягкие объятия, и Лайарой вновь появилась перед нами.

- Видите. Мой лес — моя крепость, — чуть смущаясь, сказала она.

Того, что произошло дальше, я и вовсе не ожидала. Лайарой склонила голову набок и протянула вперед ладонь. Из ниоткуда — казалось, просто из воздуха — возник рой то ли светлячков, то ли и вовсе волшебных созданий, их напоминающих. Маленькие, с полнотка, с прозрачными крылышками, они сияли так ярко, что хотелось зажмуриться. Неведомые лесные существа опустили на ладонь Лайарой, окружив ее плотным коконом. А она шагнула ко мне и мягко коснулась... моей щеки.

Я почувствовала упоительное тепло и легкую, вызывающую улыбку, щекотку. Крылья светлячков мягко касались моей кожи, а исходящее от них свечение слепило. Я закрыла глаза, а открыв их снова, увидела, как из ближайшего ручья в руку Лайарой перетекает струя воды. Двигается по спирали и опадает вниз, чтобы оставить в руках нимфы некое подобие зеркала. Такое отражение обычно видишь на поверхности воды — немного зыбкое, подернутое рябью, оно все же позволяло разглядеть... что ожога на щеке у меня больше не было. Вместо уродливого шрама — гладкая девичья кожа.

Немыслимо. Невероятно.

Лайарой исцелила меня... несмотря на то, что мое поведение вряд ли можно было назвать хоть сколько-нибудь дружелюбным.

Я подняла голову, но прежде, чем «спасибо» сорвалось с моих губ, нимфа покачала головой и сказала:

- Не нужно благодарностей. Ты помогла мне освободить друга — человека, который однажды спас меня от верной гибели. Я же помогла тебе — и это самое малое из того, что я хотела бы для вас сделать.

- Не говори так, — Лоуренс качнул головой, — ты очень нам помогла.

Нимфа улыбнулась.

- Найди Хозяйку леса, освободись от проклятия. И больше никогда сюда не возвращайся. Это... слишком опасно для тебя.

И снова Лоуренс был с ней не согласен.

— Я вернусь однажды, когда наберу достаточно сил, чтобы остановить Ареса. Даневия отдана во власть тирану

- и по моей вине тоже. Потому, что вовремя я не вмешался. Но однажды свою ошибку я исправлю. Просто не могу с ней жить. Жить со знанием, что я обрек людей на гибель, и ничего не сделал, чтобы это прекратить... я не смогу.

— Тогда до встречи, Лоуренс Галлахар, — с улыбкой отозвалась нимфа. Повернулась, взглянула на меня своими огромными глазами цвета речной волны. — Прощай или до встречи, Гвендолин.

Я поколебалась, прежде чем ответить. И сказала, вкладывая в банальные слова особый смысл:

— До встречи.

Глава двадцать восьмая. Лили

Все свободное время я старалась посвящать тренировкам, и, как поведал мне Тейт, начала делать определенные успехи. Конечно, по ловкости и скорости я сильно проигрывала ему, но... определенно прогресс ощущался.

Наконец наш долгий путь закончился — у огромного лагеря, где обитали шаманы. Он состоял из множества палаток, разбросанных в беспорядке по долине. Как объяснил мне Тейт, в отличие от большинства кланов, шаманы не любили селиться в городах и деревнях, предпочитая более скромные условия. Одеты они были соответственно: мужчины — в кожаных набедренных повязках, женщины — в них же и кожаных лентах, обтягивающих грудь. На их телах и лицах были нанесены различные узоры. На груди — всевозможные амулеты, бусы, ожерелья.

Появление в клане чужаков удивило шаманов. Один из них подошел к нам и поинтересовался, с какой целью мы прибыли на землю их клана. Чувствовалось, что наш язык ему хоть и знаком, но чужероден. Понять сказанное мешал и странный акцент, из-за которых речь шамана была едва разборчивой.

— Нам нужна ваша помощь, — ответил Тейт и, к моему изумлению, заговорил на чужом языке, хотя и с некоторыми паузами и запинками.

Не знаю, что именно он говорил, но во взгляде шамана появился интерес. Он осмотрел нашу странную четверку и сказал, обращаясь ко мне, Грегу и Гастеру:

— Раз так — проходите в лагерь и будьте нашими гостями.

Нас провели в самый центр лагеря, где возвышалась каменная статуя, изображающая человека со змеиной головой. Его рука была протянута и сжата в кулак таким образом, что казалось, будто он должен что-то нести, хотя руки змееголового человека были пусты. Заметив наш интерес, вождь клана — тот самый, что первый подошел к нам, сказал:

— Это наш бог, которому мы поклоняемся со времен возникновения мира, Танку-Нату.

Шаман представился Пако-Ташем и провел нас в свой просторный шатер. Смуглолицая, тоненькая девчушка с черными волосами, заплетенными в десятки косичек, налила нам резко пахнущего травяного чая.

Пако-Таш и Тейт беседовали на языке шаманов, пока мы втроем с Грегом и Гастером попивали чай. Любопытство жгло меня изнутри — ведь от того, отдадут ли шаманы Белую Слезу Персефоны Тейту, зависело очень многое, — но, увы, я не понимала ни слова. Приходилось гасить в себе нетерпение и ждать, когда ситуация хоть немного прояснится.

Под конец разговора лицо Пако-Таша помрачнело. Он бросил Тейту пару резких фраз, поднялся и вышел из шатра.

— Что он сказал? — встрепелась я, отставляя в сторону глиняную чашу с травяным чаем.

— Он не может отдать нам Белую Слезу, — со вздохом сообщил Тейт. — Сейчас их клан очень слаб. Для ритуальной магии требуются специальные атрибуты, артефакты и ингредиенты, которые и нужны для исполнения ритуала. Но с помощью их одних шаманы могут сотворить лишь несложные заклинания. Их магия... истончается. И виной тому — разрушенный варварами тотем, в котором содержалась часть души их бога, Танку-Нату. Ты видела его статую в центре лагеря. Сейчас тотем шаманам заменяет найденная ими Слеза Персефоны. Они не могут ее лишиться. Пусть Слеза действует хуже тотема, она защищает

шаманов от элькхе, с которыми они враждуют уже не первый год. Со Слезой и ее живительной силой у шаманов больше шансов выстоять против разрушительной магии варваров.

На лицах Грега и Гастера отразилось разочарование. Я спросила безо всякой надежды:

— Тотем Танку-Нату существует только один?

Тейт внезапно улыбнулся краешком губ. Эта улыбка пробудила во мне надежду, что, быть может, не все еще потеряно.

— Изначально их существовало три, у каждого из кланов шаманов, разбросанных по Непримирым Землям, — отозвался он. — Один уничтожен элькхе, второй находился в сгнувшем городе Агора, который был разрушен вспышкой темной магии. Шаманы пытались собрать тотем по кусочкам, но увы, он лишился своей божественной силы.

— А третий? — с замиранием сердца спросила я.

— А вот тут-то и начинается самое интересное, — невесело хмыкнул Тейт. — Третий тотем находится в кургане Рахма-Даш, в месте погребения третьего клана шаманов. Несколько лет назад элькхе выгнали шаманов с юга Непримирых Земель, чтобы сделать эти земли своими. Шаманам под предводительством Пако-Таша пришлось перебираться на новое место — и они пришли на землю уже уничтоженного клана шаманов. Сюда, в долину Кейас.

Я потрясла головой.

— Не понимаю. Если тотем, который настолько сильно нужен шаманам, находится так близко от них... почему они просто не заберут его из кургана?

— Не все так просто, — вздохнул Тейт. — Вторжение в курган Рахма-Даш — это осквернение памяти находящихся там духов шаманов. Один из шаманов, послушавшись приказа Пако-Таша, все же спустился в курган, когда они только прибыли в долину.

— И? — Грег даже подался вперед в ожидании ответа Тейта.

— На следующее утро его нашли у входа в курган. Ни тяжелых ран, ни малейших повреждений — казалось, его тело просто покинула душа. Пако-Таш считает, что это сделали духи. Именно из-за их враждебности шаманы не только никогда больше не помышляли спуститься и забрать тотем — они даже не смогли похоронить там людей их клана. По всей видимости, духи шаманов не хотят видеть в кургане чужаков. Возможно, виной тому наложенное на них при жизни заклятье, превратившее их в агрессивных неупокоенных духов. Пако-Таш наотрез отказался спускаться в курган — он боится, что духи могут отомстить живым, наслав на них проклятье и тем самым обречь на погибель целый клан. Я же предложил нашу помощь. Если люди Пако-Таша согласятся, мы спустимся в курган и заберем тотем.

Вождь шаманов отдал приказ находящимся поблизости шаманам созвать всех жителей долины перед статуей Танку-Нату, чтобы решить судьбу тотема. Шаманы долго совещались, не решаясь нарушить собственное табу и позволить чужакам войти в священный курган. О том, чтобы войти туда самим, и речи не шло. В конце концов, они приняли решение позволить нам забрать и принести им то, что по праву им принадлежало.

- Мы скоро вернемся, — повернувшись ко мне, пообещал Тейт.

- Верю, поэтому я отправлюсь вместе с вами.

Мой ответ Тейта изумил.

- Нет, Лили, ты не можешь...

- И отчего же?

- ...Ты не можешь так рисковать собой. Я не позволю.

Я уперла худые кулачки в бока, стараясь выглядеть решительной и грозной.

— А я не позволю тебе мной командовать!

— Лили...

Я понимала, насколько это было опасно, но не могла оставаться в стороне. Ведь от того, отдадут ли шаманы нам Слезу Персефоны, зависела не только судьба армии Ингвара, но и судьба всей Даневии... и наша с Гвендолин тоже. Если Ингвар не заполучит Слезу, то он не сможет пойти войной на замок Ареса — а значит, я могу никогда больше не увидеть сестру.

После потери отца... еще одну потерю мне просто не пережить.

Я и так держалась из последних сил, повторяя самой себе, словно заведенная, что Гвенжива, и я буду искать ее, пока не найду. И знаю — меня она ищет тоже. Но неопределенность и страх за нее сводили с ума. Ведь она там — в самом логове зверя, врага, смертельно опасного тирана. Я просто не могла оставить все как есть. Не могла просто стоять и ждать, пока Тейт будет рисковать жизнью в злополучном кургане. И да, в этот момент я хотела быть рядом с ним. Не знала точно, как трактовать свои чувства и эмоции, но... я должна была быть рядом.

- Ты учил меня сражаться, — с нажимом сказала я. — И говорил, что у меня хорошо получается. Что с каждым днем, с каждым часом, я становлюсь сильнее. Ты мне врал?

- Нет, конечно, нет! — воскликнул Тейт. Ему совершенно не понравился, в какую сторону повернул наш разговор.

- Но я не хочу, чтобы ты лишний раз подвергала себя опасности!

— А мне надоело, что все всегда решают за меня, что мне нужно делать! Отец, Гвендолин, ты... Я не хочу быть слабой, мне надоело быть слабой!

- Ты не слабая, лисичка.

- Значит, не хочу чувствовать себя таковой!

Грег и Гастер деликатно отошли в сторону, позволяя нам выяснить отношения без посторонних ушей и глаз, за что я была очень им благодарна.

Тейт попытался убедить меня в своей правоте, но я была непреклонна.

- Ты учил меня сражаться. Возможно, настало время проверить, на что я способна.

- Но не так! В тренировочном бою — возможно, но не в бою с агрессивными духами!

- Тренировочный бой ни за что и никогда не подготовит меня к настоящей опасности, — возразила я. — Я буду знать, что в случае чего ты мне поддашься, буду знать, что моей жизни на самом деле ничего не угрожает. А значит, все это будет не взаправду — постановочной сценой, игрой, но не настоящим боем.

Удивительно, но на это Тейту ответить было нечего.

- Я вижу, что все мои попытки переубедить тебя обречены на провал, — глухо сказал он. — Тогда пообещай, маленькая упрямецка, что не будешь отходить от меня ни на шаг. Дай мне хотя бы шанс защитить тебя — магией или силой, если это будет необходимо.

Я покусала губу. Вскинула голову, заглядывая в голубые глаза, горящие такой искренней тревогой.

- Хорошо. Я буду рядом.

Глава двадцать девятая. Гвендолин

Непростой путь до Наяронского леса был наполнен ощущением свободы — мне казалось, что за моей спиной выросли крылья, которые гнали меня вперед. Я хотела оказаться как можно дальше от дворца Ареса, и наслаждалась пониманием, что отныне я свободна и могу идти и делать все, что захочу.

Единственное, что омрачало мое существование — мысль о том, что Лили похвастаться подобным не может. Кто бы ни выкупил ее на невольничьем рынке, свободы он ей не даст. И это была еще одна причина — помимо нежелания, чтобы Арес напал на наш след — как можно быстрее оказаться в Наяронском лесу и встретиться с его Хозяйкой.

Мы шли всю ночь и хотя мои глаза слипались, останавливаться я не собиралась. Не хотела, чтобы Лоуренс считал меня слабой. Но сделать привал нам все же пришлось, когда до рассвета оставалось несколько часов. Лоуренс умело разжег костер, и я придвинулась к нему поближе, чтобы разделить тепло на двоих. Он приобнял меня и стало так хорошо, уютно... словно я вдруг оказалась дома, в своем прошлом, где был камин, а папа рассказывал нам с Лили, несмышленным девчушкам, истории о мире под названием Эйос. Мире противоречивом, подчас опасном, но таком родном...

Глядя на завораживающий танец языков пламени костра, я, кажется, задремала. Очнувшись, обнаружила, что моя голова уютно покоится на крепком плече Лоуренса, а его рука обвивает мою талию. Я вскинула голову, и наши губы оказались так близко... Разморенная теплом, убаюканная треском поленьев и доносившимся из кустов стрекотом, я позволила себя поцеловать. Словно нырнула в ласковые воды, в которых мне хотелось раствориться. Быть рядом с ним, ощущать его кожей и губами было так восхитительно и так... правильно. Я закрыла глаза и запечатала мысли в своем сознании, которые могли бы помешать мне насладиться этим сладким моментом.

Забывать о прошлом, не думать о будущем. Сосредоточиться только на мгновении настоящего, которое так быстротечно. Я заслужила этот миг гармонии и всепоглощающего счастья. Мы оба заслужили.

Лоуренс отстранился, и что-то внутри меня, глубоко сокрытое, замерзло. Снова хотелось нырнуть в тепло его объятий, в глубину влюбленного взгляда... Влюблен... Он действительно в меня влюблен.

— Скоро я перестану быть самим собой, — хрипло сказал Лоуренс, нежно касаясь моей щеки тыльной стороной ладони.

Я чуть наклонила голову, нежась этой невинной лаской и взглядом требуя еще. Но слова Лоуренса меня отрезвили. Перехватив его ладонь, я легонько ее сжала.

— Ты не перестанешь быть собой, — горячо возразила я. — Просто поменяется твое обличье. Это не страшно...

— Я стану чудовищем, — резко прервал он.

— Мантикор — не чудовище. Он спас — ты спас — меня от неупокоенного, помнишь? И... ты по-своему прекрасен даже в обличье дикого зверя. И в мантикоре... в тебе есть многое от льва, а я всегда восхищалась ими.

Лицо Лоуренса немного расслабилось, морщинка, пролегающая меж густых бровей, исчезла.

— Значит, ты не будешь ревновать меня к какой-нибудь львице? — негромко

рассмеялся он. И только я собиралась улыбнуться и ответить ему в подобном шутливом тоне, добавил: — Как ревновала меня к Лайарой?

Я задохнулась от возмущения.

— Что за глупость!

— Я видел, как ты смотрела на меня и Лайарой. Ты ревновала.

— Не ревновала! — возмущенно воскликнула я. — Что за глупость!

— Милая, ты повторяешься, а это лучшее доказательство моей правоты, — уголок губ Лоуренса, что совсем недавно меня целовали, изогнулся в лукавой улыбке.

Мое сердце дрогнуло. Милая... Он впервые так меня называл. Купаясь в волнах неги, я поняла, что не могу больше протестовать: я сама же себя и выдала.

— Ну хорошо, может, самую малость, — сердито сказала я.

Лоуренс рассмеялся, но его улыбка быстро растаяла — при первом же взгляде на светлеющее небо. Он коснулся моих губ быстрым поцелуем и горячо зашептал:

— Я прошу тебя только об одном. Не бойся меня. Я никогда не причиню тебе боли.

Я смогла ему это обещать.

Как только на остывшую за ночь землю упал первый луч солнца, Лоуренс поспешил уйти — не хотел, чтобы я видела его перевоплощение. Боялся ранить? Боялся, что эти картины останутся в моей памяти навсегда и невольно будут всплывать в минуты нашей близости? Если так, то он боялся напрасно.

Но я не пошла за ним, понимая, как важно для него сейчас уединение. Я ничем не помогу ему, если заставлю его чувствовать себя униженным. Моя поддержка пригодится ему позже, когда...

Ветки ближайших кустов зашевелились и раздвинулись. Показалась уже хорошо знакомая мне львиная морда. Янтарные глаза смотрели на меня неотрывно, крылья жались к бокам.

— Подойди ко мне, — попросила я Лоуренса. Он все еще стоял там, наполовину пряча тело в кустах, так похожий на испуганного зверька, готового при малейшей опасности спрятаться, скрыться. Лоуренс не был труслив, но я знала, что мое равнодушие или — хуже того — отчуждение наверняка его ранит.

Мантикор подошел ко мне, ткнулся носом в мою шею. Рассмеявшись негромким смехом, я обвила его руками. Это все еще Лоуренс — человек, заставляющий мое сердце биться чаще, а мысли — путаться в голове. Он не виноват в том, что с ним сотворили.

Так мы и сидели, пока усталость окончательно не взяла надо мной вверх. Засыпала я, чувствуя боком теплый бок мантикора и как плащом, прикрытая его крылом.

Глава тридцатая. Гвендолин

Она спикировала прямо с неба на опушку, где отдыхали я и Лоуренс, магией рассвета превращенный в мантикора. Гарпия... Я впервые видела ее воочию — прежде мне не приходилось покидать пределы родного города, и со смесью изумления и отвращения смотрела на широкие птичьи крылья, лапы грифа, оканчивающиеся длинными когтями... и уродливую женскую голову с разинутым, словно пасть, ртом.

Бросившись к лежащим на земле ножнам, я выхватила меч Лоуренса — полыхающая в глазах гарпии алчная ярость не оставляла сомнений в ее намерениях. И пусть я не была таким умелым бойцом, как Лоуренс, не могла позволить полуженщине-полуптице себя победить.

Вот только Лоуренс не дал мне возможности показать, на что я способна. Издав устрашающий рык, он набросился на гарпию, когда она застыла на небольшом расстоянии от земли. Полная острых зубов пасть сомкнулась на лапе гарпии, прикусила, заставив крылатого монстра завопить от боли. Мантикор с силой рванул гарпию на себя, резким движением головы заставив ту удариться крылом о землю. Послышался тошнотворный хруст. Гарпия снова завизжала — звук был невозможно высокий, на грани слышимости, режущий слух.

Она попыталась подняться, но Лоуренс был быстрее. Разомкнув пасть, набросился на гарпию. Они покатались по земле, молотя друг друга крыльями и лапами с выпущенными когтями.

Я стояла, сжимая в руках меч, и понимала, что воспользоваться им мне не удастся — слишком велик шанс задеть Лоуренса. И вместе с тем я ни капли не сомневалась в том, что он прекрасно справится и без моей помощи.

Так и вышло — не прошло и минуты, как, тяжело дыша, он обессиленно опустился на землю рядом с бездыханным телом уродливой полуженщины-полуптицы с перебитым крылом.

Произошедшее не заставило меня взглянуть на Лоуренса другими глазами, но уверило в мысли, что он всегда готов закрывать меня своей спиной — и в человеческом обличье, и в обличье зверя. Он уже дважды спасал мне жизнь, и я не могла оставаться к этому равнодушной.

— Спасибо, — тихо сказала я с наступлением заката — когда Лоуренс вновь стал человеком.

Он поднял голову, заглянул в мои глаза.

— Я готов жизнь за тебя отдать, Гвендолин.

Это признание, этот взгляд, говорящий о его чувствах лучше любых слов, окончательно развеяли призраков прошлого в моем сознании. Его родство с Аресом, провальная попытка остановить брата, ставшего деспотом и завоевателем, не ведавшим жалости и сострадания... все это стало неважным. Я же видела истинную сущность Лоуренса и не видела ничего общего с тем, что успела нарисовать в своем воображении в момент, когда узнала о его родстве с самозванным герцогом Даневии.

Лоуренс... мой Лоуренс был искренним, заботливым, нежным, готовым защищать меня до последнего вздоха, до последней капли силы... И я была безмерна благодарна судьбе за то, что обрела защитника, друга... любимого.

Я уговаривала Лоуренса переждать ночь и отправиться в путь уже утром, но он наотрез отказался, хотя и держался из последних сил.

— Мы не знаем, как далеко зашли цепные псы Ареса в попытках нас отыскать, — хрипло сказал он. И мне на это возразить было нечего. — Нужно идти.

Но в попытке противостоять мне, когда я вознамерилась отдать ему частицу своих сил, Лоуренс потерпел сокрушительное поражение. Не слушая его протестов, что рядом с ним я должна быть его женщиной, но не его Искрой, я переплела наши жизненные нити и укрепила сиянием своего дара бледную, истончившуюся нить, делясь Лоуренсом частью своей силы. Впервые я поняла, как приятно делиться магией с кем-то, кто стал тебе таким близким и таким родным.

Мы вновь продолжили путь, не зная, что будет там, впереди, за новым поворотом. Когда для Лоуренса настала пора перевоплотиться, я была рядом с ним. Гладила по львиной шкуре, запутываясь пальцами в гриве, шептала на ухо успокаивающие слова. Все закончится, скоро — я верю в это — все закончится. Проклятие спадет, мы найдем Лили и остановим Ареса, и больше между мной и Лили, и между мной и Лоуренсом не будет никаких преград. Только тихая гавань под названием «счастье».

На закате третьего дня, минувшего с нашего побега, мы подошли к Наяронскому лесу, где, по заверениям Лайарой, жил едва ли не единственный человек, способный снять с Лоуренса проклятие.

Я переждала, когда он из мантикоры обернется человеком, и спросила, неосознанно снижая громкость голоса:

— Как мы будем искать Хозяйку Леса?

— Не думаю, что для этого нужны премудрости — если я правильно понял Лайарой, то Хозяйки Леса в десятки раз могущественнее нимф, и если даже последние могут слышать голоса родного леса, которые доносят до них ветра, шелест листвы и животные, то Хозяйки Леса и подавно знают обо всем, что происходит в их обители.

— И что нам теперь, просто ждать? — нахмурилась я.

Другой идеи ни у кого из нас не было. Пришлось, скрепя сердце, согласиться на привал, хотя оба мы не устали и готовы были идти хоть всю ночь. Вот только куда?

Лоуренс отправился добывать ягоды — наши припасы закончились, а в темноте не поохотишься, я же в это время на разожженном им костре кипятила воду из ручья. Мы быстро съели наш скромный ужин — ягоды и остатки взятого Лоуренсом хлеба. Меня разморило от сытости и тепла костра, и я привычно устроилась в уютных объятиях Лоуренса, опираясь на его грудь и полусонным взглядом глядя на пламя. Но сон слетел с меня, как легкая накидка, когда за моей спиной раздались шаги.

Мы обернулись почти одновременно — чтобы в неровном свете луны увидеть выходящую из-за деревьев стройную фигуру, принадлежащую молодой девушке с волосами до плеч и длинном платье то ли белого, то ли серебристого цвета. Когда она подошла ближе, я сумела разглядеть ее лицо: не красивое, но привлекательное, сияющее молодостью и энергией. Чуть насмешливый взгляд темных глаз остановился на лице Лоуренса.

- Я знаю, что вы пришли в мой лес, чтобы меня увидеть. Вот только не знаю, зачем.

Голос негромкий, но мелодичный, словно журчание ручья.

— Хозяйка Леса...

Она спокойно кивнула. Лоуренс поднялся, шагнул вперед, чуть закрывая меня своим плечом.

- На мне наложено проклятие. Другой, уже погибшей Хозяйкой Леса. Каждый рассвет я превращаюсь в мантикора и становлюсь человеком только с наступлением заката. Это... мучает меня.

- И ты хочешь, чтобы я сняла с тебя проклятие? — со странной интонацией спросила Хозяйка Леса.

- Хочу.

— А с чего ты решил, что я сделаю это ради тебя, незнакомца? — Чуть наклонив голову, она лениво изучала Лоуренса взглядом.

В груди защекотал холодок. И правда — а с чего мы взяли, что Хозяйка Леса тут же возьмется нам помочь? Мы были излишне самонадеянны...

Женщина в белом вдруг рассмеялась — кажется, растерянность, написанная на наших лицах, ее забавляла. Подошла поближе, обошла нас кругом, бросая на нас задумчивые взгляды.

- Хотя знаете ли... Возможно, я все же помогу вам — но только если вы сначала поможете мне. Я вижу насланные на тебя чары, и в моих силах распутать их. Но я сделаю это только после того, как будет выполнена ваша часть сделки.

Мне это не нравилось. Совершенно не нравилось. Что-то в выражении лица и тоне Хозяйки Леса подсказывало мне — выполнить ее просьбу будет нелегко.

Она остановилась напротив меня, заглянула мне в глаза — долгим, изучающим взглядом.

- Он не подойдет, но ты... В тебе есть сокрытая сила, которая требует выхода. Ты ведь Искра, верно? И... не просто Искра.

Я, передернув плечами, кивнула. Приходилось привыкать к мысли, что для некоторых людей моя истинная сущность не оставалась тайной. Вот только далеко не все могли разглядеть за даром Искры мой собственный дар, дар пусть и не слишком сильной, но менталистки. Слепому в тот памятный и страшный день, навеки выжженный в моей памяти, это не удалось — или же он и не особо пытался. Но вот Хозяйка Леса...

Она увидела больше, чем обитатель Земель Лишенных, и это заставляло задуматься: каковы границы ее сил? Хозяйка Леса представлялась мне не только могущественной, но и... опасной. И, по воле судьбы, именно она — только она одна — могла помочь Лоуренсу избавиться от проклятья.

- На что ты готова ради него? — вкрадчиво спросила Хозяйка Леса. В ее распахнутых изумрудных глазах застыло предвкушение.

Я взглянула на Лоуренса — на человека, который за короткое время стал так близок моему сердцу. На человека, жизни без которого я уже не представляла.

- На все, — просто ответила я.

Что-то зажглось в его глазах — что-то глубинное, не поддающееся определению. Благодарность? Нет. Любовь?

Я перевела взгляд на Хозяику Леса. Выглядела она довольной — казалось, она и вовсе не сомневалась в моем ответе. Неужели видела меня насквозь? Это пугало и отталкивало, но отступить, когда освобождение так близко, я не собиралась.

- Что мне нужно сделать? — ровным тоном спросила я.

Я ожидала услышать все, что угодно — кроме того, что услышала.

- Шагнуть в Царство Теней.

За моей спиной протяжно выдохнул Лоуренс, у меня же на дыхание не хватило сил.

Отправиться в Царство Теней... к самому Аиду? Сказанное Хозяйкой Леса не желало укладываться у меня в голове.

- К сожалению, я не могу навестить туда сама — моя стихия мне не позволяет. Магия природы, олицетворяющая жизнь, с начала времен враждует с магией смерти. Но я могу открыть дверь для тебя и укажу тебе путь. Все, что тебе нужно — принести мне Черную Слезу Персефоны.

Персефона... Ее историю нам с Лили нередко рассказывал отец. Прекрасная и таинственная девушка, в которую однажды влюбился Аид — сам властитель Царства Теней. Он был покорен ее красотой, одержим ею — настолько, что даже осмелился ее похитить. Много позже, года спустя, Персефона поддалась чарам Аида и увидела его истинную сущность, которая скрывалась за маской жестокого властителя мира мертвых. Она стала его супругой и правительницей Царства Теней.

Вот только о слезах Персефоны я слышала впервые.

- Черная Слеза обладает уникальной магией, подобной которой не существует в природе. Благодаря ей я смогу возродить к жизни своего любимого. — Хорошо поставленный, уверенный голос Хозяйки Леса сменился шепотом

- будто она говорила с самой собой. Мне даже показалась, что в ее глазах блеснули слезы. Так это или нет, но она быстро взяла себя в руки. Вскинула голову и послала мне острый, как лезвие клинка, взгляд. — Ты пойдешь на это? Принесешь мне Черную Слезу Персефоны из Царства Теней?

- Гвендолин, это может быть слишком опа...

- Принесу, — твердо ответила я, обрывая Лоуренса на полуслове. Опасно или нет, но я это сделаю.

В этот миг я поняла, что у нас с загадочной и подспудно пугающей Хозяйкой Леса куда больше общего, чем мне казалось поначалу. Она хотела спасти любимого, как и я, и это лишний раз стало доказательством тому, что даже сильные этого мира не лишены человеческих слабостей — привязанностей... любви...

- Тебе лишь нужно будет взять ее и принести сюда, и ничего большего. Когда ты окажешься в Царстве Теней, постарайся вернуться как можно скорее. Не задерживайся и не оглядывайся назад — каждое мгновение промедления равносильно смерти. Если духи схватят тебя, ты уже не вернешься назад.

Лоуренс выступил вперед, взял меня за плечи и развернул к себе.

- Я не хочу, чтобы ты это делала, слышишь? Это слишком опасно — если пленники Царства Теней утянут тебя на дно, ни я, ни Хозяйка леса освободить тебя уже не сумеем! Гвендолин, ты просто умрешь! А я... я не могу тебя лишиться.

Я мягко высвободилась и, положив ладонь на его грудь, вкрадчиво сказала:

- Я буду осторожна, обещаю. Лоуренс, это шанс для нас двоих — шанс на долгое счастливое будущее. Я не боюсь тебя в твоём заколдованном обличье, но это... Лоуренс, это лишь половинчатая жизнь. А с тобой я хочу жизни полноценной.

Он понимал, что я права — я видела это по его глазам. По мученической гримасе, появившейся на красивом лице. Так не могло продолжаться вечно — его проклятие встало стеной между нами, как бы я ни хотела его не замечать.

- Я хочу пойти с ней. — На скулах Лоуренса играли желваки, все лицо превратилось в напряженную маску. Хозяйка Леса покачала головой.

- Это невозможно. Наложённые на тебя чары имеют ту же природу, что и моя магия. Она не пропустит тебя в Царство Теней... пока ты жив. А мертвым нам обоим ты бесполезен, — усмехнулась она.

Я гневно прищурила глаза — ехидные слова Хозяйки Леса совершенно мне не понравились. Но она осталась бесстрастной — чувства незнакомки, Искры, совершенно ее не волновали. Я же воочию видела борьбу, что происходила сейчас внутри Лоуренса. Он не хотел отпускать меня одну... но и со мной отправиться не мог. Не хотел подвергать меня опасности... но и оставить все как есть было невозможно.

Как и я, он хотел для нас двоих лучшего будущего.

Я нежно взяла его лицо в свои ладони и шепнула:

- Ты доверяешь мне?

- Конечно, доверяю.

- Ты веришь в меня?

- Верю, — без промедления ответил он.

Этого мне было достаточно. Как бы сильно я ни была влюблена в Лоуренса, я бы никогда не смогла быть с человеком, который считал меня слабой и неспособной за себя постоять. Иметь защитника, такого как Лоуренс — чудесно, но я никогда не хотела быть той, что вечно прячется за спиной своего мужчины.

- Тогда отпусти.

Я видела по его глазам: этот бой я выиграла.

- Просто поклянись, что вернешься ко мне — целой и невредимой, — тихо сказал Лоуренс.

Я ответила без промедления:

— Клянусь.

Глава тридцать первая. Лили

Пако-Таш провел нас к кургану Рахма-Даш, который и впрямь оказался очень близко — на окраине лагеря шаманов. Вход в курган начинался прямо в холме. Открыв засовы каменной двери, вождь шаманов пожелал нам удачи.

— Будьте осторожны, — добавил он, нещадно коверкая слова, — вы для духов шаманов, обитающих там — чужаки, и щадить вас они не будут, не важно, с какой целью вы прибыли.

Каменная дверь за нами закрылась. Мы очутились в узком каменном коридоре со ступенями, уходящими вниз. Единственным источником света были факелы в руках Тейта и Грега.

— Слышите? — замерев, спросил Гастер.

Прислушавшись, я и впрямь услышала что-то — странный свист, раздающийся неподалеку.

— Приготовьтесь, — шепнул Тейт.

Почти одновременно они с Грегом вложили факелы в специальные крепления на стене и вынули мечи. И вовремя — на них надвинулась призрачная фигура. Но завидев меня — и, по всей видимости, посчитав более легкой жертвой, — дух тут же свернул с пути. А затем и вовсе... исчез. Пока мы ошеломленно вертели головами, пытаюсь отыскать след испарившегося духа, он появился снова — в полшаге от меня. Протянул руку, и в тот же миг я почувствовала невыносимый холод, пронизывающий до костей и приносящий нешуточную боль. Я застонала, опускаясь на пол, не в силах сопротивляться этой боли.

Разозлившись, Тейт набросился на духа и рассек мечом призрачное тело — от живота до самого горла. Зашипев, дух опал на землю кучей серебристого пепла.

— Ты в порядке? — склонившись надо мной, обеспокоенно спросил Тейт.

— Жить буду, — я слабо ему улыбнулась. И добавила, храбрясь: — Ничего, впредь он меня врасплох не застанет.

Сдернув с пояса подаренные Тейтом кинжалы, которые прежде носил он сам, я вслед за мужчинами начала спускаться вниз по каменным ступеням. Идущие впереди Грег и Тейт настороженно вглядывались в темноту, Гастер замыкал шествие, тем самым защищая меня от возможного удара сзади.

Пока мы достигли конца лестницы, пришлось выдержать атаку еще нескольких духов. Как и обещала, я старалась не лезть на рожон и не мнить себя великой воительницей. Но уже совсем скоро я поняла, насколько хорош и крепок наш тандем с Тейтом — пока он схлестывался в битве с духом лицом к лицу, пытаюсь разозлить призрачного противника и принять удар на себя, я дожидалась подходящего момента и вонзала в спину того кинжал. Тейт был прав... Хитрость, внезапность — вот мое преимущество.

С этими духами и впрямь было что-то неладно: как поведал Гастер, глядя на кучку серебристого пепла, обычных духов убить снова не так-то просто. Но обычные духи и не нападают на людей, да и вовсе незаметны человеческому глазу.

— И как ты думаешь, что это означает? — заинтересовалась я.

— Думаю, когда элькхе ворвались в долину, чтобы очистить эти земли от шаманов, те использовали какой-то ритуал. Запретную, темную магию. Вот почему духи погибших здесь так агрессивны.

Вскоре нашим взглядам открылось некое подобие ритуального зала, в центре которого

находилась каменная статуя Танку-Нату с зажатым в руке тотемом. И десятки духов, его охраняющих. Не медля, мужчины ринулись в бой. Грег обрушил на них всю свою сокрушительную мощь, Гастер с расстояния вонзал в духов стрелу за стрелой, Тейт орудовал мечом или опалял духов огнем и молнией, а я добивала ослабленных — или поражала тех, кто вовремя меня не заметил.

Увы, вскоре стало очевидно: настоящим воином мне никогда не стать. И дело не в нехватке умений, а в том, что убивать — даже уже мертвых — оказалось для меня слишком тяжело. Руки дрожали, в горле пересохло, и перед каждым ударом я теряла драгоценные секунды — на сомнения, сочувствие... Отвращение. К самой себе. Я не хотела крови, не хотела убивать. Но и прятаться за спины других я не собиралась.

Я старалась прятать свои эмоции глубоко внутри, но все же их выдала. Или Тейт уже настолько хорошо меня знал, чтобы увидеть то, что я тщательно скрывала от посторонних.

— Тебе не нужно убивать, слышишь? — тихо сказал он после очередного смертоносного вихря. На его плечах, обтянутых рубашкой с брызгами его крови, лежал серебристый пепел — все, что осталось от духов. — Ты не обязана этого делать.

— Не выгоняй меня. — Я надеялась, что мой голос звучал твердо.

— И не подумаю. Просто... Лили, ты никому ничего не должна доказывать.

Я вздохнула. А ведь он был прав. Я сунулась в курган, даже зная, что меня там ожидает, только из упрямства и глупого желания доказать всем — и себе самой — что я могу за себя постоять. Что мне не нужна Гвен, которая всегда и всюду меня защищала. Но, возможно, быть защищенной людьми, которым дорога моя жизнь, не так уж и плохо?

Во всяком случае, это лучше, чем убивать, совершенно этого не желая.

— Ладно. Хорошо. Но... пообещай мне, что будешь продолжать меня учить. Пусть я никогда не стану воительницей и солдатом, но я должна уметь отстаивать свое право на жизнь.

— Обещаю, — легко согласился Тейт. Внезапно он притянул меня к себе одной рукой и, продолжая обнимать, поцеловал в макушку. — Лисичка, ты даже не представляешь, насколько прекрасна. Я видел воинов-женщин, уже почти позабывших о женственности и отталкивающих в своем стремлении во всем уподобляться мужчинам. Я видел роскошных барышень, капризных неженочек, которые боялись собственной тени и капли крови на уколоте пальце. В тебе же есть лучшее от каждой из них — и нежность, и сила, и решительность, и сострадание. Ты красива и телом, и душой. Я никогда не встречал такую, как ты, и знаю — никогда уже больше не встречу. Я прошу только об одном — не заставляй меня тебя потерять.

Договорив, Тейт мягко убрал руку с моей талии и направился к тотему, зажатому в каменных руках Танку-Нату. Помедлив несколько мгновений, чтобы навеки запечатлеть в своей памяти его слова, я последовала за ним.

Подойдя к статуе в центре ритуального зала, я внимательно осмотрела тотем. Он представлял собой толстый и длинный деревянный шест, заканчивающийся ритуальной маской змеи, покрытый коричневыми узорами и опутанный разнообразными амулетами. Тотем взял Грег — такая тяжелая ноша была ему по плечу. Мне же не терпелось выйти из мрачного Рахма-Даш на поверхность.

Шаманы были счастливы вновь обрести священный артефакт своего клана. Пако-Таш, подойдя к нам, с благоговением взял тотем и внедрил его на законное место — в руку каменной статуи Танку-Нату.

- Вы теперь всегда будете желанными гостями в клане шаманов, — с ноткой уважения и признательности сказал он.

Вождь и его шаманы принялись готовиться к ритуалу, призванному усилить развеянную над долиной магию. Каждый из шаманов надел, по меньшей мере, с десятков амулетов и бус. Пако-Таш подготавливал специальную смесь для рисования узоров, добавляя в большую чашу, стоящую перед собой травы, коренья, чью-то кровь и воду.

Я заморожено наблюдали за действиями клана из шатра вождя. Обходя каждого из шаманов, Пако-Таш наносил узоры на их лица и тела, тихо проговаривая незнакомые мне слова. Когда приготовления были закончены, ритуал начался. Шаманы сели на колени, образуя круг, в центре которого находилась статуя Танку-Нату, и взялись за руки. Подались вперед, произнося все те же незнакомые слова. Их бормотание все нарастало, становясь все громче и громче, пока не переросло в крик. И тут произошло то, что поразило меня до глубины души: каменная статуя Танку-Нату вдруг опустила руку с зажатым в ней тотемом, с силой ударив им о землю. Вспышка ярчайшего голубоватого цвета озарила всю долину, на мгновение меня ослепив.

Когда зрение вернулось, я осмотрела долину и увидела разбредаящихся шаманов. Ритуал был закончен.

- Это действительно был ваш бог? — не в силах этому поверить, спросила я Пако-Таша. Он лишь улыбнулся.

- Конечно. Я же говорил — в тотеме заключена частица нашего бога. Мы всегда обращаемся к нему, когда нам требуется серьезная помощь. Теперь Слеза Персефоны больше нам не нужна. Вы можете забирать ее. Надеюсь лишь, что вы используете ее силу во благо.

- У нас общий враг, — тихо сказал Тейт. — Не Арес, а тот, кем он управляет. Не знаю, какими лживыми словами или же правдивыми обещаниями он задурил головы элькхе, но они сражаются на его стороне.

- Тогда, если будет нужно, мы будем сражаться на вашей, — без раздумий ответил Пако-Таш. — Возможно, однажды наступит тот час, когда Непримиимые Земли будут принадлежать шаманам. Как это было всегда, до вторжения элькхе.

Они еще долго разговаривали о чем-то своем, прикрываясь от нас троих языком шаманов как ширмой. После чего Пако-Таш отдал нам Белую Слезу, надежно запрятанную в кулон-ракушку на золотой цепочке. Улыбаясь, Тейт застегнул цепочку со Слезой Персефоны на моей шее.

- Так будет надежнее. К тому же, она изумительно тебе подходит.

Пока мои щеки горели от смущения, Тейт произнес, обращаясь к Пако-Ташу:

- Спасибо вам за помощь, а теперь нам надо идти.

Вождь клана кивнул и протянул каждому из нас по амулету — шнурок с висящим на нем длинным зубом.

- Это небольшая защита и благословение нашего клана. Знайте — мы всегда окажем помощь тому, кто вернул нам тотем.

Попрощавшись с Пако-Ташем и его людьми, мы вновь двинулись в путь.

Глава тридцать вторая. Гвендолин

Все происходило будто в полусне — получив наше согласие, Хозяйка Леса начала вить плотную вязь из чар, которые и стали брешью — входом в Царство Теней. Мне оставалось сделать только шаг и раствориться в клубящемся сером тумане. Но Лоуренс не желал меня так просто отпускать — когда я находилась в полушаге от открытой двери в мир мертвых, он развернул меня к себе и поцеловал — долгим поцелуем, выбившим почву у меня из-под ног.

А после — шаг вперед, без промедления — чтобы не дать себе времени для страха и сомнений.

Ощущение, что я нахожусь не в реальности, а в собственном сне, усилилось, когда я перешагнула грань, разделяющую мир мертвых с миром живых. Окружающий мир — зыбкий, намеченный лишь неровными мазками — был подернут серой дымкой. Все тот же лес, но разом потерявший все буйство красок — красноту ягод, голубизну неба и зеленость листвы. Что небо, что земля — все здесь было едино — блекло и невыразительно.

Я видела размытые человеческие силуэты без лиц, все как один окрашенные в темно-серый. Они брели за деревьями, исчезали, не доходя до них, со странным звуком, похожим на шелест листвы. И еще я слышала шепот тысяч голосов, мягкими щупальцами заползающий мне в голову.

Тряхнув головой, чтобы отогнать наваждение, я расправила плечи. Пошла вперед через завесу податливого тумана, к теням — неприкаянным душам.

Хозяйка Леса обещала мне, что мой путь будет недолог — Черную Слезу Персефоны в Царстве Теней отыскал для нее уже кто-то другой. Да и, по ее словам, с этой задачей я, Искра, справиться бы не смогла. В тот момент мне многое хотелось высказать в лицо высокомерной незнакомке, но знание, что без ее помощи проклятие с Лоуренса не снять, меня остановило. Пришлось прикусить язык и оставить при себе язвительные слова, что далось мне не так-то просто.

Как будто мало мне было одного лишь пугающего факта, что придется провести в Царстве Теней несколько минут, так еще и преследовавшая меня мысль добавляла тревоги — ведь загадочный посланник Хозяйки Леса, по чьим следам сейчас я шла, так и не смог выполнить ее наказ и принести ей Черную Слезу. Я запрещала себе думать о том, отчего так случилось и что с ним стало. Знала — если я буду стоять посреди Царства Теней, оцепеневшая от страха, то ничем не смогу помочь Лоуренсу.

Я шла, про себя считая каждый свой шаг — так почему-то казалось легче. Один, два, пять, десять... Выскочившая из-за черного дерева безликая тень напугала меня так, что я чуть было не повернула назад. Глубоко втянула воздух и стояла, не шелохнувшись, пока бешено колотящееся сердце не поднялось из пяток на положенное ему место. А тень — чья-то потерянная душа — просто проскользнула мимо меня как лоскут окрашенного в серый ветра.

Еще несколько шагов, и я увидела лежащий посреди влажной, набухшей темнотой земли светящийся блик. Ровный золотистый сгусток света казался таким странным и чужеродным посреди серости Царства Теней, что приковывал к себе взгляд издалека. Даже удивительно, что блуждающие души его не замечали.

Уже не ступая размеренно и осторожно, я бросилась вперед. Наклонившись, осторожно взяла в руки источник сияния — черный осколок из неизвестного мне материала, и впрямь

по форме напоминающий слезу. Как только Слеза Персефоны перекочевала в мою ладонь, окружавшее ее свечение стало более приглушенным, мягким. А я озиралась по сторонам в тщетной попытке увидеть того, кто по наказу Хозяйки Леса побывал здесь до меня.

Нет, ничего. Ни тела, ни неприкаянной души, застывшей на месте своей гибели.

Пора было возвращаться к Хозяйке Леса. Долг уплачен, а значит, освобождение Лоуренса от проклятия совсем близко. Я развернулась и пошла назад. Успела сделать лишь несколько шагов, прежде чем услышала за спиной тоненький детский голосок, зовущий на помощь.

Не оборачивайся, Гвен, не оборачивайся.

— Помогите!

По спине пробежал холодок — столько отчаяния было в одном этом слове! Голос незнакомой девушки доносился до меня сквозь призму времени, расслаиваясь, раздваиваясь и преломляясь. От этой потусторонней какофонии мне стало не по себе.

— Прошу вас. Он меня убьет... — прошептал голос еще слабее, чем прежде.

Я не смогла этого вынести. Невзирая на предупреждение Хозяйки Леса, на понимание, что я нахожусь в царстве самого Аида, известного своей жестокостью и ненавистью к живым, на слова Лоуренса, что неприкаянные души захотят затянуть меня в бездну, ставшую им могилой, я... обернулась. Просто не могла остаться безучастной, когда за моей спиной убивали ребенка.

Пусть даже ребенок этот был уже давным-давно мертв.

Обернувшись на полный отчаяния зов, я увидела странную картину. Большая тень склонилась над маленькой, по всей видимости, принадлежащей ребенку. Возникло ощущение, что тени сливались воедино, вот только маленькая отчаянно этому сопротивлялась. Она тянулась в другую сторону, то искажаясь, то возвращаясь в привычную форму, повторяющую человеческий силуэт. Края тени рвались, чтобы мгновением спустя снова слиться.

Что-то неправильное происходило на моих глазах. И возможно в других обстоятельствах я, не зная законов этого странного места, просто прошла бы мимо... если бы не голос ребенка, ставший для меня самой тяжелой из цепей.

«Прости, Лоуренс».

Я направилась к этому странному и противоестественному тандему теней, до рези в глазах вглядываясь в их очертания. Пытаясь понять природу странной картины, которая предстала моим глазам.

Но стоило мне только подойти ближе, как большая тень, высотой и шириной подходящая крупному мужчине, распалась на лоскуты, подобные призрачным темно-серым щупальцам, которые мазнули меня по лицу. Я зашипела — щеку обожгло болью.

— Помоги... — кажется, на большее у тени-девочки просто не осталось сил.

Во мне поднялась волна злости, грозящая смести все на своем пути. Значит, для Хозяйки Леса я слишком слаба? Значит, единственная задача, с которым, по ее мнению, может справиться Искра — это быть девочкой на побегушках?

Как бы не так.

Я не была сильна в стихийной магии — да и как ее применить, когда на сотни шагов вокруг лишь серо-черное полотно пустоты, лишь притворяющейся лесом? Я мало знала о магии боевой, и в этом, увы, неприкаянной душе с жалящим прикосновением, соперницей не была.

Поэтому я призвала на помощь чары, которые были для меня родными. Дотянулась до сознания души — каким бы странным ни казалось объединение этих понятий, я не знала, как назвать это иначе. Сплела из нитей магии подобие зеркала. Руки дрожали — не только от напряжения, но и от невольной паники, зарождающейся у меня внутри. У безликих теней-душ ведь нет глаз. Сможет ли она тогда увидеть свое отражение?

И в тот момент, когда я взглянула на маленькую тень, дрожь прошла и я успокоилась. Души все же видели меня

- пусть даже и опираясь на иные, отличные от человеческих, чувства.

Как и в прошлый раз, прежде, чем объект моих чар увидел себя в том «зеркале», его отражение увидела я. И если в случае с Айлин отражение ее души походило на черную тьму с редкими проблесками света, то в душе безликой тени царствовала пустота... Пропась. Бездна.

Душа застыла, в вынужденном падении вглубь собственного «я» позабывшая о попытках слиться с маленькой тенью. Та, что при жизни была маленькой девочкой, тут же ринулась прочь — ко мне. Кажется, она даже обняла меня на мгновение, обхватив мою талию тонкими лоскутками рук — но прикосновение это не было жалящим или неприятным. Только теплый ветер коснулся моего платья и тут же исчез — когда маленькая тень отстранилась.

- Они поглощают слабых душ, чтобы самим становиться сильнее, — вдруг прошептала она.

- Какой кошмар... — Я покачала головой. Попыталась взглянуть в лицо маленькой тени, разглядеть его черты. Нет, бесполезно — лишь призрачно-серая маска. — Как тебя зовут?

- Не помню. Неважно. Меня ждут. Спасибо, что ты мне помогла. Я бы и справилась, если бы мы были вместе. Но нас разлучили.

- Мы? — переспросила я. — У тебя здесь родные?

Знание, что душа девочки не одна в этом страшном месте, успокаивало.

— Да, они ждут. Беспокоятся. Ты не отсюда — я сразу почувствовала. Мы постараемся приглядывать за тобой. Где бы ты ни находилась.

От неожиданности я рассмеялась. Смех, звучащий здесь фальшиво и натужно, тут же затих, словно безликая серость его поглотила.

- Спасибо, — улыбнулась я.

Маленькая тень кивнула.

- А теперь иди. Тебе опасно здесь оставаться. Такие души, как та, что напала на меня... они крадут свет живых. — Живые... они действительно бывают здесь? — удивилась я.

- Но ты же здесь, — резонно заметила душа девчушки.

Я никогда не увижу ее лица и даже имени не узнаю. Вздохнув, я попрощалась с маленькой тенью. Мы разошлись по разным сторонам, но каждая — к своим любимым.

Глава тридцать третья. Гвендолин

То, что в мое отсутствие Лоуренс с ума сходил от беспокойства, я поняла сразу — по его бледному и напряженному, словно высеченному из камня, лицу. По облегчению, отразившемуся в глазах, по крепости объятий, кажется, призванных сломать мне все кости.

— Боги, почему так долго? Я столько себе уже напридумывал!

— Ты сказал, что веришь в меня, — сдавленно произнесла я.

— Верю. Но, милая, это Царство Теней, а не прогулка по песчаному пляжу. Там на каждом шагу — опасность.

— Сейчас опасности моему здоровью угрожаешь только ты, — несколько нервно пошутила я.

Хватка тут же ослабла. Лоуренс неохотно выпустил меня из объятий.

— Она у тебя? — нетерпеливо спросила Хозяйка Леса. — Ты нашла Черную Слезу Персефоны?

— Нашла. — Я раскрыла ладонь, в которой трепетно сжимала артефакт.

Хозяйка Леса шагнула ко мне, взяла в руки Слезу, царапнув меня длинными ногтями.

— Теперь ты расколдуешь Лоуренса? — нервничая, спросила я.

— Конечно. — По лицу Хозяйки Леса скользнула усмешка.

Я взглянула на небо — кажущееся таким недолгим путешествие по Царству Теней на деле заняло не меньше нескольких часов. Как только рассветет, Лоуренс должен будет обратиться в мантикора... А значит, нельзя было медлить.

Мысли Хозяйки Леса, по всей видимости, были созвучны моим — поспешно спрятав Черную Слезу Персефоны в кулоне на шее, она, не тратя времени, шагнула к Лоуренсу и положила руку на его грудь. Прикрыв глаза, что-то прошептала — мне показалось, что мой возлюбленный на миг побледнел. Затем она принялась вить из порывов ветра невидимую сеть.

Чары плелись, а в воздухе повисло напряжение — тягучее, как смола. Я ощущала его кожей. Сердце билось где-то в горле. Сжав руки в кулаки, я неотрывно смотрела на Лоуренса. Он поймал мой взгляд и, даже будучи смертельно бледным — я видела бисеринки пота на его лбу, нашел в себе силы улыбнуться. «Все будет хорошо», — говорил его взгляд. И я верила.

Верила напрасно.

Когда все было кончено, Хозяйка Леса отступила на шаг. Что она видела, глядя на Лоуренса, я не знала, но ее лицо светилось довольством.

— Я... — прохрипел он. — Я странно себя чувствую.

— Неудивительно, — равнодушно обронила Хозяйка Леса. — Приближается рассвет, и твоя способность быть человеком медленно разрушается под воздействием моих чар. Теперь уже навсегда.

— Что? — воскликнула я.

Еще не до конца осознавая смысл сказанных ею фраз, но понимая, что произошло что-то страшное, неправильное, порывисто шагнула вперед... чтобы с размаху натолкнуться на невидимую стену. Носом пошла кровь, но я, зажав его, почти этого не замечала — все мое внимание было приковано к Лоуренсу и Хозяйке Леса. Поводив рукой вокруг себя, я поняла, что заточена в невидимую, но прочную клетку.

— Ты недооценил своего брата, Лоуренс Галлахар, — холодно произнесла Хозяйка Леса. — Неужели ты правда думал, что он так просто тебя отпустит? После того, как ты — уже дважды — предал его?

— Значит, ты одна из его собачонок? — с ненавистью процедил Лоуренс. — Что же заставило тебя предать даневийцев и перейти на сторону Ареса?

— Я всегда была ему верна. — Ее изумрудные глаза сверкнули фанатичным блеском. — И даже моя смерть этого не изменила.

Лоуренс медленно покачал головой.

— Ахейдис... Я должен был догадаться.

Я не сдержала изумленного вскрика. Ахейдис — убитая людьми Ингвара Хозяйка Леса. Та, что, по воле Ареса, и наслала на Лоуренса проклятие.

— А ты изменилась, — сухо сказал Лоуренс. — Та Хозяйка Леса, что я знал, была уродлива и горбата.

— Моя душа не ушла, и это стала моим спасением. Энио дала мне новую жизнь и новое тело. Много с тех пор изменилось... но моя верность ей и Аресу осталась нерушимой.

И в этом нам пришлось убедиться совсем скоро. Когда на небе расцвел золотисто-алый цветок рассвета, Лоуренс потерял человеческое обличье. Я смотрела в янтарные глаза моего любимого мантикора, едва сдерживая слезы.

— Мне жаль, Искра, но больше человеком он не станет, — забавляясь, произнесла Хозяйка Леса. — А теперь скажи мне: каково это — любить дикого зверя?

Я не произнесла ни слова. Молчала и тогда, когда на поляну ворвались солдаты Ареса. Впереди шел сам герцог даневийский. Поравнявшись с мантикором, он накинул на него ошейник. В этом не было нужды — Лоуренс говорил, что Аресу ничего не стоит подчинить его сознание своей воле. Это был жест демонстрации власти, унижение, наказание за предательство — не более того.

Пока ухмыляющийся Рэйст сковывал мне руки за спиной, я смотрела на Лоуренса и гнала из глаз отчаяние. И когда выпал случай оказаться в непосредственной близости от него, я не преминула этим воспользоваться. Шепнула, зная, что он услышит.

— Мы выберемся. Выбрались однажды, выберемся и теперь.

Нельзя было показывать, насколько мне страшно и тяжело. Мне было больно, но ему сейчас в разы больней. Ведь собственный брат навсегда лишил его шанса быть человеком.

Глава тридцать четвертая. Лили

— Лили... Когда ты появилась здесь, в Непримириемых Землях... Я думал, наше знакомство скоротечно. Думал, что наши пути разойдутся сразу же, как только пересекутся. Ты с кем-то из моих ребят отправишься домой, я же — за Слезой Персефоны.

Я перевела на Тейта озадаченный взгляд.

— Зачем ты говоришь мне это?

— Затем, чтобы объяснить, почему я тебе лгал.

Где-то на уровне сердца в мою кожу вонзились десятки холодных игл. Лгал? Ложь я ненавидела, презирала... И вот Тейт, за короткое время ставший мне таким дорогим и близким, говорит, что все это время мне врал. Я не знала, к чему себя подготовить, поэтому просто обхватила руками плечи в попытке защититься и молча ждала.

— Лили, я не иду к Ингвару, чтобы отдать ему Слезу.

— Нет? — Голос дрогнул.

Тейт помотал головой.

— Все дело в том, что я и есть Ингвар. — Уголок его рта чуть изогнулся.

Несколько мгновений я представляла из себя неподвижную фарфоровую куколку с разинутым ртом. Поняв, что выгляжу по меньшей мере глупо, сомкнула губы. Значит, все эти рассказы Грега, Гастера и «Тейта» об Ингваре — о том, что он умеет превращаться в тень и растворяться в тумане, он огромный, как каменный голем, — лишь мальчишеская забава и подтрунивание над ним? Все это время они посмеивались надо мной, зная, что Ингвар находится от меня на расстоянии ладони.

— Но... Ты... Не пойму — почему ты притворялся кем-то другим?

Лицо его помрачнело.

— Потому что я стыдился того, что проиграл войну. Того, что из-за меня Даневия находится во власти жестокого кукловода, который не гнушается ничем ради достижения собственной цели.

— Ингвар, — выдохнула я.

Невероятно. Маг, схлестнувшийся с самим Аресом...

Он невесело усмехнулся.

— Да, это я. Совершенно обычный, как ты можешь убедиться. Не могущественный маг способный сокрушать горы, не великий полководец.

— Ты не должен так говорить. Для меня ты — необыкновенный, — шепнула я, подходя ближе. — Тем ценнее то, что ты, пусть даже проигрывая Аресу по силе дара и не имеющий таких сильных союзников как некромаг, выступил против них обоих.

Ингвар нежно мне улыбнулся. Аккуратно обхватил пальцами мой подбородок и, притянув ближе, поцеловал. Легкий, воздушный поцелуй, словно шелковая лента, скользнувшая по лицу, породил в душе такой взрыв эмоций, что я едва устояла на ногах. Ингвар игриво коснулся носом моего и, к невероятному разочарованию, отстранился.

Переводя сбившееся дыхание и старательно отводя взгляд, я спросила:

— А Слеза Персефоны, которой ты завладел... Как она поможет тебе в борьбе с Аресом?

Ингвар подался вперед, высвободил цепочку, перекочевавшую с моей груди в его ладонь. Открыл кулон и вложил в мою руку прозрачный кристалл величиной с полмизинца.

Я зачарованно разглядывала его, вертя в пальцах. Под прозрачной оболочкой клубилась эфемерная серебристо-белая субстанция — искрящаяся, как лунные блики на озере.

— Что внутри него? — замороженно спросила я.

— Жизнь, — просто ответил он.

— И как ты собираешься воспользоваться Слезой Персефоны?

— Мне нужно извлечь магию из нее и благодаря ей научиться успокаивать мертвых, чтобы нейтрализовать магию Ареса. Это вряд ли сделает нас равными противниками, но во всяком случае, даст моей армии шанс выстоять против армии Ареса.

Все свободное время во время нашего пути — на отдыхе, перед коротким сном и прямо в дороге, Ингвар тратил на то, чтобы научиться извлекать из Слезы заключенную в ней магию жизни. Правда, я и не думала, что это будет выпивать из него так много сил.

Когда мы наконец попали в его лагерь, где прятались солдаты, выжившие на войне с Аресом, Ингвар совсем отдалился, все свое время посвящая попыткам подчинить себе магию Слезы. Я тосковала по нему — по нашим тренировкам, милым беседам и легкому заигрыванию друг с другом. Но для обиды не было причин — я понимала, насколько важно то, что он собирался сделать.

В один из дней, устав от разлуки, я все же осмелилась войти в его шатер — один из многих шатров, рассыпанных по долине на небольшом расстоянии друг от друга. В лагере я стала гостей и быстро нашла общий язык с солдатами и магами, среди которых было и немало женщин. Да и весельчак Гастер не давал мне заскучать, даже обучил немного стрельбе из лука.

Я увидела Ингвара сидящем на полу, уставшим, если не сказать измученным. Светлые волосы сильно отрасли и теперь касались широких плеч, под глазами цвета неба залегли темные круги.

— Лили, — он улыбнулся мне, и улыбка лучом света озарила его лицо, стирая усталость.

Я села на колени рядом с ним и, наклонившись вперед, поцеловала. Теплые пальцы обхватили мой затылок, запутались в волосах. Прижимали к себе, не давая отстраниться и требуя, чтобы поцелуй продолжался бесконечно.

— Прости, лисичка, что так надолго оставил тебя одну, — прошептал Ингвар, касаясь лбом моего лба.

— Ничего, я все понимаю. — Я вернула ему улыбку. Правда, она тут же растаяла, стоило мне разглядеть, как сильно похудел Ингвар с момента нашего знакомства. — Что тебя мучает?

С его губ сорвался тяжелый вздох.

— Я думал, что можно вытянуть из Слезы ее магию и... усилить ее. Использовать ее, чтобы наложить чары на мечи, стрелы и посохи, окружить магией жизни руки магов, чтобы они могли успокаивать мертвых, но... ничего не выходит. Магия не желает покидать Слезу Персефоны таким образом.

— Таким образом? — уцепилась я за его слова. — Значит, существует и другой способ?

Ингвар кивнул.

- Существует. Если я разобью Слезу и впитаю в себя вытекающую из нее магию, то она наделит меня ею.

- Не понимаю, — нахмурилась я. — И почему тебе это не нравится? Разве не этого ты хотел добиться?

- Я хотел поделиться этой силой — магией жизни — с остальными. Хотел наделить ею солдат и их оружие — чтобы они, как и я, смогли отражать атаки неупокоенных.

- Выходит, все это придется делать тебе одному, — задумчиво сказала я. — Но разве это не... справедливо? Ты — их предводитель, их лидер. Ты и должен быть сильнее своих солдат, чтобы вести их вперед.

- Все это правильно, и я не боюсь взвалить этот груз на свои плечи, но... Что, если со мной что-нибудь случится? Никого не останется, кто бы смог умирять воскрешенных некромагом мертвецов. Кто защитит моих людей?

- С тобой ничего не случится, пока твои люди будут тебя защищать, — твердо сказала я. — Ингвар, я говорила с ними! Ради тебя они готовы броситься в огонь! Ты даешь им надежду на лучшее будущее... И к тому же, я верю, что с тобой ничего не случится. Судьба не может поступить со мной так жестоко — отнять тебя, когда я только тебя обрела...

Ингвар тихо рассмеялся. Выпрямился и вдруг... поднял меня на руки. Я послушно обвила руками его шею, чувствуя, как наши сердца бьются в унисон. Он сел на кровать, но рук не разжал, и я по-прежнему сидела у него на коленях, крепко его обнимая.

- Я разобью Слезу, впитаю в себя магию жизни. Но прежде, чем я это сделаю, прежде, чем война начнется снова... Я хочу, чтобы ты знала. Я люблю тебя, Лили.

Мое сердце, нарушив заведенный порядок, сбилось с ритма, подпрыгнуло вверх и затрепыхалось где-то в горле. Мысли запутались и, порвавшись, оставили в голове биться лишь одну: он меня любит. Ингвар любит меня.

— И я тебя, — прошептала я прямо в его ухо. Все вдруг стало таким правильным, таким умиротворенным... Даже несмотря на то, что за порогом нас ждала война.

Я часто слышала истории о людях, которые находили любовь всей своей жизни, когда за окнами их домов гремела война и невольно их осуждала. Как можно любить, как можно быть счастливым, когда судьбы людей рушатся подобно карточным домикам, когда гибнут люди?

И вот теперь я была одной из тех, кто сумел найти искру света в непроглядной темноте. И теперь я понимала, как глупа была когда-то. Ведь это великое счастье и божий дар — найти того, кто заставит тебя полюбить, невзирая на притаившуюся за углом, словно хищный зверь, опасность.

Эту ночь мы провели вдвоем и проснулись в объятиях друг друга. И это тоже казалось правильным.

Облаченная лишь в простыню, я смотрела, как мой любимый мужчина разбивает Белую Слезу Персефоны. Как разливается в воздухе ее живительная сила. Как серебристо-белый призрачный шлейф обвивает руки Ингвара, чтобы мгновением спустя десятками тончайших игл проникнуть в его кровь и навсегда там остаться, пропитывая ее силой магии жизни. Я видела свечение, охватившее его ладони, которое медленно гасло, пока не исчезло совсем.

Одевшись, мы вышли из шатра. То, что предстало моим глазам, немало меня изумило: десятки шаманов во главе с Пако-Ташем заполонили лагерь. Вождь поприветствовал меня, а Ингвар, заметив мое удивление, с улыбкой объяснил:

- Я отправил гонца в долину Кейас и попросил шаманов сражаться вместе со мной против Ареса. Убедил их в том, что на покорении Даневии он не остановится. Такие, как он — завоеватели, тираны, алчущие крови, не останавливаются никогда.

- И что теперь? — нервничая, спросила я.

Ингвар повернулся ко мне, ободряюще сжал мою руку.

- Теперь мы пойдём войной на замок Ареса.

Глава тридцать пятая. Гвендолин

Я потеряла счет дням и уже не знала, сколько времени я провела в замке Ареса — уже в качестве запертой в темнице пленницы. Против своей воли я нарушила данное самой себе обещание никогда не возвращаться сюда.

Я знала, почему Рэйст до сих пор меня не убил — я нужна была ему как Искра. Но не только... Спустя несколько часов после того, как за моей спиной захлопнулась стальная решетка, Рэйст пришел ко мне. То, что я сделала с его женой — как оказалось, Айлин до сих пор не очнулась, не избавилась от созерцания собственной бездны, — вопреки моим ожиданиям некромага не разозлило. В какой-то момент я поняла: все гораздо хуже — Рэйст благодарен мне. Благодарен за то, что избавила его от вечного надзора, от беспрестанно следующих за ним невидимых глаз, от ревности и бесконечных истерик.

Рэйст дождался, когда страж запрет дверь и уйдет прочь из темницы. Подошел ко мне со своей характерной ухмылкой и похотью, горящей в глазах. Я отступала назад, пока не уперлась спиной в холодную стену.

— Глупая, такая глупая... Зачем ты сбегала от меня? Неужели предпочла мне Лоуренса, слабохарактерного получеловека? И смотри, что из этого вышло...

— Он никогда не был слабым, — звенящим от напряжения голосом произнесла я. Терять мне уже было просто нечего. — Он просто не такое чудовище, как ты или Арес.

Глаза некромага потемнели. Прищурившись, он мстительно сказал:

— Лоуренс сейчас самое что ни на есть чудовище, дикий и необузданный зверь, чью волю Арес навсегда себе подчинил.

Я так крепко стиснула зубы, что они заныли.

— А вот твоя участь еще не решена... — Задумчиво произнес Рэйст, скользя по мне раздевающим взглядом. — Представляю, как неприятно тебе находиться в холодной темнице, вечно погруженной в полумрак... и если ты поумеришь свой пыл и угомонишь свою, никому не нужную, гордость... мои роскошные покои окажутся в полном твоём распоряжении. Мои слуги, лучшие шелка и драгоценности — все это окажется твоим.

Я задохнулась от возмущения. Этот ублюдок предлагал мне стать его любовницей при живой, пусть и ушедшей в глубины подсознания жене?

— Этого. Никогда. Не будет, — отчеканила я.

Ленивая усмешка сползла с его губ. Взгляд стал холодным и колким.

— Ты передумаешь, Гвендолин. Настанет момент, когда тебе придется передумать.

С момента того разговора Рэйст навевывался ко мне еще несколько раз, но его слова, как и мое решение, были неизменны.

Горечь, тоска, одиночество — все, что осталось в моей искромсанной жизни. Больше всего было осознавать, что наше будущее с Лоуренсом, о котором так мечтали мы оба, никогда не станет настоящим. Хозяйка Леса лишила его шанса вернуть человеческое обличье, родной брат подчинил себе его волю...

Я не знала, что делать. Не знала, чего ждать от стервы-судьбы, которая, казалось, твердо вознамерилась разрушить мой мир до основания.

И весть о нападении армии Ингвара на обитель Ареса лишь подтвердила мою горькую догадку. Этого момента я боялась с тех самых пор, когда, ведомая элькхе, перешагнула порог замка. И когда Рэйст отпер мою клетку, вместо свободы я получила приказ быть Искрой.

Приказ, послушаться которого не позволяла привязка... и новый браслет, защелкнутый на моей руке.

Я шла будто в полусне, зная, что сопротивляться нет смысла. Миновала лестницу и надземный этаж замка. Битва кипела во внутреннем дворе, куда армия Ингвара каким-то чудом смогла прорваться. Я увидела схлестнувшихся с мертвыми живых — солдат Ингвара в схватке с некрисами Ареса, скрещенные клинки, забрызганные кровью оскаленные бледные лица. Белое на красном... Жизнь и смерть.

Я увидела его — светловолосого молодого мужчину с мрачным, полным решимости взглядом. Каким-то образом я сразу поняла, кого вижу перед собой — быть может, потому, что магию, которую он применял, наблюдала впервые. Вопреки сказанным мне когда-то словам Рэйста о том, что упокоить навсегда воскрешенных им мертвых невероятно сложно, Ингвару это удавалось. Сила, исходящая от его ладоней — магия света, магия жизни — стала тем самым оружием против мертвых, которого Даневии так недостовало. Долгое касание руки, от которой исходило едва уловимое мерцание — и магия уходила из неупокоенных, лишая их дарованного Рэйстом подобия жизни. Они умирали... на этот раз уже навсегда.

И прежде чем Рэйст, используя спеленавшие нас узы, забрал мою Силу, я увидела Лоуренса... в его уже неизменном обличье мантикора. Он как преданный пес сопровождал Ареса, и, что хуже всего, с дикой яростью набрасывался на солдат Ингвара, явно подчиняясь мысленным приказам брата. Я не хотела этого видеть... но не могла отвести взгляд. Лоуренс больше не принадлежал самому себе. Я его потеряла. Я действительно потеряла его навсегда.

И в тот момент, когда казалось, что нет тяжелее испытания, чем наблюдать, как мой любимый, навеки превращенный в дикого зверя, убивает истинных защитников Даневии, судьба преподнесла мне последний, завершающий, удар.

Меч одного из солдат Ингвара вонзился в мощную грудь мантикора.

Я помню, что закричала, падая на колени, захлебнулась в собственных слезах. И все происходящее стало уже неважным: то, что Рэйст выпил мою силу до дна, но даже это не помогло ему поднять упокоенных Ингваром некрисов; то, что, лишившись своей главной боевой мощи, Арес стремительно проигрывал, теряя одного бойца за другим. Все стало мелочным и пустым, а окружающий мир — серым и безликим, таким похожим на Царство Теней.

Я видела, как Лоуренс умирает, но была бессильна что-либо изменить. И когда закрылись его глаза, знала, что сейчас он видит ту же серость, что и я... Только ему из этой серости выбраться уже невозможно...

Исход битвы был предрешен — это стало ясно в тот миг, когда Ингвар пустил в ход свою магию. Пребывая все в том же оцепенении, который заставил яркие краски окружающего меня мира раствориться, я отрешенно наблюдала, как армия Ингвара — порядком поредевшая армия победителей, ставит на колени побежденных и приставляет к их горлу лезвия мечей. Я была одной из них... но смерть меня уже не страшила.

— Нет, это она, Ингвар! Это Гвендолин!

Не может быть. Мне пригрезилось. Приснилось. Иначе откуда здесь, на поле битвы, взяться голосу моей Лили?

Но это действительно была она — еще более худая, какой запомнилась мне в нашу последнюю встречу. Но глаза горят, а в руках — кинжалы. Лили Меарк — хрупкий цветок, нежная, милая прелестница, сражалась наряду с солдатами Ингвара? Наверное, все это

действительно сон.

- Лили? — неуверенно спросила я, когда один из бойцов осторожно помог мне подняться. Надо было видеть лица Ареса и Рэйста, их ненавидящие взгляды...

- Гвен... — всхлипнула она.

Бросилась вперед, одновременно опуская кинжалы в ножны. Обняла меня так крепко, что стало ясно — все это не сон. Лили и правда здесь. Как я твердила себе все это время — мы снова вместе. Вот только не я нашла ее, а она меня.

Но так несправедливо, что я нашла Лили в такой страшный момент своей жизни. Обретя сестру, я потеряла любимого...

Я с неохотой разомкнула объятия.

- Как ты... — наверное, впервые в жизни я не находила слов. — Как ты оказалась здесь?

- Мне так много нужно тебе рассказать! — воскликнула Лили. — Но прежде...

- Прежде я убью Ареса, — сказал Ингвар.

- Позволь это сделать мне, — хрипло сказала я. — Это твоя война, но моя боль сильнее. Он держал меня в плену, отдал в рабство мою сестру. Он заколдовал моего любимого, которого вы по незнанию только что убили. Я хочу отомстить и за себя, и за Лоуренса. Позволь мне его убить.

Поколебавшись лишь мгновение, Ингвар молча отдал мне меч. Стоило мне приблизиться, Арес вскинул голову. Я ожидала, что он будет молить о прощении... увы, не дождалась. Жаль, но... пусть так. Пусть умирает молча.

Лезвие вошло в его грудь, разрывая плоть, вытягивая жизнь по капле. Я не почувствовала ликования, удовлетворения — я просто знала, что сделала то, что должна. Я отомстила. За наши с Лили страдания, за разрушенное будущее рядом с Лоуренсом... за смерть отца. Правосудие свершилось и круг замкнулся, когда я убила его убийцу.

- Рэйст, — жестко бросил Ингвар, забирая у меня меч.

Я обернулась. Несколько мгновений стояла, молча глядя на поверженного некромага.

- Если позволишь...

- Я тебе должен, — глухо сказал Ингвар. — За смерть того, кого мои люди посчитали своим врагом.

- Лоуренс и был в тот момент врагом — но лишь из-за того, что Арес полностью контролировал его волю. — Я медленно покачала головой. — Как бы я этого ни хотела, Рэйста убивать я не стану. На него у меня другие планы.

Лили была так прекрасна, что захватывало дух. Пышное белое платье с кружевами, прикрывающая взволнованное личико фата. Когда Ингвар — ее любимый, защитник и уже муж — целовал Лили долгим и нежным поцелуем, я видела, как дрожат ее руки.

Я убеждала себя в том, что сильные женщины не должны плакать, и смаргивала упрямо подступающие к глазам слезы. Я была так счастлива за них двоих, так гордилась ею! Моя смелая, сильная сестренка Лили...

Отныне — Лилиан Меарк, герцогиня Даневии.

— Как же она красива, — выдохнул Лоуренс.

Он стоял рядом, хоть и для всех остальных на свадебной церемонии был невидим. И все же я слышала его голос, чувствовала его присутствие... оказалось, что иногда для счастья нужно было так мало.

В тот день, когда горе смешалось с радостью, когда я встретила Лили и потеряла Лоуренса, меня навестил дух той самой девочки, которой я помогла в Царстве Теней. «Я обещала, что буду приглядывать за тобой. Я и моя семья... наших сил хватит, чтобы отблагодарить тебя за мое спасение».

Она оставила дверь в Царство Теней открытой — ровно настолько, чтобы позволить Лоуренсу появляться в мире живых. Пусть иногда, но быть со мной рядом. И хотя он уверял меня в том, что будет ждать меня в Царстве Теней столько, сколько потребуется, пускай говорил, что смерть стала для него освобождением — от проклятья Ареса, от страданий, что человеком ему больше уже никогда не быть... Но я отказывалась считать это финалом нашей с ним истории.

Рэйст, дважды сделавший меня пленницей в замке Ареса, стал моим пленником. Я вложила в его исследование часть своего новообретенного состояния. Под моим надзором некромаг учился оживлять людей так, чтобы они не теряли рассудок, не превращались в безмозглых некрисов, одержимых жаждой крови. Я знала, что на это требуется время. Но если есть хотя бы призрачный шанс, что мертвое тело можно соединить с бессмертной душой... я добьюсь этого рано или поздно. Я буду пытаться до последнего своего вдоха. Быть может, однажды у Лоуренса получится снова стать живым — ведь у Хозяйки леса получилось. И если мне снова придется быть Искрой для Рэйста, чтобы он отыскал способ его оживить, я пойду на это.

Я сделаю это ради нас двоих, ради нашего будущего в мире живых. И даже если ничего не выйдет... мы воссоединимся, но уже в мире мертвых. Смерть — не такая страшная. Теперь я это знаю.

У нас были эти мгновения счастья, когда я таяла от его прикосновений и нежилась в его объятиях... и будут еще. Нужно только этого дожидаться.

Больше книг на сайте - Knigolub.net